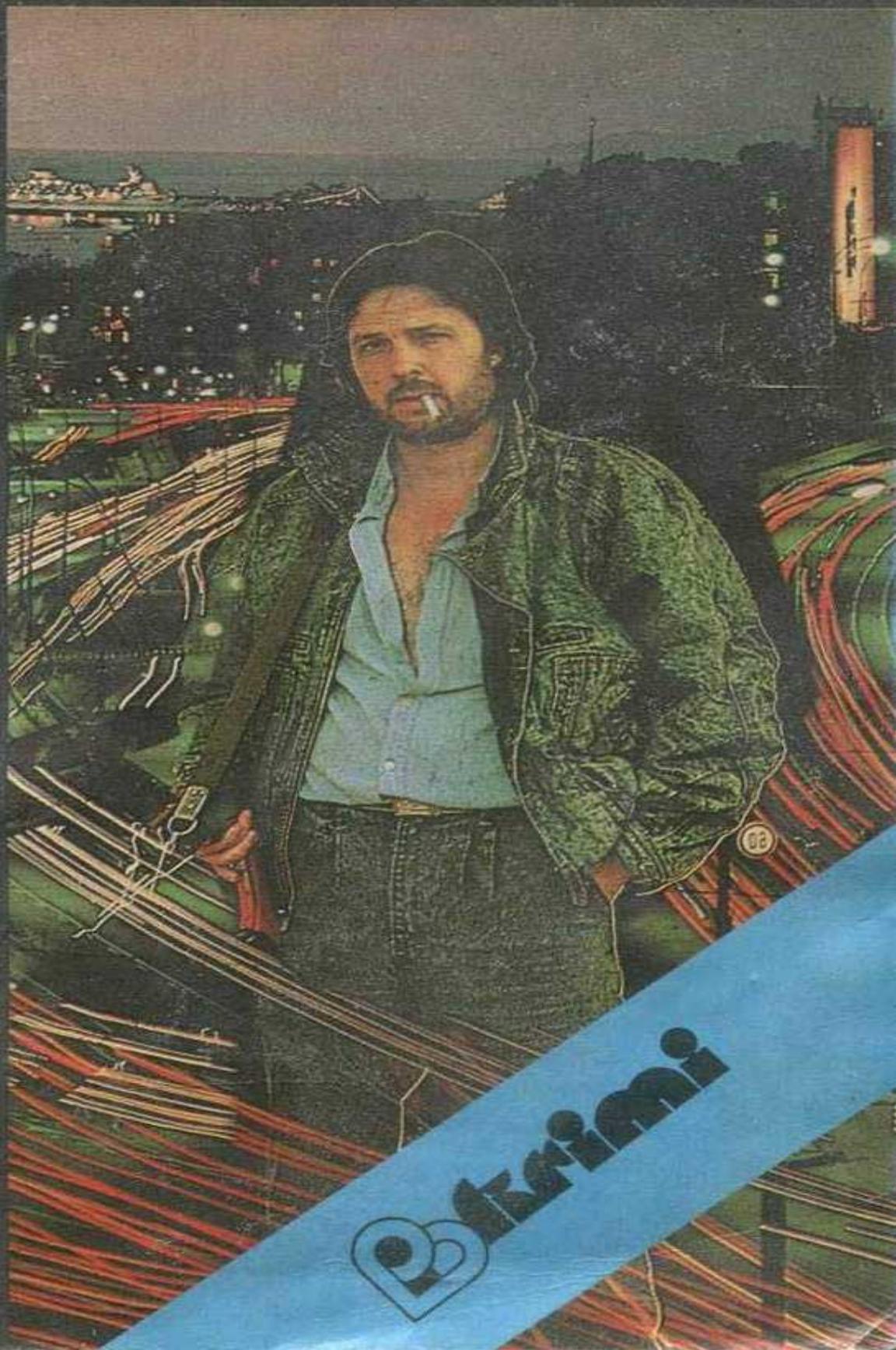

ПАРЕНЬ

ЖРУТКОЙ

Николай
ПСУРЦЕВ

 Krimi

В сборник вошли три криминальные повести Николая Псурцева, две из которых («Петух» и «Супермен») можно вполне отнести к образцам отечественного «крутого детектива».

Мини-повесть «Разные роли капитана Колотова» без прикрас рассказывает о том, как на самом деле трудится советская милиция, о том, как сложно вести двойную жизнь людям, работающим в органах, как трудно им совмещать свою жестокую работу с ролью сверхсправедливых, беспристрастных и гуманных служителей закона.

Повесть «Петух» в ироничной манере повествует о судьбе и неожиданной любви милиционера, мстящего всем представителям преступного мира за опозоренную в прошлом честь.

Судьба героя повести «Супермен» — работника милиции Сергея Ружина уже известна советскому читателю по одноименному фильму, с большим успехом демонстрирующемуся в этом году на экранах страны.

Николай Псурцев родился в 1954 г. в Москве. После окончания МГУ несколько лет служил в органах внутренних дел, работал в Московском уголовном розыске. В настоящее время — на литературной работе. Автор книг «Без злого умысла», «Перегон» и других.

Николай Псурцев
Крутой парень

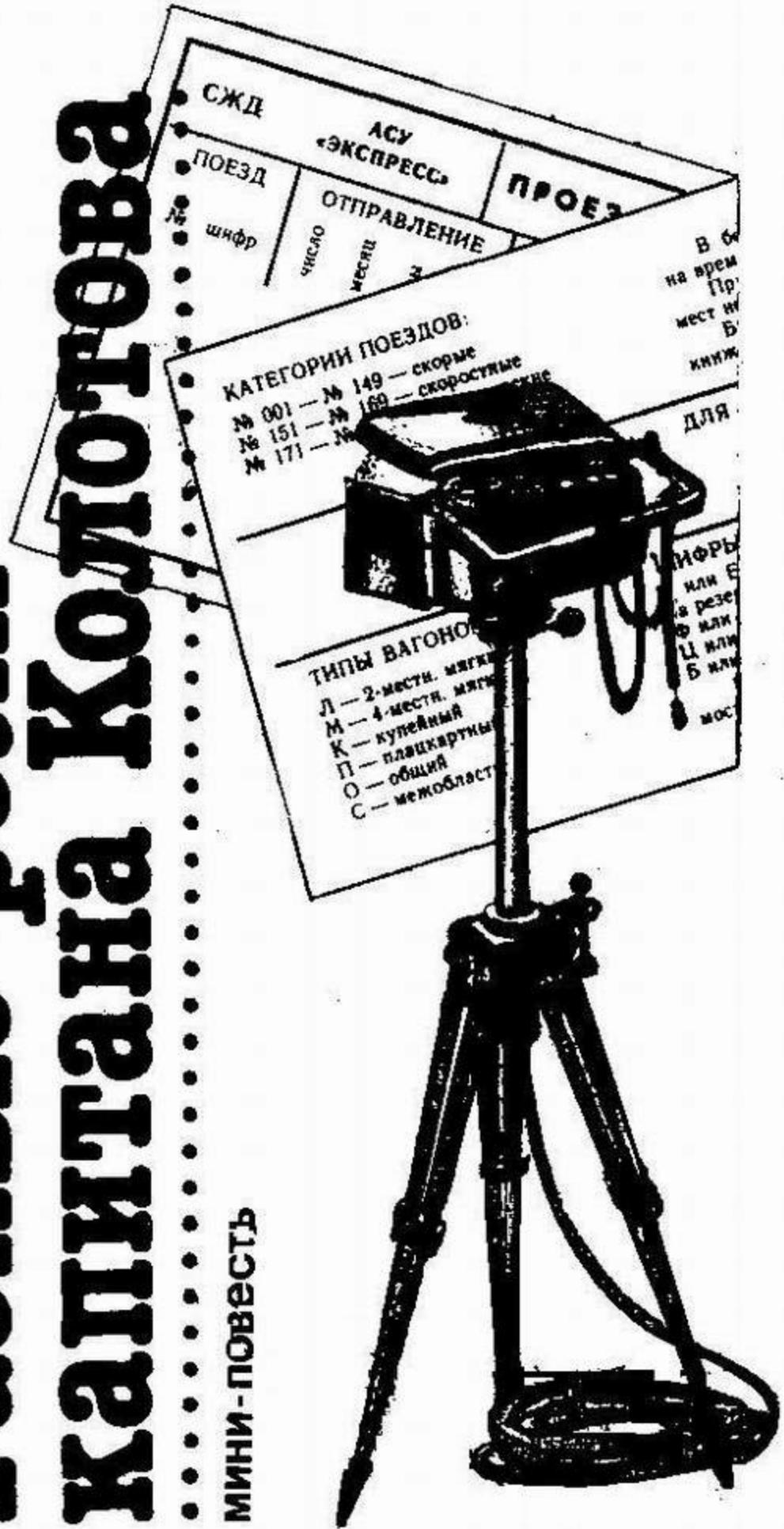
**Разные роли
капитана Колотова
.....
Супермен
.....
Петух
.....**

Разные роли капитана Колотова

Разные роли Капитана Колотова

МИНИ-ПОВЕСТЬ

СЖД
АСУ «ЭКСПРЕСС»
ПРОЕЗД
ПОЕЗД
№ шифр
ОТПРАВЛЕНИЕ
число
месяц
В б
на врем
Пр
мест н
Б
киж
ДЛЯ
ИФР
или Б
а резе
Ф или
Ц или
Б или
мос

КАТЕГОРИИ ПОЕЗДОВ:
№ 001 — № 149 — скорые
№ 151 — № 169 — скоростные
№ 171 — № 189 — скоростные

ТИПЫ ВАГОНОВ:
Л — 2-мест. мягк
М — 4-мест. мягк
К — купейный
П — плацкартный
О — общий
С — междобласт

— Он еще и издевается, — сказал Лаптев и указательным пальцем выщелкнул в окно окурок. — Вот гад кривоногий...

Мокрый окурок расползся на лобовом стекле «Волги»-такси, проезжающей мимо. Побагровевший таксист принялся сигналить, грозить кулаком и что-то выкрикивать яростное и страшное.

— Да иди ты! — махнул рукой Лаптев и чуть притормозил, чтобы «Волга» проехала.

— Я тебя выгоню, — тихо сообщил Колотов.

— А че такое, че такое? — встрепенулся Лаптев, опять нажимая на акселератор. — Гад, он и есть гад и издевается еще. По всему городу за ним мотались, и только за-ради того, чтоб он нас обратно в управление привел. Так могли бы сидеть у окошка да и ждать. Ну? Правильно? Ну?

— За рот твой слюнявый выгоню, — уточнил Колотов. — Постовым поставлю к урне на вокзале. Будешь гражданам указывать, куда окурки кидать. Заодно и сам поучишься.

С заднего сиденья хихикнули.

— На площадь-то не выезжай, — Колотов пальцем принялся разминать слегка затекшие ноги. — Тормозни на углу. Поглядим, зачем Гуляй сюда пожаловал.

— Он либо наглец, — подался с заднего сиденья Скворцов, — либо одурел, балбес, от самогона и прет неизвестно куда, дороги, понимаешь ли, не разбирая.

— Я думаю, он сдаваться идет, — серьезно заметил Зотов. — Пил, гулял, воровал. А вот утром сегодня проснулся, и так нехорошо ему стало, так муторно, ну просто не вмоготу. Пошто же жизнь свою молодую поганю, подумал, пошто не живу как все, чисто, светло, на одну зарплату? Расплакался, надел штаны «вареные», итальянские, «Феруччи», и пошел сдаваться.

— Не, — отозвался Лаптев. — Он дразнится. Засек, что его ведут, понял, что все кранты, не деться никуда, и фасонит теперь, изгаляется. Ща потопчется возле управления и в прокуратуру нас потащит, а потом в филармонию Шульберта слушать, и будет там какой-нибудь пиликалка два часа нам уши чистить. Мы уснем, а он скок и был таков...

— Ну как не стыдно, — Зотов помотал головой в знак своего искреннего душевного огорчения. — Только плохое в людях видим. Ну осталось же в нем что-то святое?

— Нет, датый он, точно датый, — не отступал Скворцов. — Ишь как озирается! Очухался и никак не сообразит, куда попал.

— Все, тихо, — Колотов наклонился вперед. — А вот и Питон. Молодец Нинель. Скинемся, флакончик «Фиджи» ей купим.

Кривоногий Гуляй был большим модником. Кроме «вареных» джинсов на нем была еще и черная лайковая куртка и жокейская кепочка с длинным козырьком и с какой-то нерусской надписью на тулье. И он, видимо, очень радовался, что он такой модный, хоть и кривоногий. И впрямь, как заметил Скворцов, он все озирался по сторонам, но, верно, не из-за того, что не понял, куда попал, а из-за того, чтобы поглядеть, какой эффект его «варенки» производят на девочек, девушек и дам. Но девочкам, девушкам и дамам было, судя по всему, как до лампочки, до модного Гуляя, и он был этим явно расстроен и что-то говорил обидное им вслед, особенно громко в спину самым худеньким и хрупким. Бог их знает, женщины разные бывают, иная, что покрепче, глядишь, развернется и саданет Гуляя по загривку, и покатится по асфальту его нерусская кепочка, и затопчут ее равнодушные и невоспитанные пешеходы своими добротными отечественными башмаками, а иная и крикнет громово и порекомендует ему, где и в каком месте свои словесные изыски

выказывать, а какая, глядишь, и милиционера кликнет. Всякие девочки, девушки, дамы бывают... А милиция, она близко, в десяти шагах. На красной вывеске возле дверей так и написано: «Управление внутренних дел». Но нет, не особо боится Гуляй милицию. Вон вышел дородный капитан, с козырьком на лоснящемся лбу, а Гуляй к нему скок и эдак развязненько, как в кинофильмах про двадцатые годы: «Разрешите прикурить, товарищ красивый милиционер».

— Сволочь, — заявил по этому поводу Лаптев.

— Мается он, мается, не знает, к кому подойти, — констатировал Зотов.

— Беляк пришел, — догадался Скворцов. — Ща крокодилчиками кидаться начнет...

Но вот Гуляй насторожился, оборвал вертеж свой по сторонам, уставился, чуть пригнувшись, в одну точку на краю площади. Этот его взгляд и проследил Колотов. Питона он еще не видел ни разу, но узнал его тотчас. Когда кого-то очень ждешь, когда очень жаждешь с ним встречи, когда по ночам снится он тебе без лица, с черным прогалом вместо него, тогда вмиг разглядишь долгожданного, даже в таком безмятежном столпотворении, что случилось сегодня на площади по поводу, видимо, прозрачно-воздушного, солнечно-синеватого сентябрьского дня. Питон был высок, крепок, черноволос, по-монгольски скуласт. Шагал он уверенно, сунув руки в карманы бананистых брюк, откинув назад полы свободного, почти бесформенного пиджака.

— Он вооружен, — сказал Колотов. Видите?..

— Левый внутренний карман чуть провисает, — подтвердил Зотов.

— Шеф, позволь, сниму гада с одного выстрела, — Скворцов угрожающе потянулся к кобуре под мышкой.

— Я все понял, — Колотов засмеялся. — Во дураки-то мы. Подружка-то Гуляя не соврала. Все четко.

— Что? — У Зотова вдруг вспотели ладони, и он незаметно вытер их о куртку.

— Питон встречу назначил на площади у помойки, — Колотов обернулся и посмотрел на своих спутников.

— Ну, — поторопил его Скворцов.

— У помойки, — повторил Колотов.

Никто не реагировал.

— Вот тупые-то, — Колотов дернул головой. — У помойки, у мусорской конторы, значит. У нашей с вами, значит, конторы.

— У-у-у-у, тварь, — злобно протянул Скворцов. — Не вынесу этого, шеф! Дай стрельнуть, дай!

— Здесь задерживать нельзя, — Колотов потер подбородок. — Народу тьма.

Гуляй и Питон наконец встретились. Пожали руки друг другу, как порядочные. Огляделись, как им показалось, незаметно и бодренько направились прочь от «помойки».

Лаптев завел двигатель, и «жигуленок» выкатил на площадь.

Посреди площади расположился овощной базар. Пестрые ларьки с меднолицыми, горластыми деревенскими кооператорами за прилавками. А вокруг веселые, гомонящие покупатели, загаившие от восторга дыхание, взирающие на обилие овощей и фруктов. Дождались все-таки. Спасибо областным властям, сообразовали наконец, потрафили покупателю, позволили витаминов вкусить по сходной цене, недешевой, но не рыночно-гангстерской! Слава богу! Колотов заметил каких-то ребят с фотоаппаратами среди толпы, с магнитофонами «Репортер» наперевес. Сегодня вечером по радио трезвон будет, а

то и по местному телевидению, ну а завтра подборочка в областной газете, это уж точно.

Пока объезжали базар по краю площади, на несколько мгновений потеряли из виду модную парочку, а когда наконец обогнули последний павильон, оказались от них метрах в десяти. Те преспокойненько поджидали автобус на остановке.

— Плохо, — сказал Колотов. — В такси было бы проще их брать. Что у них, бабок нет, что ли?!

— Экономят, — Зотов опять обтер ладони о куртку. — Денежка счет любит. Копеечка к копейке...

На остановке возле парочки томился тот самый дородный милиционер, у которого Гуляй прикурить попросил. Он нервно притоптывал ногой. Невтерпеж ему было. Спешил, видать, куда-то.

— Лобенко сменился, — хмыкнул Скворцов. — Домой мчится. Его там диван ждет и щи тещины, жирные, густые. Она у него в столовке работает. Он на тещу два раза бэхээсников напускал. Стращал. Она его теперь и вовсе на убой кормит. Успокоился...

А Лобенко словно учуял, что о нем говорят, вперся взглядом в машину, а потом заулыбался, залоснился, руки распахнул, словно Гуляя с Питоном обнять захотел. Те шарахнулись в сторону, побледнев мигом, а Лобенко уже бежал к машине, топая по-слоновьи.

— Идиот! — процедил Колотов. — Чему учили?! Давай, Митя, жми, пока он нас не спалил.

Машина рванулась, будто ей кто доброго пинка дал, ввинтилась в поток на улице Коммунаров и через несколько метров вильнула в проулок.

— Эй, Колотов! — донеслось сзади зычное. — Погодь!

И растаяло умирающим эхом: «Погодь... погодь... погодь...»

— Все, — сдавил сильно виски Колотов. — Опять придет ночью, только теперь с лицом.

— Кто? — не понял Зотов.

— Кто? — не поняли остальные.

— Да это я так, — Колотов махнул рукой и повернулся к Скворцову. — Давай, Миша, ищи такси.

— А я? — обреченно спросил шофер.

— Отгонишь машину в управление, срисовали ее, Митя.

Повезло. Не прошло и минуты, как к Колотову подкатила салатовая «Волга» с горделиво восседающим в ней Скворцовым. Колотов опасливо заглянул в кабину — не тот ли водила там правит, которому Лаптев неприятность на стекле сотворил. Чем черт не шутит. Нет. Шофер был другой, добродушный, пожилой, с хитрованским глазом. Подбежал наконец Зотов. Выдохнул:

— Сели. На двенадцатый. По коням!

Шофер весело развернулся, врубил третью скорость, гикнул что-то удальское и ухарски ворвался на улицу Коммунаров.

— Куда теперича? — Он по-молодецки крутил баранку тремя пальцами. — В «Комету», «Якорь» или «Былинку лесную» на пятнадцатый километр?

Колотов оглянулся на «оперов». И впрямь «фарцмадуи» какие-то, а не сотрудники — курточки, джинсики, цепочки на шеях, патлы уши покрывают, только по кабакам и шастать. А его самого шофер небось за основного принял — костюмчик деловой, добротный,

рубашечка с булавкой в воротнике (шею трет, где жена ее купила?). Самому тридцать пять, а на вид все сорок дашь. Короче, те двое — «шестерки» на подхвате, а он — «деловик». Не угадал хитровский папаша. Колотов вынул удостоверение и сунул его под нос шоферу.

— За тем автобусом и держись. Только не плотно. Сечешь?

Расстроился шофер, обмяк сразу, загрустил. Деревню свою вспомнил, матушку, знатную во всей округе певунью, дом на косогоре, курочек суетливых. Неужто это было? Чуть не расплакался...

Гуляй с Питоном вышли из автобуса у вокзала. Глянули на часы, на расписание, что над главным входом двухэтажного длинного вокзального здания висело, и не спеша двинулись к перрону. Зотов и Скворцов направились вслед. А Колотов аккуратно вывел на путевке грустного шофера несколько слов, записал номер удостоверения и расписался.

— Куплю дом в Заречье. — сказал шофер. — Дельный такой пятистенок, корову заведу, наймусь механизатором в колхоз. И гори оно все синим пламенем.

Колотов вздохнул мечтательно:

— Лес. Луга заливные. Навозцем тянет. Раздолье. Хорошо. Пригласишь?

— А приезжай!

Колотов вышел, мягко закрыв за собой дверцу. Шофер развернулся и покатил к стоянке. Увидел страждущую толпу на тротуаре и стал прикидывать, как бы облапошить распорядителя с повязкой на рукаве и набрать денежных «лохов» для поездки в аэропорт. О пятистенке он уже забыл.

Колотов догнал сотрудников, распорядился, чтобы Зотов нашел любого вокзального милиционера и попросил того связаться с работниками из отдела охраны — нужна помощь, по инструкции троих маловато для задержания вооруженного преступника, — а сам со Скворцовым поспешил за «модниками».

Гуляй с Питоном тем временем резво взбежали на перрон и скорым шагом двинулись вдоль зеленого состава, который уже едва заметно подрагивал и глухо гудел, исподволь копя силы, чтобы вскорости отклеиться от перрона, от временного своего пристанища, и с шумной радостью умчаться, куда фары светят.

«На юга ломятся, соколики, — отметил Колотов, глянув на табло перед перроном. — Без вещей? Бегут? Или их кто ждет там у вагона?»

— Через три минуты, шеф, — Скворцов поправил кобуру под мышкой.

— Вижу.

Уезжающие и провожающие уже суетливо обнимались, жали руки, обещали горячо, что мол, «непременно, непременно... Как только... Ты же знаешь, я не по этому делу... Для меня только одна женщина... Ты единственный...» и так далее... Колотов несколько раз оглянулся, но Зотова так и не заметил. У шестого вагона «модники» остановились, поозирались привычно, и только тогда Питон полез в карман и вынул билет. Проходя мимо, Колотов скользнул по его рукам взглядом. Один билет. Значит, Гуляй остается. Но в вагон они влезли оба.

— Ну что? — Колотов остановился резко и хрустко помял пальцы на левой руке.

— Пошли, — неуверенно подсказал Скворцов.

— Давай подождем малость.

— Минута, — Скворцов расстегнул молнию на куртке и тотчас застегнул ее обратно.

— Лучше расстегни, — посоветовал Колотов.

— Ага, — согласился Скворцов, но не расстегнул. Забыл.

— Где их черти носят?! — Колотов ослабил галстук, потом и вовсе развязал его, снял и, скомкав, сунул в карман.

Скворцов оттянул рукав куртки, посмотрел на часы.

— Все, — сказал Колотов. — Давай.

Маленькая проводница с унылым лицом встрепенулась с недоброй готовностью.

— Куда?

— За кудыкину гору, — процедил Колотов и взялся за поручень.

— Билет! — выкрикнула проводница и схватила Колотова за руку.

— Мы провожающие, — зло бросил Скворцов.

— Нельзя! — лицо проводницы оживилось, загорелось радостным ожесточением.

— Милиция, — едва сдерживаясь, тихо проговорил Колотов и вынул удостоверение. На мгновение проводница убрала руку. Колотов скользнул в вагон.

— Ой, напужал! Ой, напужал! — пришла в себя проводница. — Милиция. Подумаешь, а без билета все равно нельзя!

— Дура! — Скворцов оттолкнул ее в сторону и взлетел по железным ступенькам.

— Оскорблять, да? Оскорблять?! — взвизгнула маленькая злобница. Ей было хорошо, только ради этих минут стоит жить. А так скука смертная.

Колотов уже миновал тамбур, купе проводницы, с ходу врезался в необъятную даму с тихим лицом, локтем ощутил ватную мягкость груди, на миг взглянул в тоскующие глаза — провожающая — и наконец прорвался в коридор. Первое купе там уже едят, пахнет пирогами, быстро освоились; второе купе — кто-то суетливо убрал бутылку под стол; третье — радостно вскинулись дети, самый маленький вскрикнул: «Папочка...»

— Я вот сейчас начальнику поезда! Я вот сейчас в Совмин напишу!.. Самому напишу! Подумаешь, милиция! — яростно горланила за спиной проводница.

Из купе в середине вагона неожиданно выскочил Гуляй. Глаза растопырены, кепочка на боку. Остолбенел на миг от испуга. Мгновения достаточно. Колотов коротко ткнул его мыском правой ноги в пах. Гуляй охнул и переломился надвое, качнулся к стене и стал медленно оседать. Колотов рванул пистолет из кобуры, прыгнул к двери купе, выставил вперед руку с оружием, крикнул что есть силы:

— Лицом к окну! Руки за голову! Не шевелиться!

Две женщины средних лет с застывшими глазами, субтильный юноша с тонким галстучком, телом и руками их укрывающий. Смелый малый. И Питон, конвульсивно бьющийся у окна. Не открыть, голубчик. Иные теперь окошки делают, чем раньше. Удар по копчику, для острастки по затылку, правую руку на излом и Колотов шарит уже у Питона за пазухой — вот она, игрушечка, любовно телесным теплом нагретая.

Колотов услышал шум сзади, глухой удар, вскрик...

— Что?! — гаркнул он, обернувшись. В коридоре у окна, держась за нос, стоял Скворцов. Колотов все понял. — Держи этого, — рявкнул он. — Держи крепче. И волокит на выход. — Он рванул Питона на себя — тот завопил от боли в руке — и потащил в коридор. Скворцов помотал головой, вроде оклемался, и перехватил у Колотова руку Питона.

Проводница, точно как Скворцов секунду назад, стояла у окна, прижав ладонь к губам. В глазах плескались растерянность, страх, мольба о прощении... Она в последнем усилии вжалась в стенку, срослась с ней, когда Колотов, хрипло выдыхая, будто простуженный, пронесся мимо.

...Она отлипла от стены, нахмурилась, съежила лоб: что-то кольнуло под сердцем. Она потеряла это место, закрыла глаза и тотчас увидела Олечку, большеглазую, кругленькую, светящуюся. Такой она была год назад... Господи, она не видела дочь уже целый год. Зачем рожала, одна, без мужа? Дура! А потом испугалась, что замуж никто не возьмет с ребенком, и отвезла девочку к матери... Целый год! Стрелять надо таких, как она! Все. Как только состав придет обратно, отпуск за свой счет и к дочке — заберу с собой, крошечку...

Из купе вышел пузатый дядька со стаканом в руке.

— Сдурели, что ли?! — прикрикнула она. — Какой чай, когда поезд еще не отошел! Ну я вам устрою!

Она пошла в свое купе и стала придумывать разные разности, которые она устроит пассажирам во время долгого пути.

На перроне у самых ступеней, припав на колени и вдавив руки в живот, корчился Зотов. Колотов яростно ругнулся, спрыгнул на колдобистый асфальт, поднял Зотову лицо:

— Что?!

Зотов крутил головой, скривился, выжал из себя:

— Ножом... Больно... Обойдется...

Оторвал от живота руку, махнул в сторону головного вагона.

— Туда...

— Кто-нибудь! — заорал Колотов. — Помогите ему! — и сорвался, как спринтер со старта, краем глаза уловив на перроне приближающиеся фигуры двух милиционеров. Гуляя он увидел сразу. Это было несложно — в сутолоке провожающих образовался коридор. Люди жались к краям перрона. Они словно боялись ступить на то место, где только что пробежал Гуляй. И через несколько секунд Колотов понял почему — в руке Гуляя был нож.

— Сука! — вырвалось у Колотова. И затем зычный голос его пронесся над путями: — Возьму! Слышишь, возьму!

Через сотню метров перрон кончился. Гуляй ловко спрыгнул на землю и помчался по рельсам, высоко вскидывая локти. Еще сотня метров, и Колотов понял, что отстает. Паршиво. А тот так и прет к пакгаузам, знает: там спасение. Там среди десятков мелких строений, заборов, тут и там набросанных рельсов, шпал ему скрыться как нечего делать.

— Не дури! — закричал Колотов. — Сзади поезд! Раздавит!

Гуляй споткнулся, замедлил бег, нервно завертел головой по сторонам. А Колотов мчался, не снижая темпа. На ходу он снял пиджак, скомкал его и, когда до Гуляя осталось метра три, бросил пиджак Гуляю под ноги. Тот с размаху повалился ничком. Колотов прыгнул на него и придавил коленом позвоночник. Сзади и с боков по путям бежали люди.

Некоторое время он курил возле входа в отделение милиции при вокзале. Затягивался жадно, как школьник, которого мать гоняет за курение. Гуляя и Питона уже рассадили по разным кабинетам. Надо было их допрашивать, пока не остыли. Зотова увезла «скорая». Рана, слава богу, была неопасной. Зотов заплакал, когда его клали в машину. Колотов остановил санитаров, нагнулся к Зотову и поцеловал его. И тот вдруг улыбнулся сквозь слезы. Еще затяжка, сигарета затрещала сухо и полетела в урну.

Коридор в отделении был узкий, темный, с голыми, недавно крашенными стенами, с чистым, мытым скрипучим полом. Однако все равно стойко пахло табаком, потом — что делать, вокзал. «Тяжко ребятам каждый день дышать таким духом. Чертова работа».

В квадратном кабинете четыре стола впритык друг к другу. Тесно. Колотов знал

организации, в которых бездельники роскошествуют чуть ли не по одному в гораздо большем просторе.

Питон сидел на табурете у стены и безучастно смотрел в окно. Там, постукивая, проходил состав. Вот бы сигануть сейчас, и ищи ветра в поле... Напротив стоя курил оперативник из отделения, худой, костистый, с неожиданно румяным лицом. Колотов кивнул, подошел к столу. Там горкой были свалены золотые украшения, посверкивали камни в тяжелых оправках.

— Будь другом, — попросил Колотов. — Составь опись.

— Еще денег четыре куска, — оперативник подвинул пачку сторублевков.

— Хорошо, — Колотов взял билет, повернулся к Питону. — В Симферополь, значит, намылился, дружок? Ну-ну...

Питон не реагировал. Он все еще ехал в проходящем составе. Колотов повернулся к оперативнику:

— Оставь нас.

Оперативник принялся сгребать в ящик стола драгоценности и деньги.

Когда закрылась дверь, Колотов сказал:

— Хочешь на волю?

Питон напрягся.

— Я спрашиваю, — Колотов повысил голос. — Ну?!

— А кто ж не хочет? — осторожно усмехнулся Питон.

— Правильно, — согласился Колотов. — Соображаешь. — И добавил неожиданно: — Я тебя отпускаю. Только чтоб потом меня не привлекли за преступную халатность, это все надо грамотно разыграть. Так?

Питон шумно сглотнул слюну и кивнул.

— Значит, — продолжал Колотов, — ты сейчас дверь на замок, мне в челюсть, табуретом в окошко и был таков, а я золотишко себе в карман, будто это ты его с собой, понимаешь, и за тобой. Бабки нужны, понимаешь?

И Питон поверил. Покрутил мелко головой, шею потер, привстал, исподлобья глядя на Колотова.

— Ну-ну, — подбодрил его оперативник.

Питон вдруг обвалился, выдохнув, на табурет, ощерился, с ненавистью глядя на Колотова, просипел:

— А ты меня в затылочек при попытке к бегству! Пух, пух! На-козь выкуси, сволочь!

Колотов рассмеялся, потом перевел дыхание, обтер уголки губ, заметил просто:

— И это верно. Понятливый. — Лицо его вдруг отяжелело, веки налились, нависли грузно над глазами. — Я бы удушил тебя, если б можно было... Хотя, — и лицо его немного прояснилось, — ты и так не жалец.

— Это почему? — насторожился Питон.

— Да потому что через день-другой я найду Стилета и кой-кому стукну, что это ты его заложил, и мочканут тебя в зоне как пить дать.

— У-у-у-у-у! — Питон только и сумел, что завыть на такие некрасивые слова.

— Отдай Стилета. И договоримся по-хорошему. Пока следователь не приехал. А он приедет, у нас все как полагается, чистосердечное признание, то-се...

— Ну ты гад! — задыхаясь от негодования, проговорил Питон. — Ну ты гад!

— Ну и ты не лучше, — отозвался Колотов. — Давай про Стилета. А обо мне не надо. Я

фигура невеликая.

— Хрен тебе, а не Стилет! — выкрикнул Питон, захлебываясь слюной. — Тебе его искать и искать!

— Найду, — Колотов коротко и сильно потянулся, почему-то захотелось спать. — Найду и стукну...

Питон низко опустил голову, замычал, как корова перед дойкой, провел ладонями по коленям, будто втирая в них какое-то чудотворное снадобье, и неожиданно выхватил из-под себя табурет, легко, словно это и не табурет был, а корзинка какая-то плетеная, поднял его над головой и хотел обрушить на Колотова, но тот опередил Питона, по-боксерски ушел влево, одновременно правой рукой ударив «модника» в живот. Питон охнул, привалился к стенке, табурет с грохотом вывалился у него из руки. А Колотов тем временем схватил его за ворот рубахи, прижал к стене и зашипел, горячо и влажно дыша Питону в лицо:

— По самый твой гроб я о тебе заботиться буду! Крестничек ты теперь мой! Ни сна у тебя не будет, ни покоя, ни радости, ни удовольствия! Запомни! Запомни!

— Колотов! Прекрати! — раздался сзади жесткий голос. — Отцепись от задержанного!

Колотов с трудом разжал побелевшие пальцы, оторвался от Питона, обернулся. В дверях стоял начальник уголовного розыска города Доставнин, маленький, с острым лисьим лицом, с непропорционально широкими ладонями длинных, тонких рук.

— Что тут у вас? — Он стремительно прошел, сел на стул. Лицо у него было недовольное, верхняя губа чуть приподнята. — Рукоприкладство?

Колотов посмотрел на открытую дверь. В коридоре маячил румяный оперативник из отделения.

— Никак нет, — четко отрапортовал Колотов. — Попытка нападения со стороны задержанного. Я принял меры самообороны.

— Хорошо, — сказал начальник и тоже покосился на дверь. — Результаты?

— Двое по делу о квартирных разбоях у Мотовой и Скарыкина задержаны. Но мне нужен Стилет.

— Мне тоже, — сказал начальник. Он жестом поманил румяного оперативника. — Отведите его в изолятор.

Питона увели.

— Я помешал? — спросил начальник.

— Да нет, — Колотов махнул рукой и устало опустился на стул. — Он еще какое-то время фасонить будет. Дурак.

— Ну ты хорошо его к стенке, — Доставнин засмеялся. — Лицо у тебя было зверское.

— Так он вправду на меня с табуретом.

— Ну понятно, понятно, — недоверчиво согласился начальник. — Мне позвонил Скворцов, сказал, что ранен Зотов.

— Неопасно, — сказал Колотов. — Не рассчитали малость.

Затренькал телефон, пискляво и настойчиво. Раз, второй, третий.

— Возьми, что ли, — начальник кивнул на аппарат.

— Телефон, — тихо протянул Колотов и повторил: — Телефон...

Доставнин вопросительно посмотрел на него.

— Пошли, — Колотов встал. — Ща поглядим.

Телефон продолжал звонить.

Они торопливо прошагали в конец коридора и очутились в точно таком же кабинете.

Гуляй сидел за столом у окна и, обхватив двумя руками дымящийся стакан, шумно хлебал чай. Куртка его была застегнута наглухо, кепочка надвинута по самые уши, но он дрожал, будто с заполярного морозца сюда ввалился. Скворцов примостился напротив. Он мрачно глядел на Гуляя и нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Ох, как хотелось, наверное, Скворцову отомстить этому кривоногому пакостнику за свой так по-глупому разбитый нос. Но невероятным усилием воли Скворцов сдерживался. Он был дисциплинированным сотрудником и пока еще чтит социалистическую законность.

— Значит, так, — с усмешкой с порога начал Колотов. — Дружок твой поумней оказался и настоятельно просил тебя не откладывая позвонить Стилету, как и договаривались. Пусть он думает, что все в порядке и Питон уехал.

— А зачем? — глупо уставился на него Гуляй, стакан он не отпускал.

— Так надо, — сказал Колотов. — Для твоей же пользы. Или ты думаешь, дешево отделаешься за вооруженное нападение на сотрудника милиции?!

— Так все равно Питона встречать там будут, — взгляд его стал еще глупее.

Колотов расслабился. Он все угадал.

— Давай, давай, работай, — с довольной ухмылкой поторопил он Гуляя.

Гуляй снял кепочку, в раздумье взъерошил волосы возле лба и стал похож на двоечника, решающего у доски трудную задачку — сколько же будет два плюс три. Потом пожал плечами и нехотя потянулся сухими, плоскими пальцами к телефону. Колотов встал за его спиной и вперился взглядом в аппарат. «Три... Семь... Один... Четыре... Девять...» — повторял он про себя. Не успел диск завершить свое кручение, а Колотов, нависнув над Гуляем и прижав его животом к столу, уже надавил на рычажки.

— Понятно, — удовлетворенно проговорил он. — Как в аптеке. Будет тебе, Гуляй, большая награда от всего нашего дружного коллектива. — Он повернулся к Скворцову. — Триста семьдесят один сорок девять. Быстро установи адрес, и погнажи, ребята!

— Как?.. Это ж... — Гуляй удивленно смотрел то на Колотова, то на Доставнина.

Доставнин хищно улыбался. Глаза у Гуляя сделались по-рыбьи круглыми и дурными. Если бы он не всадил чуть ли не по самую рукоятку несколько минут назад нож в пах Зотову, у кого-нибудь из присутствующих в душе, может быть, и шевельнулось что-то похожее на жалость, глядя на него. А так...

— Трудно жить с пустой башкой-то, — засмеялся Колотов. — А, Гуляй?

Гуляй сморщился, будто вместо водки керосина хватанул, шмякнул кепку об пол, зачастил тихо, безнадежно:

— Порежут меня, суки поганые, порежут... Ой, сестреночка моя Машенька, что я наделал, пес беззубый...

— Совесть — великая вещь, — подняв палец, громко провозгласил Колотов. Он выглядел величественным и немного суровым. — Я верю, на волю он выйдет честным...

— Петровская, четырнадцать, — оторвался от телефона Скворцов.

— По коням! — Колотов будто шашкой рубанул рукой воздух.

Он был возбужден от предошущения предстоящего, по всей видимости, непростого задержания, и поэтому ему хотелось много говорить, много и громко смеяться, и он уже заготовил несколько, по его мнению, изящных словес, чтобы выдать их под лихое шелканье проверяемого пистолета, но вспомнил Зотова, положил пистолет обратно в кобуру и говорить ничего не стал.

— Вы двигайте на моей машине за Стилетом, — сказал Доставнин, открывая дверь

кабинета. — Только пограмотней там, без сегодняшней ерундистики. Ясно? А я в управление, свяжусь с Симферополем, попрошу, чтобы местные поглядели, кто придет встречать Питона. Все. До встречи.

Он шагнул за порог и чуть не столкнулся с полным щекастым мужчиной в мундире работника прокуратуры. Тот, не глядя ни на кого, поздоровался. Доставнин был явно задет таким небрежным обращением и с деланно-ленивой усмешкой тихо заметил:

— Какая честь, сам следователь Трапезин.

— Я бы не приехал, — сказал Трапезин и мрачно засопел простуженным носом, — но уж очень просили ваши быстрые сыщики. Приезжай, говорили, мы тут твоих волчар подловили, по горячим следам допросишь. Но не дождались, сами постарались. Костоломы.

— Ты о чем? — не понял Колотов.

— О нарушении соцзаконности, — веско проговорил Трапезин, — о старозаветных методах работы. Без кулака обойтись не можешь? А потом и нас, и вас в одну кучу валят. Все плохие. Все морды бьют.

— Ну-ну, — вступил в разговор Доставнин. — Ты поосторожней, милый. Я про тебя сейчас такого нагорожу...

— Кого сейчас сажали в изолятор?

— Питона... — медленно произнес Колотов. — Савельева Александра Васильевича... Мы его...

— Вот-вот, мы его, — перебил Трапезин. — Два пинка в живот, а потом головой о стену.

— Это он тебе наговорил? — спросил Доставнин с улыбкой. — А ты веришь? Нехорошо. При мне беседа была. Тихая беседа была, вежливая. И чаем его, бедолагу, напоили, вон как этого. — Он кивнул на съезженного на стуле Гуляя. — И папироску дали. Все по-человечески. Мы ж грамотные, мы ж законы изучали, дипломы за это изучение получали. Так? Нет? — Доставнин повернулся к своим сотрудникам. Те строго покивали головами. — Ну а что касательно заявления, — с серьезной ласковостью продолжал Доставнин, — то у нас здесь в дежурке двое общественников без дела томятся. Так они в один момент подтвердят, что следователь городской прокуратуры Трапезин, встретив в коридоре отделения задержанного Савельева, завел его в камеру, треснул последнего по голове от озлобления на его несговорчивость. Простите, я не сложно излагаю? — Доставнин чуть подался вперед, преданно заглядывая Трапезину в глаза.

«Во шпарит, — подумал Колотов. — Школа...»

Трапезин несколько раз, будто в нервном тике, дернул верхней губой, обвел тяжелым взглядом радушно улыбающихся оперативников, повернулся резко, насколько позволяла комплекция, и вышел из кабинета. Доставнин вздохнул и сказал негромко:

— Вот теперь по коням.

В квартире на Петровской проживала пожилая фасовщица из центрального гастронома. Она подтвердила, что Василий Никанорович квартировал у нее неделю, но с час назад как собрал вещички и съехал, сказал, позвонит, она верит, что позвонит. Им было так хорошо. Вечерами — чай, тихие беседы, телевизор. Тепло и уютно. Дом. Впервые за десять лет дом. Надоело суетиться, просчитывать, озираться, подозревать. Хочется просто жить. Фасовщица плакала и курила длинные иностранные сигареты. Колотов оставил на квартире засаду и поехал в управление.

На площади возле входа в управление стояли большая тупорылая машина с голубым

фургоном и забрызганный осенней грязью автобус. От машины к дверям управления тянулись толстые черные провода. Задние дверцы фургона то и дело раскрывались, оттуда выходили и через какое-то время входили обратно неряшливо одетые люди с деловитыми лицами, из фургона они тащили в управление маленькие прожекторы на длинных ножках и мотки провода, обратно возвращались вялые, с сигаретами в зубах. Внутри фургона что-то гудело и сизо светилось, и пахло оттуда дешевым табаком и горелой изоляцией. Колотов постоял с минуту, наблюдая за происходящим, потом пожал плечами и, перешагнув провода, вошел в управление.

— Эй, Колотушка! — крикнул из дежурки белобровый капитан Мильняк. — В кино хочешь сыматься? Могу сосватать. Я теперь большой кинематографист.

— А... Кино, значит, — пробормотал Колотов. — Этого только не хватало. Работать надо.

На лестнице горячо спорили две симпатичные девушки, они говорили непонятные кинематографические слова, но друг друга явно понимали. Колотов мрачно попросил разрешения пройти. Девушки умолкли, расступились и через мгновение захихикали ему в спину. «Унылый красавец», — различил он тихий голосок.

— Балаган! — не сдержался Колотов и быстро зашагал по коридору. Теперь ему вслед хохотали уже откровенно.

Доставнин был в кабинете не один. На кресле развалился вальяжный малый в джинсах и тертой кожаной куртке. Он внимательно слушал Доставнина и ногтем большого пальца поглаживал черные аккуратные усы. Доставнин извинился перед гостем, повернул лицо к Колотову, спросил нетерпеливо:

— Ну?

Колотов кивнул на малого. Доставнин махнул рукой, мол, не мешает.

— Глухо, — сообщил Колотов. — Свалил, поганец. То ли позвонил ему кто кроме Гуляя, то ли сам на вокзале был. Надо криминалиста направить, пусть пальцы снимет. Затем фоторобот Стилета сделать. Немедленно.

— Хорошо, — быстро кивнул Доставнин. — Я распоряжусь. И вот еще что... — Он оборвал себя, улыбнулся гостю, показал рукой на Колотова. — Простите, я не познакомил вас. Это наш лучший сыщик. Колотов Сергей Викторович. Он только что с трудной операции, задерживал опасных преступников. Там ранили нашего товарища. Но, слава богу, не опасно. А это, — гость встал, с воодушевлением протянул руку, обаятельно заулыбался, — кинорежиссер Капаров Андрей Владимирович.

— Очень рад, — поставленным баритоном заговорил режиссер. — Уважаю вашу профессию. Уважаю и благоговею, — черные влажные глаза режиссера весело ощупывали тяжелую фигуру оперативника. Колотов качнул головой, улыбнулся скупой, ему хотелось скорее пойти в свой кабинет, запереться там и вволю накуриться, а потом начать работать. — Вы видите жизнь наоборот, как сказал поэт, — продолжал режиссер. — Это страшно. Но далеко не каждому дано видеть изнанку и не черстветь, не костенеть, а достойно делать свое дело. Именно поэтому вы благородны и прекрасны... — Последние слова он произнес для обоих собеседников.

— Ну это вы уж, пожалуй, чересчур, — смущенно заулыбался Доставнин и неожиданно лихо закинул ногу на ногу, совсем как режиссер минуту назад. Колотов с глупым видом уставился на начальника. Доставнин кашлянул и ногу убрал.

— Андрей Владимирович снимает кино про будни уголовного розыска, — сказал

Доставнин. — Чтобы все было как в жизни, он хочет воспользоваться на некоторое время нашим зданием.

— Кино — важнейшее из искусств, — сказал Колотов.

— Ладно, — Доставнин махнул пальцами, — иди работай. К концу дня напиши подробный рапорт о задержании, и особенно подробно о причинах ранения Зотова.

Колотов, довольный, развернулся и направился к двери.

— Погодите, — остановил его режиссер. Он подошел к оперативнику, несколько мгновений смотрел ему в глаза, потом произнес смачно: — Сволочь! — И резко от бедра ударил Колотова в живот.

Но тренированный Колотов оказался быстрее, он почти машинально выставил блок, отвел в сторону коснувшуюся уже его пиджака руку, жестко ухватил ее за кисть и крутанул снизу вверх. Капаров вскрикнул тускло и обреченно и согнулся, будто решил истово кланяться Доставнину за хорошее его отношение. А Колотов уже по инерции взял руку режиссера на излом, ухватил его голову за волосы и со словами: «Что ж ты делаешь, гад!» — придавил растерзанного кинематографиста к мягкой спинке кресла, стоящего в углу кабинета... «Плохо, — подумал Капаров. — Что же мне так плохо-то?» Он вспомнил ее губы и ноги, ее сладкий, такой волнующий голос, вспомнил, как вчера держал ее за руку, уже чужую, холодную, и бил сам себя по щекам, каясь, а она мотала головой и вырывалась, вырывалась...

Колотов почувствовал, как Капаров обмяк, ватной и податливой стала рука, голова отяжелела, и Колотову показалось, что он держит полузадушенного куренка, которого надо обезглавить к воскресному обеду, а этого он сделать никогда бы не смог. Он убрал руки, и Капаров рухнул в кресло.

— С ума сошел, медведь?! — брызгая слюной, заорал над ухом Доставнин. На багровом лбу его родничками бились синие жилки.

— Не надо ссориться, все нормально, — Капаров грузно поднимался. С силой массируя руку, он тряхнул красиво стриженной головой и улыбнулся. — Все просто отлично. У вас замечательная реакция и почти актерская пластика. Я это сразу заметил и решил проверить на деле. Я беру вас сниматься, — он хотел бодро, по-дружески ткнуть Колотова в плечо, но пошевелил бровями и передумал. — Проверка, — повторил он.

— Ну и методы, — заметил Доставнин.

— Вы большой профессионал, — сказал Колотов.

— У нас есть одна роль, — продолжал режиссер. — Прямо для вас. Я уже наметил актера, но вы будете достоверней. Я хочу правды, — он вскинул голову, — настоящей правды!

— Да, да, — Доставнин потрогал лоб, — сейчас это очень важно.

— Мне работать надо. — Колотову уже все надоело, и он понемногу пятился к двери.

— Я вас умоляю, — режиссер приложил руки к груди и, сделав плаксивые глаза, посмотрел на Доставнина. Начальник не устоял: кинематограф — великая сила. Он приказал Колотову:

— Поступаешь в распоряжение товарища режиссера. На какое-то время замкни свою группу на меня. Все.

— Да я не могу, — Колотов растерялся. — Мне нельзя. У меня мениск, я корью болел...

Просторный кабинет на первом этаже, где располагались розыскники ГАИ, на

несколько дней отдали киношникам. Они там не стали почти ничего менять — все должно быть как в жизни, — только вместо маленького портрета Дзержинского повесили большой, а на противоположную стену портрет Ленина — тоже большой. Гаишники кабинет оставили стерильно чистым, как и полагается дисциплинированным работникам, а Капаров, наоборот, оглядев помещение, распорядился набросать на столы бумаги, папки, скрепки, вымытые пепельницы наполнить окурками, а шторы и вовсе велел снять — для большей сухости кадра.

— Достоверно? — спросил он Колотова, показывая ему кабинет.

— Вам видней, — дипломатично ответил Колотов.

— Я хотел, чтобы вам было видней, — настаивал режиссер.

— А мне все видно, — отозвался Колотов. — Здесь светло.

— Н-да, — неопределенно заметил Капаров. — Ну, хорошо, — он позвал ассистента, вертлявого парня в мешковатой куртке, взял у него розовую папку. — Вот сценарий, вот ваш герой, ваш текст, — он раскрыл папку. — Ваша роль эпизодическая, с основным действием почти не связана. Просто в одной из сцен герой картины входит в кабинет и застаёт там своего коллегу, то есть вас, за допросом жулика, угнавшего автомобиль. Жулик не хочет сознаваться и называть сообщников, а вы его раскалываете. Понятно? Читайте. Я скоро приду.

Возбужденный, шумный, он вернулся через полчаса.

— Ну как? — спросил он, блеснув творческим зарядом в черных глазах.

— Это неправда, — Колотов отодвинул от себя сценарий.

— Что значит неправда? — опешил режиссер.

— Мы так не говорим, — сказал Колотов.

— А как вы говорите? — Творческий заряд в глазах Капарова растаял, появился нетворческий.

— По-другому.

— Точнее.

— Ну, по-другому, и все, — Колотов безнадежно заглядывал в открытую дверь. Там по коридору ходили счастливые коллеги.

— У нас консультанты из центрального аппарата. Они что, дилетанты? — В глазах режиссера появилось точно такое же выражение, как некоторое время назад, когда он задумывал ударить Колотова в живот.

— Нет, конечно, — устало ответил Колотов. — Но все равно это неправда.

— Что конкретно?

— Ну вот смотрите, — Колотов наклонился над папкой и зачитал: — «Вы будете говорить или нет? — Петров пристально и сурово посмотрел задержанному в глаза. — Лучше признавайтесь сразу. Это в ваших интересах. Суд примет во внимание ваше чистосердечное признание и смягчит наказание. В противном случае ваша участь незавидная. Наш суд строг с теми, кто не хочет осознать своей вины...»

— Ну и что здесь неверного? — Капаров с сочувствием учителя к нерадивому школьнику посмотрел на Колотова.

— Да нет... вроде все верно... — Колотов потрогал лоб, он почему-то был в испарине. — Но... неверно...

— Господи, — режиссер вздохнул, — а как бы сказали вы?

Колотов пожал плечами и посмотрел в окно. В «Волгу» быстро усаживались ребята из

БХСС. Везет же людям — работают.

— Ну подумайте, вспомните, — режиссер присел на краешек стола перед Колотовым. — Как вы допрашиваете? Какие слова произносите? Каким тоном? Как это было в последний раз?

Колотов вспомнил, как он говорил с Питоном, а потом с Гуляем, вспомнил и усмехнулся — хорошо говорил, действительно.

— Вспомнили? — обрадовался Капаров, заметив тень усмешки на лице Колотова.

Колотов кивнул.

— Сейчас попробую, — сказал он и сосредоточился.

— Ну, — поторопил режиссер. — Ну представьте, что я преступник.

Колотов встал, посмотрел на Капарова недобро, открыл рот, обнажив влажные крепкие зубы, и замер так, потом выдохнул и сказал:

— Бриться надо каждый день, у вас щетина быстро растет.

— Да? — Режиссер испуганно вскинул руку к подбородку. — Действительно. Замотался, не успел...

Колотов сел и насупился.

— Ну? — опять занукал режиссер. — Что же вы?

Колотов молчал и смотрел в окно. Режиссер потрогал еще раз щеки и встал.

— Хорошо, — он сунул руки в карманы, повел плечами, будто озяб. — Это пока терпит. Съемку я назначил на послезавтра. Подумайте, как это можно сделать правдиво, запишите, и послезавтра встретимся. Идет?

...Он все-таки исполнил свою мечту, поднялся в кабинет, заперся и накурился вволю. Повеселев, с удовольствием поработал с документами — скопилось много переписки. Потом съездил проверить засаду на Петровской. Оперативники играли с фасовщицей в «дурака» и тоже курили длинные иностранные сигареты. Никто не приходил и не звонил — впрочем, это и ожидалось. И только после этого поехал домой.

Маша и пятилетний Алешка смотрели программу «Время». Алешка очень любил эту программу, и вместо вечерней сказки он насыщался на ночь последними новостями.

— Королева странно ходит, — сказал он, не отрываясь от телевизора. — Наверное, что-то у нее с ногами.

— Подагра, — сказал Колотов, снимая пиджак.

— Вернее, остеохондроз, — поправил Алешка.

— Тебе видней, — согласился Колотов.

— Котлеты будешь? — Маша поднялась и направилась на кухню.

— Все равно, — ответил Колотов и посмотрел ей вслед. Халат прилип к ее ногам. «Она тоже странно ходит, — только сейчас заметил Колотов. — Но до этого самого хондроза еще далеко — слишком молодая. А почему так ходит?»

— Устала? — спросил он, садясь за стол. Красная кухонная мебель утомляла глаза. Зачем он согласился ее покупать?

— Есть немного, — не глядя на Колотова, Маша расставляла тарелки. Косметику она смыла, и лицо казалось теперь очень бледным, особенно на фоне красной мебели. Все-таки зря они купили этот гарнитур. Маша села напротив. Стянутые назад волосы приподнимали тонкие выщипанные брови и придавали лицу слегка удивленное выражение.

— Все боремся, — она подула в чашку с чаем и сделала осторожный глоток. — Шеф рассчитал наконец сегодня молекулярную цепочку волокна, а Похачев через полчаса уже

докладывал директору института, что его гипотеза подтвердилась, хотя никакой гипотезы не было и в помине. Сочинил на ходу, но ему верят. И шеф опять на вторых ролях.

— Бывает, — сказал Колотов, жуя котлету.

— А что у тебя? — Маша скатала из хлебного мякиша шарик.

— Работаем, — ответил Колотов, добирая картошку.

— Много дел? — спросила Маша и придавила шарик, сделав из него маленькую лепешку.

— Хватает, — Колотов чувствовал, что не наелся, но котлет больше не хотел, они отдавали жиром. — Спасибо. Очень вкусно.

— Наши продули, — сообщил Алешка, когда Колотов вошел в комнату.

— Бывает, — Колотов встал у окна, сладко потянулся. «Скорей бы лечь. — Темнело. Беспорядочно зажигались точки окон в соседних домах, заходящим солнцем слоисто высвечивались тучи. — Ночью будет дождь. Наверное. А может быть, не будет».

— Я пошел спать, — сказал Алешка.

— Молодец, — похвалил Колотов и подумал: «Хороший мальчик, дисциплинированный. Только в кого такой белобрысый?»

С высоты своего третьего этажа он увидел во дворе белые «жигули», а возле машины красивую соседку Ирину. Что-то приятное шевельнулось в груди. Едет красивая Ирина по своим красивым делам. Неплохо было бы сейчас сесть к ней в теплый автомобиль, вдохнуть тонкий дурман французских духов, рассказать ей по дороге что-нибудь глупое и веселое, а потом завернуть в уютный, полутемный ресторан...

— Алешку отведи завтра в сад, — Маша помыла посуду и вернулась в комнату. — Я уйду очень рано.

— С удовольствием, — отозвался Колотов и со вздохом подумал, что опять не выспится, опять по пути надо будет отвечать на неожиданные Алешкины вопросы, на которые и ответов-то нет, радушно улыбаться толстой угрюмой воспитательнице.

— Какой фильм сегодня? — Колотов отошел от окна и уселся в кресло.

— «Идущий следом».

— Что-то интересное, я слышал, давай посмотрим.

— Лучше концерт по первой, — Маша закинула ногу на ногу, матово блеснула гладкая, тяжелая коленка.

«Поправились, что ли?» — подумал Колотов и уставился в телевизор.

Что-то томное и страдательное запел на экране курносый, чернявый певец. Он, как на ходулях, передвигался по сцене, делал волнообразные движения свободной от микрофона рукой и, наверное, думал, что он очень обаятельный.

— Девки по нему с ума сходят, когда видят, — констатировала Маша, удобней устраиваясь в кресле.

— Я тоже, — сказал Колотов.

— Что тоже? — не поняла Маша.

— С ума схожу, когда вижу, — ответил Колотов.

— Очень остроумно, — Маша вынула из кармана халата сигареты.

— Не кури, пожалуйста, — попросил Колотов.

Маша кинула пачку на журнальный столик, она скользнула по полированной поверхности и упала на пол. Поднимать ее никто не стал.

— Алешке пальто надо на зиму, — сказала Маша.

— Купим, — Колотов облокотился на столик и подпер голову кулаком.

— Попроси своих бэхээсников, может быть, дублиночку достанут, — добавила Маша.

— Сделаем, — Колотов нажал пальцем на правый глаз, и изображение на экране раздвоилось. Теперь певец пел дуэтом сам с собой. Но вот наконец певцы завершили страдания и, горделиво приосанившись, ушли за кулисы. Колотов отпустил защищавший глаз. На сцену вышли жизнерадостные ведущие. Две симпатичные дикторши и один диктор с лицом исполкомовского работника областного масштаба. Улыбка ему не шла, и трудно было поверить, что он на самом деле такой веселый. Одна из дикторш очень нравилась Колотову. Она появилась недавно и заметно отличалась от других. У нее были нежные, пухлые губы и длинные завлекательные глаза, Колотов видел такие лица в зарубежных, не совсем приличных журналах. Дикторши что-то прощелбетали, а потом камеры показали зал. В зале стояли столики, на столиках настольные лампочки, бокалы на длинных ножках и бутылки боржоми. А за столами сидели мужчины и женщины в приличных костюмах и платьях. Зал выглядел уютным и праздничным. И Колотов представил, что вот он тоже сидит в дорогом костюме за одним из столов поближе к сцене, чуть усмешливо улыбается, перебрасывается незначительными словечками с соседями, потягивает боржоми, а может, чего и покрепче для поддержания тонуса и многозначительно переглядывается с красивой дикторшей. Встретив его взгляд, она невольно улыбается и опускает глаза. А потом, объявив номер, подходит к его столику, садится. «Привет», — говорит она. «Привет», — отвечает он и наливает чего-нибудь ей в бокал. Розовое платье у нее тонкое, облегающее, и ему приятно смотреть, как оно натягивается на бедре женщины, когда она аккуратно закидывает ногу на ногу. «Сегодня у авангардиста Матюшкина соберутся интересные люди, — говорит она. — Пойдем». «Конечно», — отвечает он. «Тогда в одиннадцать у выхода со студии», — говорит она, кивает ему, чуть прикрыв глаза, поднимается и идет на сцену. С соседних столов внимательно разглядывают Колотова. Но он не обращает ни на кого внимания. Пустое... А потом у Матюшкина — разговоры, споры, смех, влажная духота, ощущение приподнятости. Он не стесняется, не робеет, он вполне нормально может держаться в любом обществе. Правда, острит немного тяжеловесно. Но это нравится... А потом поиски такси под шутки провожающих, ее тихая, теплая квартирка... И вообще, а если бы она была его женой? Он работает, она понимает. Она работает, он понимает. Вот наконец они вместе. Как хорошо им! И вокруг друзья, много друзей и добрых, и злых, и равнодушных. Но больше добрых, занятых своей творческой, нелегкой работой. Он занят своей работой, они своей, им есть о чем поговорить...

— Пойду мясо потушу на завтра, — проговорила Маша и тяжело поднялась.

Колотов вздрогнул и с удивлением посмотрел на жену.

— Да, да, — сказал он. — Конечно.

А на сцену уже вышла певица в балахонистом коротком платье и стала петь о том, как ей было хорошо, когда она была школьницей, и что она вообще так до сих пор и осталась школьницей, и что до самой смерти именно в этом состоянии она и будет пребывать. «Похоже на то», — отметил Колотов, разглядывая недоразвитое лицо певицы.

На кухне что-то грохнуло, зазвенело металлически. Покатилась грузно по линолеуму то ли сковорода, то ли кастрюля.

— Что случилось? — громко спросил Колотов. Ответа не было — Маша, — позвал он. Тишина. — Раз, два, три, четыре, пять, — сказал Колотов, — я иду искать.

Он оторвался от кресла, пошлепал в великоватых, еще отцовских тапочках на кухню. На

полу валялась опрокинутая кастрюля, бурыми комочками темнели рассыпавшиеся на линолеуме котлеты. Маша сидела у окна, отрешенно глядела на кастрюлю.

— Ну что такое? — Колотов нагнулся, поднял кастрюлю, поставил ее на стол, потом, не зная, что делать с котлетами, сел на корточки и стал их задумчиво разглядывать.

— Понимаешь, котлеты упали, — наконец едва слышно пробормотала Маша. — Я их в холодильник, а они вырвались, и упали, и разбежались кто куда, как живые. Понимаешь, я хотела их в холодильник, а они разбежались, — лицо у Маши сморщилось по-детски, и она заплакала, тихо, безнадежно, стараясь подавить плач пальцами, сжимающими горло.

— И что страшного? — мягко произнес Колотов, поднявшись. — И бог с ними, с котлетами. Мы сейчас с тобой мясо тушеное сделаем. Я помогу, хочешь? — он шагнул к Маше, протянул руку к ее голове, пошевелил пальцами в воздухе, колеблясь, и наконец погладил по волосам. Маша отпустила горло и уткнулась лицом в его ладони. Голова ее мелко подрагивала под колотовскими пальцами. Он непроизвольно убрал руку и подумал: «Женский цикл начался. Точно. Хотя раньше такой реакции не было».

Теперь Маша плакала громко, казалось, она поперхнулась и сейчас откашливается.

Колотов не знал, что делать. Он огляделся, взял с полки стакан, налил воды из-под крана, постоял так со стаканом какое-то время, раздумывая, как дать Маше попить (лицо закрыто руками): отрывать руки или не надо. Решив не отрывать, поставил стакан на стол, пощелкал пальцами в поисках выхода и опять присел на корточки, только теперь уже не перед котлетами, а перед женой.

— Машенька, милая моя, хорошая, — он стал гладить ее колени. — Не надо, прошу тебя. Все хорошо, все отлично. У нас дом, ребенок, замечательный ребенок, замечательный дом, и мы с тобой оба замечательные. И плевать на эти дурацкие котлеты, с кем не бывает. Ну подумаешь, упали. Разве это горе?

Он полуобнял ее за плечи, поцеловал пальцы, скрывающие лицо, потом поцеловал волосы, прильнул губами к горячему порозовевшему уху, зашептал:

— Ты моя хорошая, хорошая...

Маша раздвинула пальцы, с надеждой взглянула на него из-под потемневших взбухших век, спросила невнятно, потому что все еще сжимала ладонями щеки:

— Ты меня любишь?

— Я?.. — Колотов всеми силами старался смотреть ей прямо в глаза. — Конечно. Конечно, люблю. Очень люблю. А как же иначе?..

— Это правда? — Маша, зажмурившись, потянулась к нему лицом.

— Правда-правда, — поспешно сказал Колотов. Он быстро чмокнул ее в губы, раздвинул локти жены и прижал лицо к ее груди.

Халат горько и душно пах подгоревшим жиром, захотелось вскочить и бежать прочь из кухни, но Колотов прижимался все сильнее и сильнее и шептал яростно:

— Правда, правда, правда!..

Утром Колотов справился о дактилоскопическом запросе на Стилета (ответ запаздывал) и потом поехал со Скворцовым допрашивать Гуляя. За время, проведенное в камере, Гуляй посерел, потух — как-никак в первый раз «залетел», — потерял интерес к окружающему, на вопросы отвечал вяло, невнятно, но подробно, по всей видимости, на какое-то время потерял самоконтроль, обезвождался. Так бывает. Оперативники это знают. Знали, естественно, и Колотов со Скворцовым, поэтому и пришли пораньше в изолятор. Гуляй рассказал, где и

когда он познакомился с Питоном, рассказал о его связях, местах «лежки», назвал адреса, которые знал, поведал о замечательных «делах» Питона, на которых был вместе с ним на подхвате, «на шухере». Сообщил кое-что интересное о Стилете. Лет сорока пяти, появился в городе недавно, но деловые кличку его знают, слышали о кое-каких его шалостях. То ли разбой, то ли бандитизм, неизвестно, но «крутой» дядька, в авторитете. Дает «наколки» и имеет чистые каналы сбыта. А это очень важно. На дела сам не ходит. Веселый, разгульный, в меру грузноватый, нравится женщинам. Колотов выяснял каждый шаг Стилета, по несколько раз заставлял Гуляя рассказывать одно и то же, и вот наконец... Гуляй вспомнил, что два раза ждал Стилета в такси, сначала в Мочаловском переулке, затем на улице Октябрьской, когда тот встречался с каким-то «мазилкой», как говорил Силет, и во второй раз случайно Гуляй его увидел — красивый, лет сорока, но уже седой...

«Мочаловский и Октябрьская совсем рядом. «Мазилка», вероятно, художник, — размышлял Колотов. — Уже кое-что. Он или там живет, или работает, или мастерская у него там». Возвратившись к себе, Колотов тут же озадачил местное отделение. Срок два часа. Позвонили раньше, через час сорок три участковый Кулябов доложил, что на его территории имеется мастерская художника Маратова. Он седой, красивый, одевается броско, ездит на «Волге». Есть заявления соседей, что в мастерской устраиваются пьянки, играет музыка, приходят девицы и лица кавказской национальности. Участковый Кулябов докладывал об этом начальнику отделения отдельным рапортом. И, кстати, дополнил участковый, Маратов сегодня с утра был в мастерской. Работал.

— Теперь так, — сказал Колотов Скворцову. — Бегом в картотеку. Составь списочек краденых в последнее время икон. Все не перечисляй, штук тридцать хватит. На машинке отстукай, на отдельных листочках, с подробным описанием.

Через час на отдельском «жигуленке» они уже катили в сторону Мочаловского переуллка и Октябрьской улицы. Лаптев небрежно крутил баранку, не вынимая сигареты изо рта, дымил в окно и щурил узкий азиатский глаз. — Колотов повернулся к Скворцову, спросил:

— У Зотова были?

— Были, — ответил Скворцов и, хмыкнув, посмотрел на затылок Лаптева.

— Как он там?

— Рана не опасная, но крови потерял много. Ослаб Валька. Бледный. Мы пришли, чуть не заплакал...

— А в его палате еще двенадцать человек, — подал голос шофер. — И все друг на друге лежат, и все балабонят, дышат, стонут, одним словом, создают неприемлемую обстановку.

— Почему не в госпиталь положили? — разозлился Колотов.

— Мест нет, — сообщил Скворцов. — Но ты не переживай, начальник. Теперь все путем.

— То есть?

— Ну, пошли мы поначалу к завотделением. Он как раз дежурил вчера вечером. Говорим, мол, товарищ наш нуждается в особом уходе, в отдельной палате, ну и так далее. А он говорит, мол, все нуждаются, мол, не он один, мол, все одинаковые люди. Ну, мы спорить не стали и пошли по палатам. И в отдельной палате нашли одного хмыря, кавказца, с холециститом, понимаешь ли, лежит. Роскошествует и в городе нашем не прописан.

— Так надо было к главврачу! — закипел Колотов. — Надо было кулаком по столу!..

— Поздно, шеф, девять вечера, зачем шуметь. Мы просто к этому кавказцу зашли,

поговорили. Ну и он сам запросился в общую палату. Заскучал, говорит, хочу с народом пообщаться, да так разнервничался, что чуть не в слезы. Завотделением его успокаивать стал, слова разные добрые произносит, отговаривать начал. Мол, зачем вам общая палата, беспокойно, мол, у меня на сердце, когда вы, дорогой товарищ, в общей палате. А тот разбушевался, хочу, говорит, принести пользу советской милиции, уж очень, говорит, я ее уважаю.

— Поговорили, значит? — Колотов покачал головой.

— Ага, поговорили, — Лаптев повернул к нему невинное круглое лицо.

Всю оставшуюся дорогу Колотов сумрачно молчал.

...Мастерская находилась в старом тихом четырехэтажном доме, на чердаке. Они быстро поднялись по крутым высоким маршам, остановились перед обшарпанной дверью. Колотов позвонил и отступил по привычке в сторону, прислонившись к холодным железным перилам.

— А если Стилет там? — прошептал Скворцов и сунул руку за пазуху.

— Кто? — голос за дверью прозвучал внезапно, ни шагов не было слышно, ни движения какого, и оперативники замерли от неожиданности. Колотов взглянул на сотрудников, обтер пальцами уголки губ, кивнул им и заговорил громко:

— До каких пор вообще ты безобразничать будешь, понимаешь ли?! Спокойно жить, понимаешь ли, нельзя! То музыка грохочет, то воду льешь, все потолки залил, поганец, понимаешь ли! Житья нет, покою нет, управы нет! Я вот сейчас в милицию, я вот в ЖЭК!

— Тише, тише, не шуми, — забасили за дверью — ща все уладим. — Защелкали замки. — Ты что-то перепутал, сосед. У меня ничего не льется.

Дверь открылась, и в проеме возник темный силуэт. Колотов метнулся к нему, встал вплотную, чтоб лишить седого красавца маневренности, выдохнул ему в лицо чеканным шепотом: «Милиция», — и только потом поднес к его глазам раскрытое удостоверение. Маратов сказал: «Ой», — и отступил на шаг. Колотов шагнул вслед, а за его спиной в квартиру втиснулись оперативник и шофер и, стараясь ступать неслышно, поспешили в комнату. Колотов упер палец в живот художника и порекомендовал, обаятельно улыбаясь: «Не дыши!» Сначала, когда Колотов сказал про милицию, у Маратова застыло лицо, когда Колотов показал удостоверение, у художника застыли глаза, а теперь застыло дыхание, а вместе с ним и все его большое тело, и стал художник похож на скульптурный автопортрет, очень талантливый и правдивый.

— Чисто, — доложил из комнаты Скворцов.

— Вернее, пусто, — поправил Лаптев. — Что касается чистоты, то сие проблематично.

— Слова-то какие знаешь, — позавидовал Скворцов.

— На счет три можете выдохнуть, — сказал Колотов, — и почувствуете себя обновленным.

Колотов сделал несколько беспорядочных пассов руками, затем замер, направил на Маратова полусогнутые пальцы и, насупив брови, произнес загробным голосом:

— Раз, два, три!

На счет «три» благородное, слегка потрепанное лицо живописца налилось злобой, глаза подернулись мутной пеленой, как перед буйным припадком, и он выцедил, прерывисто дыша:

— Сумасшедший дом!.. Произвол!.. И на вас есть управа!

— Новый человек! — восхитился Колотов.

— Вы ответите! Это просто так не пройдет, — продолжал яриться седой художник. — Меня знают в городе!..

— Вы достойный человек, никто не оспаривает, — заметил Колотов. — Но наши действия вынужденны, — Колотов широко и добро улыбнулся. — Сейчас я все объясню.

Он захлопнул входную дверь, с удивлением обратив внимание, что изнутри она богато обита высшего качества белым, приятно пахнущим дерматином. Да и прихожая в мастерской, как в квартире у сановного человека, отделана темным лакированным деревом. На стенах причудливые светильники, пестрые эстампы, два мягких кресла, стеклянный прозрачный столик, плоский заграничный телевизор с чуть ли не метровым экраном. «Замечательная жизнь у отечественных живописцев. А все жалуются...»

Колотов прошел в небольшую квадратную комнату. Маратов, нервно одернув длинный, заляпанный краской свитер, деревянно шагнул за ним. «И здесь неплохо. Цветные, узорчатые обои, стереоустановка, опять же картины и эстампы. Только вот прав был Лаптев, не совсем чисто». Две полукруглые кушетки со спинками опоясывали маленький столик с остатками вчерашнего, видимо, бурного ужина — грязные тарелки, пустые бутылки, окурки повсюду, на полу и даже на кушетках.

«...Сегодня у авангардиста Матюшкина соберутся интересные люди, — вспомнил Колотов. — Споры, разговоры, смех, вкусные напитки, влажная духота и завлекательная дикторша по левую руку, рядом, вплотную, можно ласково коснуться невзначай...»

Колотов провел по лицу ладонью, повернулся к Маратову:

— Интересная у вас жизнь, Андрей Семенович, выставки, вернисажи, премьеры, банкеты, много знакомств, много замечательных людей вокруг...

— Неплохая жизнь, — угрюмый художник стоял у окна, крепко скрестив руки на груди. — Да не вам судить.

— Но много и случайных знакомств, — Колотов не реагировал на такие невежливые слова. — Кто-то подошел в ресторане, кого-то привели в мастерскую друзья. Так?

Художник молчал, неприязненно глядя на Колотова.

— И разные бывают эти знакомые, и плохие и не очень, честные и нечестные, — с простодушной улыбкой продолжал Колотов. — Всем в душу-то не влезешь.

— Что вы хотите? — нетерпеливо спросил Маратов.

— Помогите нам. Вспомните одного занятого человечка. Лет сорока пяти — пятидесяти, высокий, дородный, радушный, хорошо одевается, ходит вальжно, глаза серые, нос прямой, чуть прижатый внизу, зовут Василий Никанорович, иногда кличут... Стилет.

Маратов сунул ладони под мышки и покрутил головой.

— Не знаете? — уточнил Колотов.

Художник опять покрутил головой, разжал руки и стал тщательно слюнявым пальцем стирать пятно охры, въевшейся в свитер, видать, не один год назад.

— У меня есть человек, — сказал Колотов, разглядывая карандашные городские пейзажики на стенах, — который подтвердит, что видел вас вдвоем. Два раза!

— Да мало ли их, с кем я встречаюсь! — опять взъярился Маратов. Седые волосы встопорщились на висках. — Пети, Саши, Мани...

— Я про это и говорю, — Колотов сделал светлое лицо и заговорил с художником как с дитем. — Вспомните, вспомните... — Он указал на дверь, расположенную напротив входной. — Что там?

— Рабочее, так сказать, помещение, — словно декламируя стихи на торжественном

вечере в День милиции, проговорил Скворцов. — Убежище, так сказать, творца. Короче говоря, мастерская. Скульптуры, картины, мольберты и кисти...

Колотов посмотрел на дверь, на Скворцова, потом опять на дверь. Скворцов хмыкнул, жестом позвал с собой Лаптева.

— Пойдем понаслаждаемся, — сказал он.

— Доброе помещение, — заметил Колотов, повернувшись к художнику. — Вторая квартира. Не многовато, а? На одного?

— Не понял?! — вскинул голову Маратов. — Я по закону. От исполкома. Мне положено. За свои деньги!

— Притон, — коротко квалифицировал Колотов и кивнул на заплеванный стол.

— Дружеская встреча по поводу...

— Антиобщественный образ жизни. Система.

— Да уверяю вас, это не так.

— Заявления соседей...

— Завистники...

— Связь с уголовно-преступным элементом, совращение малолетних, наркотики...

— Да нет же, нет!..

Глухо грохотнуло в мастерской, мелко задрожал пол под ногами. Маратов посмотрел затравленно на безмятежного Колотова и кинулся в мастерскую. Не добежал. В дверях перед ним вырос Скворцов. Он сокрушенно качал головой. Лицо у него было расстроенное и виноватое, в глазах искренняя мольба о прощении.

— Случайно, — тихо проговорил он. — Не нарочно. Я такой крупный, плечистый, а у вас так там всего много. Тесно. Задел ба-альшой бюст, — он, вздохнув, показал руками, какой был большой бюст, — какого-то толстого, ушастого дядьки...

— О боже! — прозудел Маратов и защемил себе висок. — Это же директор универ... — Он махнул рукой.

— А там еще остался Лаптев, — пожаловался Скворцов и указал пальцем себе за спину. — А он тоже немаленький.

Маратов тряхнул головой, как лошадь после долгой и быстрой дороги, повернулся к Колотову.

— Знаю я этого Василия Никаноровича, — негромко сознался он и, помедлив, раздраженно повысил голос: — Знаю! Знаю!

— Вот так бы сразу, — заулыбался Колотов.

— Иезуиты! — не сдержался художник.

— Оскорбление при исполнении? — справился Скворцов у Колотова.

— Кто-то привел его ко мне, не помню кто. — Художник мыском ботинка загнал под стол валявшуюся на полу пробку. — Мы сидели выпивали. Народу было много. Шум, гомон. Музыка. Я был пьян. Познакомились. Он мне понравился. Широкий дядька. Я ему тоже вроде. На следующий день он пришел. Работы мои посмотрел. Купил кое-что. Дорого дал. Я отказывался, а он — нет, мол, бери, ты, мол, настоящий художник, ну и так далее. Потом раза два встречались. Он мне заказы делал. Пейзажики разные... Я писал.

— Все? — спросил Колотов.

— Все. — Маратов приложил руки к груди.

— Как вы связывались?

— Он звонил.

— Как его найти, не знаете?

— Нет, нет, нет.

Из мастерской вышел Лаптев. Он был весел. Маленькие глазки его возбужденно блестели, как перед долгожданной встречей с любимой. Он хитро подмигнул, показал себе за спину, закатил глаза и покачал головой из стороны в сторону.

— Там такое... — наконец подал он голос.

— Ну, — поторопил его Колотов.

— Три стопочки икон за мольбертами, среди хлама. Красивые. У бабки моей, русской крестьянки, — зачастил шофер, — были менее сверкающие и симпатичные. Они были скромные и это... непритязательные. А она ведь была трудовая женщина, не бедная...

— Как вы смеете? — Лицо Маратова обострилось, появился неровный румянец на скулах. — Вы не имеете права обыскивать. Покажите ордер!..

— Это случайность, — успокаивающе проговорил Колотов. — Товарищ Лаптев любовался картинами и вдруг увидел необычные предметы и в порядке дружеского общения сообщил нам. Так? — повернулся он к Лаптеву.

— Конечно, — Лаптев развел руками и с осуждением посмотрел на художника: мол, как ты можешь меня, такого симпатягу, подозревать в чем-то непотребном.

Художник с силой сжал руками полы длинного свитера, потянул его вниз, повел подбородком, зло ощерился.

— Я буду жаловаться! — сквозь зубы веско проговорил он.

— Ладно, хватит! — отрезал Колотов. — Закончили наши игры. Давай все как есть, живописец. Начал говорить, говори до конца. — Колотов извлек из кармана листок. — Вот опись похищенных икон. Если хоть одна из них найдется среди твоих...

...Маратов перестал тянуть свитер, посмотрел в окно. Пасмурно. Но видно, что еще тепло. Осень, конец сентября. Нижние окна соседних домов отливают желтым — это деревья смотрятся в них, смотрятся и грустят о прошедшем веселом лете. Он вспомнил другую осень, подготовку к первой выставке, суматошную суету, радостное возбуждение, предощущение чего-то значительного, великого, светлое пятно Наташиного лица, укрытого мраком ночи, холодный фужер с шампанским, прижатый ко лбу, и как он шептал в маленькое, нежное ее ушко: «Это мой шанс, я чувствую, мы уедем к черту из этого городишки, мы будем жить в Москве, она падет ниц передо мной, как не пала перед Наполеоном...»

— Картины не приносят большого дохода, — негромко проговорил он. — Здесь нет истинных ценителей. А за реставрацию икон он платил очень прилично. Самое главное, что я не спрашивал, откуда они. Я и вправду не знал, откуда они. Вы верите? — он заглянул в глаза Колотову. — Верите?

Колотов молчал, безучастно разглядывая Маратова.

— Он звонил сегодня утром, — продолжал погрузневший художник. — Сказал, какие-то неприятности у него, сказал, что позвонит завтра после двух и заедет за товаром, в смысле за готовыми досками...

— Наши сотрудники останутся у вас, — сказал Колотов. — Придется не выходить никуда, покуда он не придет. Потерпите. Ну а потом подумаем, что с вами делать.

Весь оставшийся день, весь вечер и даже часть ночи — никак не мог заснуть почти до трех — он старался не забыть, как он разговаривал с художником, пытался поточнее

вспомнить выражения, которые употреблял в допросах Питона и Гуляя, восстанавливал эмоциональное состояние, в котором пребывал в те моменты — нельзя же осрамить великий милицкий клан перед этими фасонистыми киномолодцами, — и утром уже четко знал, что и как будет говорить на допросе с киношным жуликом.

В управление он вошел веселым, бодрым, подтянутым, несмотря на то, что спал-то мало — хотя в его возрасте это пока не столь важно.

Возле кабинета, предоставленного съемочной группе, остановился, пригладил волосы, одернул пиджак, слегка рукава подтянул, перед дракой словно, и только тогда потянулся к двери. Но не открыл ее, не вошел, пальцами только рассеянно помял скользкую металлическую ручку, пальцы горячие, влажные, а потом и вовсе руку отнял, оглядел ладонь с подозрением, обтер ее о пиджак, старательно, от плеча до пояса, будто и не учили его в советской школе светским манерам и хорошему тону. Почему не вошел? Сдвинул брови, размышляя, механически вынул сигарету, закурил. «Ну и войду, — подумал, — а дальше?...

... А дальше так.

Капаров тоже был сегодня бодрый и подтянутый.

Он обрадовался, увидев Колотова, заспешил навстречу, белозубо улыбаясь.

— Ждем, ждем, — заговорил он, учтиво беря Колотова под локоть. — Осматривайтесь, осваивайтесь, обживайтесь. — Он рукой обвел кабинет.

По углам, как солдаты на утренней поверке, вытянувшись изо всех сил, на тонких ножках стояли еще сонные слепые прожекторы с «ушками» по бокам, на полу беспорядочно громоздились деревянные и железные ящики, удавами извивались толстые провода, тенями по кабинету сновали люди с деловыми лицами. Какой-то молодой парень в наушниках прилаживал к штативу длинный, похожий на батон сырокопченой колбасы микрофон. А посреди кабинета на треноге замерло средоточие всего этого странного действия, предмет, ради которого расставлялись маленькие прожекторы, ящики, протягивались провода, прилаживался колбасовидный микрофон — камера. Короткий, с раструбом, как у старинных ружей, ствол ее был направлен на стул, где должен был сидеть и произносить правдивые слова Колотов.

— Хотя, впрочем, чего вам обживаться, — добавил режиссер. — Вы в этом кабинете небось каждый день бываете.

Колотов машинально кивнул, не сводя глаз с черного зрачка камеры.

Капаров поймал его взгляд, хмыкнул.

— Она еще не работает, — сказал он.

— Я вижу, — Колотов постарался произнести эти слова сухо и безразлично.

— Для начала прорепетируем. Хорошо? — Капаров все время улыбался и делал доброе лицо, будто разговаривал с малышом. — Репетиция — залог хороших съемок. Согласны?

Колотов поудобней расположился за столом.

— Расслабьтесь, — посоветовал режиссер. — Забудьте о камере, о дигах, о людях, обо мне... Постарайтесь забыть. Люди вашей профессии должны это уметь, уметь отключаться.

— Я отключился, — неуверенно произнес Колотов.

— Вот и прекрасно, — заключил Капаров. — Начнем. Представьте, что задержанный я. Вот я сажусь напротив, — режиссер сел. — Я расстроен, мрачен, весь замкнут на себя, — режиссер поджал губы, с нехорошим прищуром покосился на Колотова. — Импровизируйте, — осиплым в студеной застенке голосом проговорил он.

Колотов обтер уголки губ, вольно откинулся на спинку стула, постучал пальцами по

столу, поднял глаза на режиссера, открыл рот, набрал воздуха, застыл так на мгновение и выдохнул, помотав головой.

— Ну что? — тихим, терпеливым голосом спросил режиссер.

— Сейчас, — Колотов переменял позу. Он оперся на стол руками и подался вперед, набрал воздуха... — Вы будете говорить или нет? — вдруг произнес он слабо и едва слышно текст сценария и по инерции продолжил: — Лучше признавайтесь сразу...

Режиссер сочувственно посмотрел на него и негромко засвистел незатейливый мотивчик из телефильмов про знатоков.

— Так, — сказал он, когда закончил насвистывать. — Что случилось?

Колотов молча пожал плечами и закрыл глаза. Он увидел Питона, его смуглое, брезгливое лицо, его большой, тонкий рот, кривящийся в усмешке...

— Сейчас, — сказал он. — Минуту.

— Может быть, создать обстановочку? — поинтересовался Капаров. — Вы тогда соберетесь. Знаете, как бывает в экстремальных ситуациях? — Он крикнул за спину: — Саша, Володя, Семен, давайте свет, звук, готовьте камеру.

Ударили белым диги. Под веками защипало. Колотов зажмурился.

— Сейчас привыкнете, — из темноты успокоил Капаров.

На какое-то время все словно забыли о Колотове. Режиссер громко и раздраженно отдавал указания, шумно засуетились люди из съемочной группы, оператор ругался с помощником из-за какой-то кривой бобины. Колотов тем временем курил и настойчиво сосредоточивался.

— Все! — крикнул наконец режиссер. — Работаем. — Он снова сел на стул, сделал бандитское лицо, сказал Колотову с хрипотцой, нажитой в жестоких карточных спорах: — Сегодня снимаем только вас. Я подыграю за актера. Давайте. Приготовились, — крикнул он, выпятив челюсть. — Хлопушка! Мотор! Начали!

Застрекотала камера, затихли в темноте киношники. Колотов опять обтер уголки губ. Губы были горячие, будто их только что подпаливали на костре. Колотов сначала откинулся на спинку, некоторое время пристально смотрел на Капарова. «Хорошо», — подбадривая, прохрипел режиссер. Потом Колотов стал угрожающе наклоняться вперед, пальцы его побелели, вдавливаясь в стол. Он открыл рот, вздохнул...

— Вы будете говорить или нет?! — рявкнул он громово. — Лучше признавайтесь сразу!..

— Стоп! — скучно приказал режиссер. — Довольно. Пленка у нас в стране дорогая...

Оператор снял кепочку, провел рукой по волосам. Потухли диги, медно мигнув напоследок.

Капаров помассировал шею, медленно поднялся, подошел к неподвижно сидящему Колотову, положил ему руку на плечо.

— Не расстраивайтесь. Ерунда, — сказал он. — Мы найдем актера.

Ассистенты и рабочие, переговариваясь и прикуривая друг у друга, потянулись к двери. Взгляд Колотова упал на руку. Пальцы крепко сжимали тлеющую сигарету... Он поднес руку к губам, но курить расхотелось, и он бросил сигарету в сторону урны. Не попал. Сигарета сиротливо лежала на вымытом полу и обиженно дымилась. Колотов сделал шаг, нагнулся, чтобы поднять ее и отправить к обугленным сестренкам.

Капаров отчетливо кому-то сказал: «Ты что, дурак?»

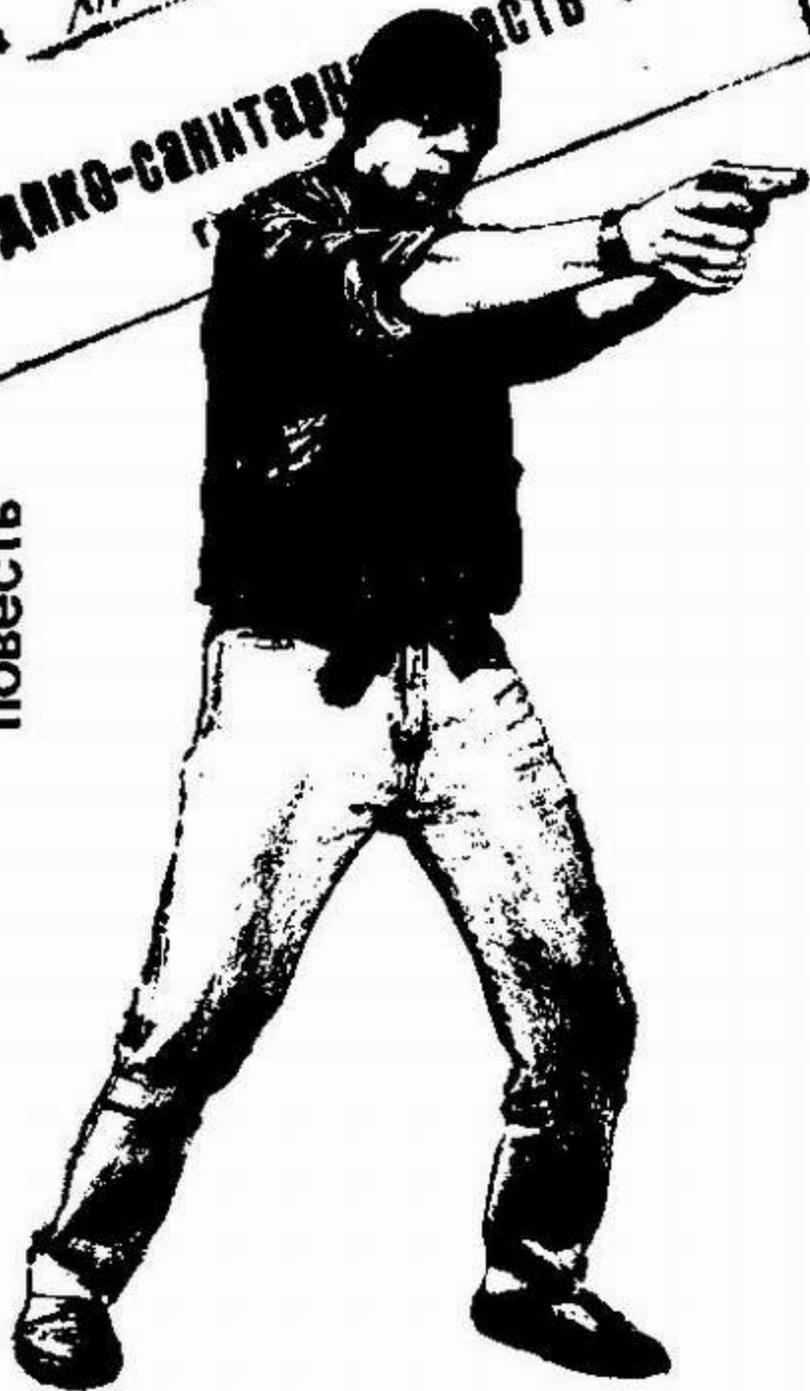
Колотов выпрямился, резко развернулся, выскочил из комнаты и побежал по коридору.

Прыжками преодолел лестницу. На втором этаже замедлил шаг. Вымученно улыбаясь и сдержанно кивая сотрудникам, дошел до своего кабинета. Вставил ключ в скважину. Вошел. Закрылся. Оперся горячей спиной о сейф. Постоял так с полминуты. Холод успокоил. Колотов улыбнулся.

«Сегодня я возьму Стилета, — подумал он, — и все будет хорошо».

Супермен

.....
повесть

Сегодня тихо и безветренно, покойно и солнечно с самого утра. Днем в каленом сизо-белом небе висели два-три облачка, дырявые, косматые, да и те обречены были, растаяли к вечеру. А еще ночью шел дождь, злой и студеный. И вчера он шел, и позавчера. Тяжелый, он побил цветы, кустарник, издырявил, а затем и зацементировал пляжи, жестоко разогнал пригревшихся отдыхающих, выхолодил прибрежную кромку моря, изувечил дороги глубокими обширными лужами.

И конечно, берег в этот день был пустынный и скучный, и не отливал песок золотом слепяще и весело, и не томилось в нем большое тепло, такое желанное и уютное, был он серый и мокрый и утрамбованный почти до твердости заезженного проселка. Все ждали, когда он размякнет, высушится. Когда это будет? К ночи? Завтра?

...Вдоль пляжа неслась машина, ревела сердито, мощь свою выказывая. Ружин гнал «Жигули» почти на предельной скорости. Неожиданно затормозил, вывернул вбок, так, чтобы закрутилась машина волчком, веером высекая из-под колес мокрый песок, завертел восьмерки на полном ходу; подбадривая себя хриплыми вскриками, вдруг врезался в воду, въехал как на амфибии по самые дверцы, развернулся по дну, бешено вспенивая бегущие к берегу волны, и погнал вдоль пляжа, с шипеньем рассекая воду.

Лера охала, вскрикивала, то и дело зажмуривалась в испуге; вдруг хваталась за руль, а при резком повороте опрокидывалась на Ружина, непроизвольно обнимая его.

— Умница. Не надо скрывать своих потаенных желаний, — объявлял Ружин и добавлял, веселясь: — Еще разок, пожалуйста, — и снова на предельной скорости клал машину в вираж.

Они не видели, как бесшумно, выключив мотор на спуске, катил по шоссе вдоль пляжа сине-желтый милицейский мотоцикл с коляской и со старшим сержантом в седле. Одной рукой старший сержант держался за руль, другой расстегивал шлем, стирал со лба пот. Жарко, а старший сержант в теплом кителе, и галстук тугой петлей сжимает его горло. Приказали позавчера по случаю дождей и холодов в кителе на смену заступать, а сегодня не отменили, вот и парится старший сержант, не смея пуговку расстегнуть — дисциплинированный, сознательный, примерный. Остановил он мотоцикл там, где кусты погуще, чтоб со стороны пляжа трудно заприметить его было, снял шлем, подправил влажные короткие волосы и принялся бесстрастно наблюдать за ружинскими кренделями.

— Я больше не могу, — сказала Лера, мертво вцепившись в сиденье. Ружин сделал очередной вираж, крутой, с рискованым креном. — Я умру, прямо здесь. И тебя посадят. Убийца.

— Меня оправдают, — возразил Ружин. — Я докажу, что ты нимфоманка и садомазохистка. У нас этого не одобряют.

— Дурак, — сказала Лера.

— Хо-хо-хо, — отозвался Ружин. — Не любишь правду...

— Я тебя ненавижу, — почти не разжимая губ, проговорила Лера.

— Раз так, — Ружин пожал плечами, — я могу выйти. — Он вдруг бросил руль, открыл свою дверцу.

Лера вцепилась в него, закричала испуганно:

— Не надо, Сереженька!

Ружин захлопнул дверцу, положил руки на руль, заметил удовлетворенно:

— Значит, все-таки я тебе нужен?

— Конечно же нет, — Лера отвернулась к окну, хмурясь.

— Нет? — переспросил Ружин.

— Нет, — подтвердила Лера.

— Тогда смерть, — сказал Ружин. — Для обоих. Я давно мечтал об этом. Она соединит нас навечно. — Он разогнался с ревом, мощно. — До скорого свидания!

Машина неслась на темную, мокрую скалу, с острой верхушкой. Лицо у Ружина недвижимое, маска, глаза без выражения, прозрачные, солнце бьет в лобовое стекло, и стекло оттого белое, будто молоком залитое. Лера закричала истошно, обреченно. Высокий, звенящий голос сорвался на хрип. Ружин вдавил педаль тормоза. Машина, качнувшись, застыла перед самой скалой. Лера обхватила руками голову, сморщилась некрасиво, заплакала, тихо, безнадежно.

— Ну зачем? — сказал Ружин скучно. — Зачем, а?

Старший сержант сплюнул, проследил за полетом плевка, внимательно рассмотрел место падения, аккуратно засыпал плевков и, обтерев со лба пот рукавом кителя, надел лежавшую в коляске фуражку.

Лера достала сумку с заднего сиденья, вынула косметичку, смотрясь в зеркальце, платком вытерла щеки, промокнула глаза, выпятив нижнюю губу, подула на них.

— Ты за что-то мстишь мне? — спросила она. — За что?

Ружин оживился.

— Мщу, — кивнул он. — За тех добрых и порядочных парней, которых ты совратила и обесчестила. — Он повысил голос, заговорил торжественно-обличающе: — За тех, кто поверил тебе и которых ты обманула! Я мщу за поруганную честь, за отцов-одиночек...

— Я не шучу, — перебила его Лера.

— А я шучу, — ухмыльнулся Ружин. — Шучу, понимаешь? Я веселый. Ты не замечала?

— Поехали, — сухо сказала Лера.

— Поехали, — согласился Ружин.

Машина тронулась и покатила к шоссе, почти к тому самому месту, где хоронился старший сержант в кителе и с мотоциклом. Скрипуче пробуксовывая на отлогом подъеме, автомобиль наконец выбрался на шоссе. Сержант надвинул фуражку на лоб, перегнулся, достал из коляски жезл, ударил им, будто дубинкой, несколько раз по ладони левой руки и неторопливо пошагал навстречу. Когда машина была метрах в двадцати, он махнул жезлом.

— Ну вот еще, — сказал Ружин и прибавил газу. Сержант невольно отпрыгнул в сторону. Опомнившись, засвистел что есть силы, мелко подергивая головой от напряжения.

— Во соловей, — усмехнулся Ружин, взглянув в зеркальце заднего обзора. — Ща фуражка слетит.

— Кто придумал эти дурацкие свистки? — сказала Лера. — Звук у них неправильный, истеричный, безвкусный. От него хочется бежать, а не останавливаться. Глупые люди. Вот если бы ГАИ флейты дали.

— Или в крайнем случае горны, — заметил Ружин.

— Нет, флейты лучше, — мотнула головой Лера. — Они нежнее, мелодичней...

— А горны громче, — не отступал Ружин. — Их лучше слышно.

— Дело не в громкости, — разозлилась Лера. — А дело в отношении к людям... Флейта говорит: «Остановитесь, пожалуйста, дорогой товарищ, к моему глубокому сожалению, я должен проверить у вас документы...» А горн, что и свисток: «Стоять! Документы давать! Всех расстрелять!»

— Нет, — не согласился Ружин, — у горна все-таки звуковой оттенок более уважительный и солидный, чем у свистка... — Он взглянул в зеркальце и подивился: — Резво шпарит. Ну-ну, — сказал он и надавил на акселератор.

Шоссе ушло в сторону от моря, потянулось в гору, вдалеке замелькал серпантин. Ружин уверенно и красиво вписывался в повороты. Сержант стал отставать. На втором витке он съехал с шоссе и двинул напрямик, по грязи, камням, мокрой траве. Мотоцикл ревел, буксовал, выбрасывая из-под колес комья мокрой земли, и наконец завалился набок, придавив сержанту ногу. Сержант заорал, и лицо у него сделалось свекольным.

Но вот, вдоволь наизвивавшись и набравшись, неразборчиво и невнятно, но чрезвычайно грубо и зло, сержант выбрался все-таки из-под мотоцикла и, держась за фуражку, спотыкаясь, помчался вверх, к шоссе. Успел-таки. Замызганный, свирепый, выбежал на середину дороги, расставил ноги, расставил руки, залился визгливым свистом, задрожал от победной радости.

Лера скривившись, закрыла уши руками, а Ружин, ухмыляясь, метрах в двадцати от сержанта резко надавил на тормоз. Заскрипели колодки, зашипели колеса, машину повело слегка юзом, и остановилась она возле самого сержанта. Бампер уперся прямо ему в ноги. Ружин открыл дверь, но выходить не стал.

— Угости сигареткой, — попросил он.

— Что? — оторопел сержант.

— Целый день за рулем, — Ружин помассировал шею. — А ни одной сигаретки так и не выкурил. Хочется, понимаешь ли, до смерти... — Ружин удивленно уставился на сержантовы галифе: — А чего грязный-то такой? — спросил сочувственно.

— Документы! — вскипая, выцедил сержант.

— Документы? Ну давай, показывай, — добродушно улыбнулся Ружин и протянул руку.

— Твои документы! — сержант слабо шевельнул закаменевшими от злобы губами и вдруг заорал: — Быстро! Давай быстро!

Ружин вылез из машины, успокаивающе выставил ладони, зачастил бархатно:

— Тихо, тихо, тихо... — Извлек из кармана куртки документы, протянул сержанту. Тот нетерпеливо вырвал их и стал жадно рассматривать, одновременно мстительно восклицая:

— Въезд в заповедную зону! Неповиновение работнику милиции! Превышение скорости!.. Дорого заплатишь!

— Сержант, сержант, — миролюбиво проговорил Ружин, — послушай, здесь такое дело... — Он наклонился к уху милиционера и что-то энергично зашептал. Шептал долго. Лицо сержанта понемногу прояснилось, губы размягчились, запунцовели, он то и дело поглядывал сквозь стекло на Леру, наконец, кивнул головой, и тогда Ружин вынул из кармана сиреневую купюру и протянул ее сержанту, тот опять кивнул и положил деньги в карман. Получив документы, Ружин кинул их через открытое окно на сиденье, затем опять полез в куртку и вынул оттуда красную книжицу. Раскрыл ее, показал сержанту, представился:

— Капитан милиции Ружин. Старший оперуполномоченный уголовного розыска.

Теперь твоя очередь, — Ружин протянул руку. — Документы.

Удивительные порой процессы происходят в человеческом организме, все вроде уже дотошные врачи объяснили, ан нет, все равно изумляешься, когда видишь, как лицо человека в мгновение меняет цвет, как в мультфильме. Был сержант бурачковый, а стал сержант крахмальный, даже глаза обесцветились.

— Нет, — сказал он. — Да, — сказал он. — Хотя нет, — сказал он. — Хотя не знаю, — сказал он и стал тереть глаза, как ребенок, а потом сказал: — Я больше не буду, простите, — а потом сказал: — Я не местный, и в армии отличником боевой и политической подготовки был, музыкальным ансамблем руководил, пользовался авторитетом...

Ружин сунул удостоверение сержанта в карман, вскинул голову, проговорил негромко, но весомо:

— Такие, как ты, ввергают отечество в хаос. Такие, как ты, способствуют хозяйственному развалу и моральному застою. Ты тот самый бракованный винтик в механизме, который мешает этому механизму нормально работать, а вам, этим винтикам, имя легион, вас сотни, тысячи, миллионы.

— Десятки миллионов, — обиженно подсказала Лера из машины.

— Десятки миллионов, — подтвердил Ружин. — Такие, как ты, позорят, компрометируют, дискредитируют само звание — советский милиционер. — Ружин вытянул к небу указательный палец. — Это же высочайшее, это святейшее звание — советский милиционер... Ты зачем пошел в милицию? А? Чтобы форму получить? Чтобы деньги получить? Чтобы власть получить? Чтобы восполнить свою ущербность, неполноценность? Чтобы отомстить кому-то? Чтобы что-то доказать кому-то? Или чтобы избавить общество от мерзавцев и негодяев?

Сержант какое-то время моргал, прикусывал губы, а потом ответил:

— Эта... Чтобы избавить...

Ружин просунул голову внутрь машины:

— Он идиот, — сказал он Лере. — Открой бардачок. Достань лист бумаги.

Ружин выпрямился, положил бумагу на капот, извлек из нагрудного кармана ручку, подал ее сержанту.

— Пиши, — сказал он.

— Что? — обреченно спросил сержант.

— Я продиктую.

Сержант согнулся над капотом.

— Начальнику управления внутренних дел... — диктовал Ружин. — Я такой-то такой-то, такого-то числа, в таком-то месте получил от такого-то владельца автомашины такой-то деньги в сумме двадцати пяти рублей за нарушение своих должностных обязанностей. — Сержант бросил писать и испуганно поднял голову. — Пиши, пиши, — спокойно сказал Ружин. — Или можем разобраться прямо сейчас, в управлении. Поехали, — предложил он. — Или об этом будут знать только я и свидетель, — он указал на Леру. Сержант опустил голову. — За нарушение должностных обязанностей, — продолжил Ружин, — кои выражались в отсутствии наказания водителя такого-то за въезд в заповедную зону, превышение скорости, неповиновение работнику милиции. С красной строки. Я все осознал. И больше такого в моей профессиональной практике не повторится. Число, подпись.

Ружин все добросовестно прочитал, кивнул, сложил бумагу, сунул ее в карман. Протянул руку, сказал коротко: — Деньги, — и деньги положил в карман, а взамен отдал

сержанту документы. Сел в машину.

— Бывай здоров, — сказал на прощанье.

Машина тронулась, и Ружин рассмеялся:

— Как он вдумчиво мне внимал, ты видела?

— Я видела, как ты упивался, — ответила Лера.

— Ты несправедлива, — возразил Ружин. — Я работал. Авось когда-нибудь эта бумажка и пригодится. — Он машинально посмотрел в зеркальце — на шоссе сзади никого не было — и опять заговорил: — Однажды старый еврей пришел к Гришке Распутину и дал ему сто рублей. «Зачем?» — удивился Гришка. «Может, вспомнишь когда», — ответил еврей. Вот так.

— Какой ты ушлый, — усмехнулась Лера.

Ружин искоса посмотрел на женщину.

— Дальновидный, — поправил он.

...Когда они въехали в город, стало смеркаться. Грустное время, и уже не день, и еще не вечер, и не ночь, так, не поймешь не разберешь, словно вне жизни существуешь в этот час, без опоры, без определенности, мысль не может ни за что зацепиться спасительное... Так не у всех, наверное. Да конечно же не у всех. А у Ружина так...

Город готовился к вечеру, засветились неоновые буквы на отелях, засветились окна в кафе и ресторанах. Густо потек народ с пляжей. Надо быстро поужинать. И придется — для прогулок и развлечений.

— Уже темно, — сказал Ружин. — Может, прямо к дому?

— Нет, — ответила Лера. — Останови тут. Старухи в твоём дворе, как кошки. Им что ночь, что день...

Ружин притормозил. Лера вышла.

— Через пять минут жду, — сказал Ружин ей вслед и мягко тронулся с места.

В своём дворе он припарковал машину, вышел, любезно поздоровался с глазастыми старушками, поднялся на третий этаж, вошел в квартиру, закрыл дверь, прислонился к ней спиной, с силой провел пальцами по лицу, зашел в ванную, включил свет, намочил под краном руки, опять провел ладонями по лицу, взглянул на себя в зеркало.

— Зачем? — спросил он себя. — Зачем, а?

В комнате он снял куртку, бросил ее на диван, расстегнул рубашку, потянулся с усилием, взял сигарету, прикурил, массируя шею, подошел к окну, нагнулся, рассеянно вглядываясь в темный провал его, пробормотал что-то и, неосторожно подавшись вперед, ткнулся лбом в стекло. Стекло треснуло сухо, задрожало, глухо прогудев, и два крупных клинообразных куса обвалились со звоном, раскололись меж рамами.

— А-а-а, черт! — взвыл Ружин, смахивая кровь со лба.

Входная дверь распахнулась, вошла Лера, она бросила сумку и ключи на кресло и только после этого заметила разбитое окно и кровь на лице у Ружина. Подбежала, заохала, разглядывая; помчалась в ванную, принесла мокрое полотенце, стерла кровь...

— Ерунда, — сказала. — Ссадина.

Залепила ранку пластырем, провела прохладной ладонью по щеке Ружина, по губам. Он улыбнулся, поцеловал ее пальцы.

— Как не вовремя, — сказал он. — С такой мордой я распугаю весь ресторан.

— Отлично, — смеясь, проговорила Лера. — Я хочу поскорее посмотреть, как это будет. Представляешь, — она сделала свирепое лицо, сдвинула брови и выпятила

челюсть, — тыходишь первый, со ссадиной. Крик ужаса, все срываются с места и, опрокидывая столики, мечутся по залу. И тут появляюсь я. В белом платье. Удивление. Восторг. Обмороки.

— Инфернальная парочка, — содрогнулся Ружин.

Лера посмотрела на часы.

— Пора собираться, — сказала она, держась за Ружина, расстегнула туфли, небрежно скинула их и босая прошлепала в ванную.

Ружин сел на мягкую квадратную кровать, покачался на ней несколько раз, с веселым любопытством прислушиваясь к томным вздохам матраца, потом потянулся к телефону, стоящему на тумбочке, набрал номер.

— Это я, — сообщил он, когда ему ответили. — Ну как?.. Наверное, он дозвониться не может, вы там, балаболки, висите на телефоне... Ну хорошо, еще полчаса я дома, потом минут двадцать в дороге и примерно до часу буду в «Кипарисе», звони туда, спросишь метра, Михалыча, он позовет. Все.

Шум воды в ванной стих. Появилась Лера. Она никак не могла справиться с просторным и длинным ружинским халатом, он волочился по полу, путался в ногах. Сделав шаг, чуть не упала, хихикнула. Лоснящееся от крема лицо было расслабленным, умиротворенным.

— Хочется жить, — сказала она и добавила, подумав:

— Я останусь у тебя после ресторана. Плевать на все.

— Я всегда верил в тебя, — сказал Ружин. — И не ошибся. — Он поднялся. — Какой костюм надеть?

— Бежевый, — откликнулась Лера, — французский. Мой любимый.

Ружин вышел из комнаты.

Лера закрыла глаза, вздохнула глубоко, решительно подошла к телефону, сняла трубку и вдруг заколебалась, потерла трубкой висок, посмотрела в окно. Под черным небом насыщенный жизнью и электричеством волновался город.

— Наймусь юнгой и уйду в Сингапур, — сказала Лера. — Там бананы.

Она набрала номер, ласково заулыбалась трубке.

— Мишенька, ты уже дома? — тихо спросила Лера.

— Молодец. Ты у меня примерный. Есть суп, есть картофельные котлеты... А, уже поел... Ну, посиди, почитай или поработай. Приду поздно, наверное, ночью... Не сердись. На мне сейчас два индивидуала из Бельгии. Ленка заболела, другого переводчика не могли найти, как всегда, под руку попала я, надо их проводить, а до этого покатать по ночному побережью. Программа... Ну, не сердись... Целую...

Повесив трубку, невесело усмехнулась и сразу стала набирать другой номер.

— Ленечка, — нежно проговорила она. — Слава богу, что сам подошел. Ты прости, мы увидаться не сможем. Надо побыть дома. Опять напряженка с Мишей. Он, по-моему догадывается... Нет, нет, не о тебе, вообще... Злой, по телефону всем отвечает, что меня нет... Хорошо? Ну, до завтра.

Ружин быстро и умело завязал перед зеркалом темно-бордовый узкий галстук, поправил воротник рубашки, осторожно провел пальцами по аккуратно уложенным волосам, надел пиджак.

В зеркале увидел Леру. Она стояла на пороге комнаты в белом платье, коротком, почти прозрачном — тонкие ноги, длинные, золотистые от загара, рот приоткрыт нарочито, с

ВЫЗОВОМ.

— Я раньше никогда никуда не опаздывал, — сказал Ружин, не оборачиваясь. — Но, как появилась ты, я делаю это регулярно.

Он снял пиджак, швырнул его в кресло, не отрывая взгляда от женщины, жадно рассматривал ее в зеркале.

Она вошла в комнату, встала рядом, дурачась, чуть наклонилась, тряхнула головой, волосы закрыли лицо, густые, ни глаз не различишь, ни губ.

— А я тебя вижу, — сказала Лера, смеясь.

Ружин неожиданно быстро притянул ее к себе, поцеловал.

— Платье, — слабо выдохнула Лера.

Ружин мял ее как куклу, судорожно шарил руками по телу. Затем, не выпуская из объятий, настойчиво потянул женщину за собой и толкнул на кровать. Лера покорилась.

— Сейчас, — прерывисто зашептал Ружин. — Сейчас... — Он суетливо развязывал галстук...

Затренькал телефон. Ружин расстегнул рубашку. Телефон звонил.

— Идите вы к черту! — выругался Ружин и внезапно замер. — Минуту, — сказал он Лере, поднялся и взял трубку. — Да, — выдохнул нетерпеливо. — Позвонил-таки. То, что надо. Когда? Где? Отлично. Через двадцать минут в управлении. Все.

Он повернулся к Лере.

— У нас в запасе десять минут. — И принялся расстегивать брюки.

Лера резко и легко выпрямилась.

— Все, — тихо и сдержанно сказала она. — Я ухожу.

— Не дури, — засмеялся Ружин. — Десять минут тоже на дороге не валяются. — Он опять обнял ее. Лера брезгливо отпрянула.

— Пошел ты знаешь куда... — она встала, нервными движениями поправила платье. — Как вы мне все надоели, если б ты только знал...

— И много нас?

Лера нашла сумку, скомкав, побросала туда свои джинсы, рубашку, белье, осмотрелась — не забыла ли чего — и направилась к двери.

— У меня же работа, — мягко заметил Ружин. Он приладил под мышкой пустую кожаную кобуру от пистолета, надел пиджак, тоже вышел в прихожую.

— Да разве в этом дело, — Лера усмехнулась и открыла входную дверь. — Больше не звони.

— Эй! Постой! — Ружин перестал улыбаться. — Брось! Не надо! — Он выбежал на лестничную площадку, крикнул: — Ну прости ты меня! Прости! — и тут же замолк, настороженно огляделся и шустро шмыгнул в квартиру.

В управление приехал не переодевшись, как и был в бежевом костюме, бордовом галстуке. Кивнул дежурному, с кем-то поздоровался в коридоре, сильно и легко взбежал наверх, с ходу открыл дверь кабинета, она отлетела, как от порыва ветра, ударилась о стену, задрожала, загудела гулко. Навстречу ему поднялись двое молодых людей одного возраста, стройные, крепкие, чем-то похожие, по-современному одетые — джинсы, курточки.

— Ты так красив, шеф, — восхитился Лахов.

— Я бы влюбилась, — манерничая, проговорил Горохов. — Если б умела...

Ружин невесело улыбнулся в ответ. Загребел ключами, открыл сейф.

— Всю малину испортили, да? — сочувственно спросил Лахов.

— Еще как, — Ружин достал из сейфа пистолет, привычно щелкнул затвором, вставил обойму, вложил оружие в кобуру. — Впору запеть «Ментовские страдания». Ну что? — он посмотрел на сотрудников. — Погнались!

Рафик несся по городу. На нем никаких опознавательных знаков, ни проблесковых маячков, и сирена не глушила пронзительными звуками и тревогой беспечный курортный народ. Кроме троих оперативников в автобусе сидели еще трое сотрудников в форме.

— Смешно, — сказал Лахов, глядя в окно. — Море ненавижу, а столько лет живу здесь.

— Уезжай, — лениво порекомендовал Горохов.

— Уеду, — привычно легко отозвался Лахов.

— А я его и не замечаю, — офицер в форме протянул всем сигареты. — Вода и вода. Чего говорить? Нет, здесь хорошо. Я вон в Мурманске служил. Холодно.

— Да, да, конечно, — согласно закивал Лахов. — Надо всегда сравнивать с худшим.

— Ты еще заплачь! — неожиданно резко сказал Ружин. Все посмотрели на него. Он затыкнулся и закашлялся, поперхнувшись дымом. Горохов хватанул его по спине. Ружин громко ойкнул, но кашлять перестал. Офицер засмеялся.

Автобус притерся к тротуару. Водитель выключил мотор. Стало тихо.

— Все как обычно, — заговорил Ружин. — Поднимаемся, звоним условным звонком...

— А мы его знаем? — спросил офицер.

— А то, — весело откликнулся Ружин.

— Сыщикам слава! — офицер хлопнул в ладоши.

— Понятых, естественно, надо, — продолжал Ружин. — Вы, — он указал пальцем на одного из милиционеров, — организуйте, пожалуйста.

Милиционер кивнул и вышел из автобуса.

— Сколько их? — спросил офицер, надевая фуражку. — Рафика хватит?

Ружин пожал плечами, сказал неопределенно:

— Упакуем, чай не баре...

— Ну, ладненько, — кивнул офицер. — Поработаем. Давно в деле не был. Заела, понимаешь ли, канцелярия.

— А кого не заела? — вздохнул Ружин и вытянул средний палец. — Гляди, мозоль от ручки.

— А лучше бы от курка, — с деланным тяжелым хрипом в голосе заметил Горохов.

Офицер опять засмеялся. Все происходящее ему очень нравилось.

В стекло постучали. Милиционер привел понятых, двух настороженных мужичков пенсионного возраста.

— Теперь быстро, — сказал Ружин. Оперативники и милиционеры торопливо пересекли двор, вошли в подъезд, застучали каблуками по лестнице. Лампочки светили вполнакала, медно, да и то не на каждом этаже. Был холодно и сыро, словно и не на юге. Лахов поскользнулся, чуть не упал.

— Вот дерьмо! — выругался.

— Дерьмо, — негромко засмеявшись, подтвердил Горохов и посветил на лестницу фонариком. Лахов шевельнул ноздрями и сморщился. Начал старательно о лестницу соскабливать неприятность с подошвы.

— Потом, — толкнул его Ружин.

Наконец поднялись. Встали перед дверью. Дверь обшарпанная, давно не крашенная, но с тремя замками, добротными, новыми. Ружин оглядел коллег, потянулся к звонку. Позвонил два раза длинно, три раза коротко. Не открывали долго. Кто-то из милиционеров вздохнул: «О, господи». Но вот защелкали замки, один, второй, третий. Дверь приоткрылась. Ружин сильно толкнул ее ногой. За дверью вскрикнули, и она открылась больше чем наполовину. Ружин шагнул первым. Лахов тоже переступил порог и закашлялся.

— Дурь, — определил Горохов и зажал нос.

В темной узкой прихожей кто-то корчился у стены. Видно, тот, кто открывал. Ружин подтолкнул его вперед, чтобы не оставался за спинами. Парень выругался, но заковылял покорно. По пути Ружин открыл дверь в ванную. Там горел свет. Голый малый тискал голую девчушку, совсем молоденькую, беленькую, худую. Горохов дернул малого за руку, тот повернулся, в белесых глазах муть, тупая ухмылка. Накачанный. Девчонка захохотала и стала чесаться. Со всей силы. В кровь. Кто-то выскочил в коридор из комнаты, грузный, растрепанный, потный. Разглядев погоны, крикнул:

— Менты! — забегал шальными глазами в поисках выхода, метнулся к кухне. Ружин не останавливал его. Куда он денется, третий этаж. Но милиционеры все-таки двинулись в сторону кухни. Ружин толкнул дверь в комнату. Теперь и он закашлялся. Дым, музыка, стол с закусками, от двери до окна «стенка», дорогая, матовая. Ворсистый ковер на полу, не наш — привозной, ворс с пол-ладони, и совсем не к месту три кровати панцирные, на каждой лежат мальчишки, рты полуоткрыты, лица заостренные, как у мертвецов, на столе среди закусок шприцы, под подошвами хрустит — осколки ампул. На бархатном диване под роскошным абажуром торшера двое кавказцев, скорее всего грузины, небритые, мордатые, подняться нет сил, глядят сумрачно, пьяно. Один все-таки сумел встать до того, как Ружин к нему приблизился, нетвердо, но резво шагнул к низкому шкафчику, просунул руку между ним и стеной, вынул двустволку, не целясь выстрелил, попал в потолок, посыпалась штукатурка. Офицер присел, закрыв уши руками, фуражка упала с его головы, покатилась. Ружину мешал стол. Через него до парня не дотянуться, а тот уже прилаживался, целился.

— Сука! — крикнул Ружин и с грохотом опрокинул на него тяжелый стол — зазвенела посуда неожиданно мелодично, нежно, — затем ногой двинул его в пах, отвел левой рукой ствола, а правой коротко ткнул в основание носа. Парень, удивленный, упал. Теперь им занялись Горохов и Лахов. Ружин поднял фуражку, потряс офицера за плечо, отнял его руки от ушей, протянул фуражку, обронил: — Не теряй.

Дверь в кухню забаррикадировали изнутри. Милиционеры в два плеча пытались освободить себе путь. На кухне истошно вопили:

— Хрен вам, падлы! Хрен моржовый! Не взять меня! Не взять! Никого не взять!..

— Хрен! Хрен! Хрен! — вторил ему еще один голос, молодой, звенящий от напряжения, страха и собственной отваги.

— С водицей уйду, примет она меня, холодная, чистая, и понесет в своем чреве навстречу счастью, любви и покою...

Из-под двери проворно поползли тонкие ручейки.

— Воду на всю катушку включил, шизик, — переводя дыхание, усмехнулся один из милиционеров...

— Пусти, пусти меня, водица! — вопил «шизик». Но вот голос стал глуше, послышалось бульканье...

— А-а-а-а-а! — заорал молодой.

— Давай! — выкрикнул Ружин, и втроем они навалились на дверь. Еще, еще... Дверь подалась... Еще... Ружин протиснулся в щель. Дверь оказалась подпертой буфетом, плитой, столом...

Грузный лежал на полу, хрипел, изо рта текла вода. Молодого нигде не было. Ружин изумленно обвел глазами кухню. Увидел открытое окно, выглянул. Под самым окном палисадник, кусты. В кустах кто-то шевелился. Вот поднялся, побежал, прихрамывая, худой, долговязый. Ружин покрутил головой:

— Редкий паренек, — и сорвался к двери.

Догонял бесшумно, без предупреждающих окриков — люди вокруг, зачем их пугать. Паренек сначала не оборачивался, но потом, видно, почуял что-то, обернулся, разом вычислил Ружина, заулыбался недобро, повернулся, заковылял навстречу, вынул из-за пазухи нож. Вскрикнула женщина, несколько человек шарахнулись в стороны.

— Зря, — с сожалением сказал Ружин. — Не надо было, — подошел ближе, вдруг повернул голову вбок, словно увидел кого, махнул рукой, крикнул: — Давай! — Прием старый, как мир, но действует. Паренек дернулся невольно вбок, а Ружин тем временем ударил ногой его по руке — нож вылетел, — потом перехватил руку, взял на излом, завел за спину. Кто-то из прохожих подал Ружину нож.

— Спасибо, — сказал он и повел паренька к дому.

Офицер бил малого, стрелявшего из двустволки. Тот лежал на полу, безумно таращил глаза, вскрикивал, обильно брызгал слюной, а офицер пинал его, как футбольный мяч, хрипя, матерясь, умело... Лахов прихватил офицера поперек туловища, попытался оттащить в сторону, но офицер, литой, чугунный, отцепил руки, сбросил Лахова, оскалась, и снова к лежащему. Один из милиционеров стоял у двери завороченный, отрешенно глядел на мелькающие сапоги.

— Рехнулся, подонок? — Ружин оттолкнул милиционера, вошел в комнату. Офицер был занят, он не услышал, опять слетела фуражка, опять покатилась. Ружин сплюнул. Вдвоем с Лаховым они заломили офицеру руки. Он неожиданно покорился, сел на стул, протянутую Ружиным фуражку не взял, глянул только на оперативника, не скрывая неприязни.

В комнату заглянул загорелый молодой мужчина в белом халате — врач «Скорой помощи».

— А вот и мы, — приветливо сообщил он. — Ну-с, кто больной?

Ружин жестом указал на кровати.

— Совсем дети, — врач вздохнул, раскрывая чемоданчик.

Ружин вышел в коридор, распорядился:

— Остальных в автобус.

Паренек сидел в коридоре на полу, безмятежно курил.

— Имя, отчество, фамилия? — Ружин положил ручку на стол, неторопливо поднял руки вверх, потянулся упруго, глаза сразу стали сонными. — Нанюхался вчера вашей дряни, — он лениво посмотрел на сидящего напротив паренька. — Всю ночь птицы в окна бились, а за дверью кто-то стоял и ковырялся, гад, в замке, и ковырялся...

— Мало нанюхались, — ухмыльнулся парень. — Кайф не словили. Кайф классный, чё больше хочешь, то и видишь...

— И что ты видишь?

— Да всякое... — парень помял пальцы, посмотрел в окно. Там солнце, море,

женщины, девочки, все в ярком, красивые, все это видно из окна. — Всякое... — повторил он.

— Ну, ладно. — Ружин взял ручку. — Значит, как тебя? Колесов Алексей?

— Андреевич, — подсказал Колесов.

— Год рождения... Учишься, работаешь?

— Учусь, пятьдесят второй интернат, десятый класс.

— Вот как? Не врешь? — Ружин откинулся на спинку стула, пошевелил бровями.

Колесов засмеялся. Ружин улыбнулся ответно.

— Феленко Александра Степановича знаешь?

— А как же? Замдиректора. Зануда, бу, бу, бу-бу, бу, бу, и все о чем-то заумном, высокоом, уши вянут.

— Понятно, — Ружин покачался на стуле, спросил: — Ну, что делать будем, Леша?

— А что? — Колесов преданно вперился в Ружина.

— Сажать тебя надо.

— За что? — протянул Колесов, продолжая поедать Ружина глазами.

Ружин встал из-за стола, не спеша, улыбаясь, подошел к пареньку, сказал ласково:

— Сам знаешь! — И неожиданно двумя растопыренными пальцами ткнул Колесову в преданные глаза. Пальцы не дошли до лица сантиметров двух, но Колесов испугался, отпрянул, взмахнул руками, не удержал равновесия, свалился навзничь вместе со стулом. Упал неуклюже, жалко. Ружин вздохнул, но попытки помочь не сделал, смотрел сверху, холодно, жестко, выстукивал ногой такт.

Колесов встал не сразу. Не поднимая головы, раскорячась, отполз в сторону, как краб. Прислонился спиной к стене возле окна. За окном, далеко, на набережной, играла музыка. Ружин сунул руки в карманы брюк, прислушался, затем внезапно сделал лихое па, крутанулся на одном месте, подмигнул Колесову, наклонился, поднял стул, аккуратно поставил его возле стола, обошел стол, сел на свое место. И вот теперь Колесов поднялся, молча, глядя перед собой в пустоту, выпрямился вдоль стены, сказал тихо:

— Домой хочу.

Без стука вошел Рудаков, начальник уголовного розыска, опрятный, добродушный, с мягким морщинистым лицом, добрый сказочник Оле-Лукойе, вставший под ружье по всеобщей мобилизации — Родина в опасности, воруют...

— Колесов? — спросил доброжелательно.

Тот кивнул.

— Садись, что встал, — махнул рукой, приглашая, и вполголоса Ружину, деловито: — Как беседа?

Сам демократично взял стул от стены, устроился по-стариковски, поерзав, хотя не старик еще, пятьдесят пять, но выглядит старше, и ему нравится это — отец, дед, опекун. Колесов не сел, остался стоять.

— Ну, стой, раз хочется, — разрешил Рудаков. — Ну, так хоть посмотри на меня, чтоб я лицо твое увидел. Ну! Глаза! Дай глаза твои разглядеть, — повернулся к Ружину вопросительно, тот невинно пожал плечами. — Боишься? Боишься. Чуешь, какой взгляд у меня, куда хочешь проникнет, в любые потаенки твои. Чуешь, поэтому и прячешь глаза. Да и бог с ним, я и так все вижу, по рукам, по жилке, что на шее бьется, по испарине, что на лбу под волосами... Когда потреблять начал наркотик, в восьмом? В девятом? В десятом, значит. Кто дал? Ну? Одноклассники? Знакомый на пляже? Сосед?.. Ладно, неважно. Сейчас

у кого берешь? Другие вот сознаются, а ты будешь молчать, тебе по полной катушке, им скостят... — Стул скрипнул, Рудаков опасно схватился за стол, помял бумаги, сбросил ручку; кряхтя, сгорбился, переломился, выставил зад, брюки натянулись, нашарил ручку на полу, побагровевший, положил ее на место, в глазах блеск, слеза от напряжения. Ружин старался не смотреть в его сторону, не конфузить.

Рудаков перевел дыхание, поморщился — не от усталости, от осознания момента — непривычно, все сам, новый стиль работы, — рекомендуют. Ничего, скоро все кончится. Заулыбался, папочка, все понимающий, исполненный простоты, благодушия, продолжил:

— У меня сын есть. Взрослый уже. Когда маленький был, заболел. Тяжело. Операцию делали. Потом еще одну. Чтоб боли унять, наркотик давали. Долго. Он привык. Галлюцинировать начал, меня не узнавал, в окно кидался... Я поседел, сколько слез пролил. Понимаешь? Ты понимаешь? Сначала кайф, а потом горе. Понимаешь? Страшно. Твои сверстники гибнут. Ты гибнешь... Скажи, у кого брал ширево? Ты не предаешь, спасаешь...

Колесов молчал. Бездумно глядел перед собой, не двигаясь.

— Как остальные? — одними губами спросил Ружин.

Рудаков развел руками, встал, пошел к двери, задержался возле Колесова, мимоходом проговорил:

— Красивый мальчик. Девчонок любишь, а?

Дверь хлопнула. Ружин встал, стремительно подошел к Колесову, прижал его рукой к стене, крепко, кисть побелела, заговорил быстро, веско:

— Забыл, как с ножичком шел на меня? А я помню. Отлично помню. Напал, хотел убить. Никто не знает об этом, кроме тебя, меня и свидетелей!.. Выбирай!..

Подошел к двери, открыл, позвал милиционера:

— В камеру.

Ружин и Феленко шли по набережной. Асфальт выбелен солнцем, каменные парапеты седые от соли, каленые; кусты, деревья остро контрастируют и с асфальтом, и с парапетами — до боли в глазах — изумрудные, сочные. Шумно. Вокруг люди, шагу не сделаешь, чтобы не задеть кого-нибудь рукой. На пляже еще гуще, но весело, смех, музыка.

— Ты похудел, — сказал Ружин и добавил неопределенно: — По-моему.

— Работа, — ответил Феленко. Лицо у него чистое, сухое, глаза невеселые, высокий, ростом с Ружина. — Здание ремонтируем. Беготня.

— Не звонишь, — заметил Ружин.

— Я же говорю — работа.

— Мы виделись весной, — Ружин подумал и добавил неуверенно: — А до этого осенью вроде. Хотя рядом все...

— Не помню, когда загорал, — Феленко остановился, поднял ногу, задрал штанину. — Во какая нога белая, как вата, тьфу...

Ружин потянул его за собой, смеясь.

— Ты всю жизнь белый, сколько тебя помню, со школы...

Подошли к турникету, возле него табличка на ножке «Пляж гостиницы „Солнечная”». Дежурный с повязкой, в кепочке, потный, вислощекий, расплылся перед Ружиным, проводил взглядом, уже без улыбки.

Феленко хмыкнул:

— Я как-то в мае хотел пройти, чуть морду не набили.

Над пляжем на набережной — кафе, столики под зонтиками, белые стулья, легкие, с резной спинкой, все аккуратно, со вкусом — салфетки, бокалы. Почти все столики заняты. Слышится иностранная речь, и не только... Много рослых ребят с простецкими, но холеными лицами, девицы, яркие, модные. Все раскованны, улыбаются. Подошел официант, кивнул Ружину, показал на стол. Сели.

— Марину видишь? — спросил Феленко, устраиваясь.

— Перезваниваемся, — неохотно ответил Ружин. — Иногда.

— Как она?

— Работу бросила. По субботам покер. Она в длинном платье, принимает. Муж на черной «Волге». Как и мечтала.

— Ничего не меняется, — Феленко вынул «Дымок». — Люблю «Дымок», — сказал. И демонстративно стал открывать пачку.

— Не желаете? — протянул раскрытую пачку подошедшему официанту. Тот оторопело глянул на него, покосился на Ружина, справился-таки, заулыбался: много на свете чудачков, оригинальничают (в таком месте «Дымок»), вежливо отказался, положил на стол меню.

Ружин пошевелил в воздухе пальцами:

— Убери. Принеси как всегда.

— У меня старые штаны, — Феленко горестно покачал головой. — Шестой год ношу, штопаные. Показать где? — и с деланной грустью добавил: — Все, наверное, тут смотрят на меня, смеются. Тебя в неловкое положение ставлю, нет?

Ружин, казалось, не слышал, равнодушный, расслабленный, разглядывает женщин, то и дело сдержанно кому-то кивает, с достоинством. Отпил глоток «Боржоми», сказал:

— Времени в обрез. Зачем звонил? Колесов? Защищать будешь? Характеристику наверняка припас, просьбу директора. Так?

— Ничего не меняется, — повторил Феленко, усмехнулся рассеянно.

Подошел официант, принес заказ, расставил тарелки, улыбнулся, ушел.

— Господи, — вздохнул Ружин. — Ты о чем?

— Обо всем, — Феленко развел руки, поглядел по сторонам. — Обо всем. Кричим, много кричим, пишем, усиливаем. Но... все равно там одно, — он махнул рукой в сторону общего пляжа, — здесь другое, там одно, — он показал пальцем вверх, — там, — палец его переместился к полу, — другое. Устал. Сердце болит. Директор просил, поезжай, похлопочи, у тебя дружки там, надо парня выручать. А я тебе другое скажу — сажай, сажай, Сережа, — сжал салфетку, смял, выкинул, — по самой по полной по катушке. Он не плохой парень, не злой, модный, при деньгах, — Феленко повел подбородком. — Ему все разрешают, директор за руку здороваётся, по мускулистой шейке треплет, в кабинете кофеек с ним распивает... А вся наркота в интернате от него. Фактов нет, но я знаю... Милиционера избил — пожурили...

— Я не слышал, — насторожился Ружин. — Когда? Кто занимался?

— Весной. Никто не занимался. Директор. Разобрались. Милиционер был доволен.

— Я поинтересуюсь.

— Поинтересуйся, — согласился Феленко. — Такие, как Колесов, развращают, настраивают детей на анархию, на безответственность, на зло. Посади его, Ружин.

— Он сирота?

— Сирота.

— Богатые родственники?

— Да.

— Кто?

— Разное говорят.

— Хорошо. Все?

— А как прояснится хоть что-нибудь с Колесовым, я буду валить директора. Продажная тварь. Хватит. Пора действовать. Начнем с малого...

Кто-то окликнул Ружина, он оглянулся, тяжелый, длиннорукий парень, в просторных голубых штанах, в теннисной майке от Фреда Перри, черные волосы, влажные, зачесаны, блестят, на руках перстни, один, два, три... С ним девица, тонкая, на шпильках. Ружин встал, пожал протянутую руку, дал потрепать себя по шее, по плечу.

— Рад тебя видеть, — улыбнулся.

— Позвоню, — сказал малый. — Дело есть. Не прогадаешь.

Феленко внимательно посмотрел на Ружина, проговорил тихо, себе:

— А потом и до тебя доберемся... Двuruшник! Сытый двuruшник!

— Доедай, — садясь, Ружин все еще улыбался. — Пора.

* * *

...Темный двор, глухой. Колодец. Один только въезд, через арку. В конце арки, на улице, все кажется белым от солнца, люди, деревья, дома и «Волга», что въезжала во двор. Въехала. Нет, совсем не белая, черная, строгая. Мягко остановилась возле сине-желтого милицейского рафика. Настороженно подошли дети, заглянули внутрь, без детского любопытства, внимательно, с ожиданием. Тихие дети, опрятные, не похожие на привычных — горластых, шептунных, южных. Открылась задняя дверца, кряхтя, вылез Рудаков, оправил пиджак, брюки, только сейчас заметил детей, улыбнулся было добро, но потом улыбку убрал, некоторое время они разглядывали друг друга. Потом Рудаков пожал плечами и зашагал к подъезду. Дети бесшумно разошлись кто куда, исчезли. Шофер открыл окно, крикнул вполголоса:

— Эй!

На третьем этаже дверь в одну из квартир была открыта. Рудаков вошел. По комнатам сновали люди. Увидев Рудакова, вытянулись, поздоровались. Рудаков махнул рукой. Криминалист, перезарядив фотоаппарат, невесело усмехнулся:

— Старика кондратий хватит, как узнает: иконы, пятнадцатый век, посуда, раритеты...

— Еще не сообщили? — спросил Рудаков.

— Найти не можем. Где-то бегает.

Рудаков прошел в комнату. На кровати вытянулась маленькая женщина лет шестидесяти пяти, халат задрался, ноги худые, бледные, в выпуклых синих жилах, большие, не по размеру, тапочки. Рядом на полу, на корточках Ружин. Поднял голову, встать не стал, сказал:

— Только-только пришла в себя. Сейчас разберемся.

На голых руках женщины кровавые полосы. Ружин поймал взгляд Рудакова, объяснил:

— Связывали, проводом. Сначала кулаком в переносицу, потом проводом. Соседка увидела дверь открытой, сообщила.

— Я в курсе, — Рудаков огляделся, взял стул, сел рядом.

Женщина открыла глаза, поморгала.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Ружин.

— Голова болит, руки... — с тихой тоской проговорила женщина. — Все болит, — приподнялась на локтях с трудом, кривясь, спросила с тревогой: — Где Максим?

Ружин взглянул на Рудакова, потом перевел взгляд на женщину:

— Он давно ушел?

— Вспомнила, — женщина с облегчением легла на подушки. — Он у Дазоева, тоже коллекционера, антиквара, да, да, скоро придет, бедный.

— Расскажите все подробно, сначала, — попросил Ружин.

— Позвонили в дверь, я открыла, двое, ударили в лицо. Я потеряла сознание. Пришла в себя, связана, слышу шум, голоса, во рту тряпка. Открывать глаза не стала. Страшно. Перед уходом опять ударили.

— Узнаете их?

— Наверное, да...

— Что они говорили?

— Что брат, что не брат...

— Что еще?

— Не помню.

— Вспоминайте, вспоминайте, что еще?

— Не помню...

— Надо, надо, надо... Как называли друг друга? Акцент? Названия улиц, городов? Цифры какие-нибудь?

— Не помню, не помню, — женщина сдавила виски, сморщилась, замотала головой.

Рудаков остановил Ружина, придержал за руку, заметил категорично:

— Хватит.

Ружин встал, развел руками.

— Один говорил про рейс на Тбилиси, дневной, — вдруг спокойно заговорила женщина. — Мол, к шести буду дома и ищи ветра в поле.

— Приметы. — Ружин стремительно нагнулся. — Приметы!

...Возле здания аэропорта — не большого и не маленького, стекло, бетон, обычного — на стоянке такси бранились пассажиры. Две толстые женщины пытались влезть в машину впереди двух обалдевших от жары, крепких низкорослых мужичков, — провинциалы, в растопыренных глазах растерянность, в руках по чемодану, озираются ошалело, но стоят насмерть, закрывают машину грудью. Бабы побросали сумки и в драку, за волосы мужичков. Лахов стоял неподалеку, наблюдал сначала с ухмылкой, потом нахмурился, хотел ринуться разнимать, но вовремя опомнился, огляделся, не заметил ли кто его порыва. Послышался милицейский свисток, сквозь толпу пробирался сержант. Лахов опять ухмыльнулся, покачал головой, не спеша побрел к зданию. Вошел, заметил в буфете у столика Ружина и Рудакова, кивнул им едва заметно, пошел к газетному киоску.

— Как Колесов? — спросил Рудаков, отпивая кофе.

— Расколется, — Ружин внимательно просматривал зал ожидания.

— Сирота, — скорбно заметил Рудаков. — Болел в детстве. С десяти лет в школу пошел.

Судьба нелегкая.

— Откуда информация?

— Я оперативник или нет? — Рудаков отечески заулыбался, мол, учись. Добавил

просто: — Отпустить его будем.

Ружин забыл о зале, оторопело глянул на Рудакова.

— Да, да, — сказал Рудаков. — При нем ничего не нашли. Ну, покурил травку, случайно. Верно? А что касается других, то за них он не в ответе.

Ружин отрицательно мотнул головой:

— Я же на квартиру не просто так пошел, было сообщение, один наркоман рассказал, что на Юбилейной улице...

— Знаю, — перебил его Рудаков. — Ну и что? — улыбнулся.

— Нет, — сказал Ружин, — не пойдет. Он мне нужен. Он много знает. Это моя работа.

— И моя работа, — Рудаков положил ладонь на руку Ружина. — И моя. Ничего противоправного делать не надо. На нем же нет ничего. Хлопочут очень хорошие люди. Сережа, в первый раз, что ли? Зачем нам ссориться?

— Пока не расколется, не отдам его, — жестко повторил Ружин, покрутил головой медленно, весомо.

— Тогда я отстраню тебя. — Рудаков сделался некрасивым, заморщился. — Прикажу.

— Не отстраните, — Ружин посмотрел в глаза Рудакову, засмеялся беззаботно. — Мы слишком много знаем друг о друге.

Лахов у киоска уронил журнал. Ружин пробежал глазами по залу, толкнул Рудакова, показал кивком. Сутулый, коротконогий кавказец, усатый, насупленный, с чемоданом и сумкой, подходил к регистрационной стойке, в метре сзади шел губастый парень в «варенках», в цветастой майке, глазел по сторонам, посмеивался...

— Тряхну стариной, — сказал Рудаков. Лицо у него было злое, отяжелевшее, темное.

Усатого взяли быстро и четко и почти незаметно для пассажиров. Ружин и Лахов подошли с боков, когда он ставил чемодан на весы, с хрустом завели руки за спину, Ружин прижал ему горло сильными пальцами, чтоб не верещал. А вот губастый вырвался у Горохова и Рудакова, кинулся к выходу, поскользнулся, упал, когда поднялся, понял, что не уйти, принял оборонительную стойку. Рудаков жестом остановил Горохова, пошел к губастому сам, выпрямься, с усмешечкой, руки в карманах.

— Это судьба, сынок, — сказал ласково.

Губастый тряхнул руками, сплюнул, дернув лицом, уселся прямо на пол. Идти отказался. До комнаты милиции его несли на руках.

— Здорово, — сказал Ружин Рудакову, когда они поравнялись. — Я волновался.

В комнате милиции вещи обыскали. Нашли краденые иконы, посуду. Все нашли. А за подкладкой одного из чемоданов обнаружили еще и белый порошок, наркотики.

— Грабеж перекроет по сроку статью о наркоте, — сказал Ружин губастому. — Признавай не признавай, ну а ежели поможешь следствию, скостишь отсидку. Думай.

— Что надо? — сказал губастый.

— Откуда порошок? — Ружин надорвал один пакетик, попробовал на язык, сплюнул.

Губастый почесал щеку, розовую, нежную, волосы не растут, наконец сказал тихо, покосившись на кавказца, тот сидел далеко, повизгивал, отнекивался, занят собой был:

— Улица Юбилейная, пятый дом, квартиру не помню, могу показать. Зовут Леша, молодой такой, красивый, высокий...

Ружин повернулся к Рудакову, тот безразлично ковырял в зубах спичкой.

— А? Что? — сказал, сделав вид, что в глубоких раздумьях обретался и вот только сейчас с трудом вернулся к реальности.

— Порошок-то фирменный, — сказал Ружин и протянул Рудакову пакетик.

— Ну, хорошо, разбирайтесь, разбирайтесь, — протянутый пакетик Рудаков не взял, посмотрел на часы, добавил: — Я в управление. Доложишь.

Уже сумерки. Город в ожидании веселого вечера, а может быть, и ночи, курортникам на работу не вставать, можно ложиться под утро. Веселые пестрые блики бежали по капоту ружинской машины. Гирлянды разноцветных лампочек висели прямо на деревьях, тянулись меж фонарных столбов. Сюрприз этого сезона, знатоки рассказывают, что не хуже, чем в Ницце... Две пестрые симпатичные девчонки голосовали на самой середине шоссе, радостные, пьяноватые. Ружин не спеша объехал их, показал язык, девчонки захохотали, погрозили кулачками. Увидев указатель «Гостиница «Солнечная», свернул направо. Гостиница была видна еще с шоссе, огромный, светящийся изнутри корабль, носом упирается в море, еще немного — и покатится со стапелей. Ружин подрулил к стоянке, махнул дежурному с повязкой, тот указал, где встать.

Швейцар улыбнулся добро, еще из-за стеклянных дверей, продолжая улыбаться, с почтением пожал протянутую руку, когда Ружин вошел.

В холле тонко пахнет духами, зарубежными сигаретами и кофе — д о р о г и м пахнет. Много женщин и мужчин, снуют, сидят, что-то пьют, болтают, не различишь, где наши, где ихние...

Но вот несколько девиц как бы невзначай отвернулись, увидев Ружина, какой-то мальч, весь «вареный», жеманный, оторвался от небольшой пестрой группки, спешно засеменял к лестнице. Ружин усмехнулся: не надо меня бояться, у меня сегодня своих забот хватает. На лифте доехал до третьего этажа, прошел в конец коридора, очутился в квадратной комнате с креслами, диванами, низким столиком. Навстречу поднялась женщина с ухоженным лицом, улыбнулась:

— Проходите, — открыла тяжелую дубовую дверь. И здесь, диваны, кресла, ковер, ворсистый, мягкий, просторно, у огромного окна изящный тонконогий стол, не наш, не советский, чересчур игривый, не деловой. За столом мужчина лет сорока, лицо узкое, загорелое, короткая стрижка, с боков седина, светлый костюм, черный галстук — Кадаев, директор гостиницы. Он встал, застегнул пиджак, улыбнулся приветливо, протянул руку:

— Здравствуйте, Сережа, рад, что не отказали, пришли. Я соскучился. Суетишься, суетишься, а поболтать по душам и не с кем. Вы как спасение.

— Спасибо, — сказал Ружин.

— Садитесь. Кофе? Коньяк? Водка?

Ружин покрутил головой.

— Вы чем-то расстроены?

Ружин пожал плечами, сказал неопределенно:

— Работа.

Кадаев подошел к стене, открыл бар, вынул початую бутылку чего-то дорогого, налил в крохотную рюмку и повернулся к Ружину:

— Я вот по утрам просыпаюсь, и страх охватывает, знаете, прямо пальцы стынют, умирать скоро, а собой и не жил, понимаете? Собой, нутром своим, душой своей, чтобы почувствовать, что живешь именно в данную минуту, в это мгновение и что жизнь — самое замечательное, что может быть. Понимаете меня?

Ружин усмехнулся, закурил, не спросясь, затянулся, продекламировал:

— Я хочу быть кумиром вселенной, я хочу ничего не хотеть... Подавите желания и ощутите жизнь. Способ один, других нет.

Кадаев сделал глоток:

— Чересчур за многое и за многих я в ответе — жена, дети, родственники, друзья, постояльцы в конце концов. Допустим, я начну жить по большому счету, а что будет с ними? Кстати, о друзьях...

Ружин опять усмехнулся:

— Легкая интеллектуальная разминка, а теперь о деле, верно? Так учил Дейл Карнеги. Я правильно произношу?

Кадаев засмеялся:

— Я вас люблю, Сережа. Вы все понимаете. — Он присел на краешек стола, запросто по-свойски, улыбку убрал, заговорил доверительно: — Да, о деле. Вот какая штука. Вы на днях задержали одного мальчишку, дурак-несмышленьш.

— Колесов?

— Да. Он сирота. Тяжелое детство. Я принимаю в нем кое-какое участие. Он родственник одного моего близкого друга.

— Кого?

— Ах, Сережа, разве это имеет значение... — грустно улыбнулся Кадаев.

— Втемную не играю, — Ружин затушил сигарету, встал.

— Сыщик есть сыщик, — скорбно вздохнул Кадаев. — Брат жены Лавинского.

— Директора «Югвино»?

— Замечательный человек. Жена — красавица, молодая. Вы меня понимаете? — Кадаев положил Ружину руку на плечо, добавил, понизив голос: — Квартира, на которой вы задержали мальчишку, ее. Как не хотелось бы, Сережа, чтобы квартира фигурировала в документах.

Ружин покрутил головой медленно, шея напряглась.

— Вы же однажды помогли нам... мне, — вежливо настаивал Кадаев. — Заткнули глотку этой дуре, которая болтала, что я получал доход с проституток, что именно я-то и продаю их фирмачам... Забыли?

— Ну, во-первых, вы мне симпатичны, — вновь садиться Ружин не стал, стоял, глядя в окно, неожиданно безразличный. — Во-вторых, я не моралист и не считаю проституцию большим злом. Но здесь наркотики, а это я считаю злом.

Кадаев усмехнулся:

— Дело, наверное, не только в симпатиях и убеждениях. — Он сделал еще глоток. — Были причины и другого характера, верно?

— Нет, — весело возразил Ружин. — Неверно. Я принял от вас японскую видеоустановку, тоже исходя из своих убеждений. Сыскная работа незаслуженно мало оплачивается в отличие от других видов человеческой деятельности. — Он поклонился в сторону Кадаева. — Надо соблюдать пропорцию.

Кадаев печально покачал головой, встал, поставил рюмку в бар, сказал сухо:

— Мы можем обойтись и без вас. Это просто. Но я знаю, что вы ползете в драку и на каком-то этапе успешно, вас ценят, у вас имя. Значит, война. А это создаст неудобство, я не люблю неудобства, я люблю комфорт. — Он, сузив глаза, оценивающе посмотрел на Ружина. — У меня есть прелестный домик в двадцати километрах отсюда, маленький, правда, но каменный, вокруг ни души. Предоставляю кредит.

Ружин не ответил, опять взглянул в окно, оно выходило на хоздвор гостиницы, увидел подъехавшую машину, человека, вылезавшего из нее, засмеялся неожиданно, повернулся к Кадаеву, сказал:

— Я хочу ничего не хотеть...

Развел руками и торопливо вышел. Направился не к лифтам, а к черной лестнице, спешил. Внизу в дверях столкнулся с Рудаковым. Тот от изумления застыл.

— А ведь я поверил поначалу, что у вас есть сын, — сказал Ружин, — что он был наркоманом, что слезы вы лили, что маялись. Потом проверил. Нет, все же только дочь, одна дочь, благовоспитанная, музыкант, в вашей чистой биографии. А жаль, что не было сына, жаль, что слезы не лили, не маялись...

Не ожидая ответа, вышел. В машине лег грудью на руль, проговорил тоскливо:

— Зачем? Зачем, а?

...Ружин и Колесов вышли во двор управления, встали у машины Ружина. Колесов шурился — два прожектора ярко освещали двор, у гаражей два милиционера возились с мотоциклом, беззлобно ругались, подвывала овчарка в вольере, протяжно, тоскливо. Колесов поежился, сделал несколько энергичных движений, разминаясь. В дверях показались Лахов и Горохов. Горохов остановился, посмотрел на горящее окно на третьем этаже, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Сто третий, сто третий, как слышишь меня? Прием.

На груди у него, под курткой, глухо зашуршала рация, пробился низкий голос:

— Слышу нормально. Порядок.

Из окна высунулся мужчина в белой рубашке, крикнул:

— Будь спокоен, не подведет!

— Я тебе уже не верю, — пробормотал Горохов. — Самоделкин...

Подойдя к машине, добавил, обращаясь к Ружину, обиженно, жалуясь:

— На прошлой неделе это старье принимало «Маяк» вместо базы.

— Разберемся, — пообещал Ружин, посмотрел на часы. — Все. Время.

Прежде чем сесть в машину, Колесов сказал:

— Еще одно условие...

— Условие? — удивился Ружин.

— Ну... просьба, — Колесов дернул щекой. — Мне надо выпить. Ломает...

Ружин вздохнул, произнес искренне:

— Несчастный мальчик. Посмотрим. — Он подтолкнул Колесова к дверце.

В машине Колесов уточнил еще раз:

— Сначала в «Кипарис». Он там бывает чаще всего.

— Ох, шеф, глухой номер, — посетовал Горохов. — Он давно уже где-нибудь... тю-тю, в Барнауле водку пьет.

— Нет, — возразил Колесов. — Он здесь. Он ничего не боится. Он говорил, что его никто никогда не тронет, именно здесь не тронет.

Ружин промолчал. Он смотрел на дорогу. Лицо его было злым, несколько раз вздернулась верхняя губа — нервно.

— И к тому же парень не знает ни его фамилии, только имя, да и то туфтовое наверняка — Альберт, ни телефона, ни адреса, — поддержал Колесова Лахов. — Тот сам его находил. Верно? — Он повернул голову к Колесову. Тот кивнул, облизнул сухие губы, потер глаза,

слезились.

В «Кипарисе» обычный галдеж, сутолока, пестрота. Зал полутемный в красно-фиолетовых тонах, музыка негромкая, официанты быстрые, много иностранцев. Посидели за угловым столиком минут двадцать, пили кофе, пепси-колу. Колесов умоляюще смотрел на Ружина:

— Ну дайте хоть соточку...

— Потом, — коротко ответил Ружин, посмотрел на часы. — К полуночи опять сюда заедем.

Другой ресторан — «Морской», цвета соответствующие, зал бирюзово-голубой, пастельный, глаза отдыхают. На сцене варьете, девушки в тельняшках и черных клешеных юбочках, ноги длинные, стройные, Лахов залюбовался, не заметил, как остальные поднялись в кабинет директора, спохватился, помчался по ступеням. В кабинете окно в зал. Зал виден весь. Директор суетился, предлагал кофе, коньяк, заглядывал в глаза. Колесов сглатывал слюну.

— Потом, — опять сказал Ружин, и они двинулись дальше.

На окраине города, на взгорке среди деревьев грузинский ресторан под открытым небом «Мцхета». Один зал под навесом, деревянные дощатые столы, грубо сколоченные стулья, стилизация; несколько круглых столиков с пеньками вместо стульев прямо среди деревьев. Столики скрыты друг от друга густыми кустами, это затрудняет задачу. Машину поставили на стоянке, с трудом нашли место. Возбужденные голоса, грустная грузинская мелодия, музыканты играют прямо на улице, между крытой площадкой и открытыми столиками в полумраке тенями снуют официанты, посетители, вокруг ламп слоится тонкий дымок от мангалов, сигарет... Ружин и Колесов прошли вдоль площадки, потом обратно. Колесов крутил головой по сторонам. Ружин махнул рукой стоявшим поодаль Лахову и Горохову, показывая, что они с Колесовым идут к открытым столикам... За одним громкая компания перебивает друг друга тостами, за другим две пары озираются с любопытством, за третьим две яркие раскрашенные девицы, три крепких парня. Парни вскинули глаза, посмотрели трезво, хотя сидят, видно, давно, пьют, напитков на столе в избытке. Колесов поспешно зашагал назад. Ружин догнал его, дернул за руку:

— В чем дело?

Колесов помял кадык, сглотнул:

— Там... один из его горилл, самбист, Петя, Петруччо. Он узнал меня, мне кажется...

— Какой? — Ружин спрашивал быстро, отрывисто.

— Белобрысый, в полосатом свитере.

— Та-а-ак, — протянул Ружин, спросил с надеждой: — А может, не узнал?

Колесов пожал плечами:

— Обычно он передавал мне порошок. Как не узнать...

— Пошли, — Ружин потянул его за собой.

Подойдя к оперативникам, сообщил:

— Там один из его людей, белобрысый, в полосатом свитере. Будем пасти.

Ружин подтолкнул Колесова к Лахову:

— Отведи его в машину и побудь с ним.

— Но... — возмутился Лахов.

— Давай, давай, — махнул рукой Ружин. Он был возбужден: начиналось дело.

Расстроенный Лахов, взяв Колесова под локоть, повел вниз, к стоянке. Ружин и Горохов не спеша, прогулочо, с флегматичными физиономиями двинулись к открытым столикам. Музыка кончилась, оборвалась разом, только еще какие-то мгновения ныла флейта, едва слышно, тоскливо, через мгновение ее заглушил ресторанный шум, неровный и веселый.

— Мы очень строгие, — сказал Горохов. — От нас дамы шарахаются. Они таких не любят, давай улыбаться.

Он обаятельно, белозубо заулыбался. Высокая девушка в белом узком платье, идя навстречу, засмеялась ответно, прошла мимо, оглянулась несколько раз. Ружин расправил плечи, пошарил ищуще глазами по сторонам. Зацепил взглядом группку из трех смеющихся мужчин. Те покосились, смех оборвали, вытянули лица мрачно. Через несколько шагов оперативники попали в круг света, растянули губы еще шире. Несколько танцующих неподалеку пар остановились, настороженно уставились на них. Продолжая улыбаться, Ружин процедил Горохову:

— Ты идиот.

Шагнул в темноту, сплюнул, вытащил сигарету.

— Шеф, я хотел как лучше, — Горохов невинно растопырил глаза. — Чтоб мы не отличались от них...

Опять послышался звук флейты. Ружин осмотрелся, музыкантов не было.

— Ты слышал? — спросил он.

— Что? — не понял Горохов.

— Будто музыка... Показалось... — Ружин затаился, потел висок.

— Показалось, — повторил Горохов.

За кустами кто-то громко выругался, истерично вскрикнула женщина, мужчина опять выругался, заорал, что он кого-то убьет, послышался звук удара, возня, опять женский вскрик.

Ружин кинулся на звук, за ним Горохов. Около столика, где недавно сидел Петруччо, дрались. Двое парней, сцепившись, катались по земле. Одна из девиц, вопя, пыталась их расцепить. Петруччо нигде не было. Что-то неестественное было в этой драке, через секунду Ружин понял — парни даже и не пытаются встать, словно им чрезвычайно нравится вот так обнявшись кататься по траве.

— Туфта, — бросил он Горохову и прямо через кусты ринулся к выходу.

Полосатый пуловер Петруччо они увидели сразу, как только выбрались за заборчик ресторана. Он, согнувшись, энергично размахивая руками, неся к стоянке автомашин. Ружин и Горохов побежали вслед. Гравий горстями летел из-под подошв. Их крепкие тренированные ноги оказались быстрее, Петруччо еще возился с ключами возле дверцы, а оперативники уже влетели на территорию стоянки. Ружин на ходу вынул пистолет.

— Стоять! Не шевелиться! — крикнул он хрипло.

Петруччо метнулся за машину, и через мгновение раздался выстрел. Оперативники повалились на асфальт. Еще выстрел, пуля шваркнула перед лицом Ружина. Он перекатился на несколько метров, укрылся за колесом «Волги», крикнул громко:

— Брось, Петруччо, бесполезно! У меня рация, уже перекрывают город...

В ответ опять выстрел.

— Ты дурак! — заорал Ружин.

Горохов возился с рацией, Ружин слышал, как он повторял:

— Сто третий, сто третий, как слышите меня?..

— Ну что? — нетерпеливо выкрикнул Ружин.

— «Голос Америки», — жалобно ответил Горохов.

— Что? — озлобился Ружин.

— Вместо базы она принимает «Голос Америки», — Горохов нервно хихикнул.

Ружин ударил кулаком по асфальту и притворно заплакал, постанывая.

— Завтра, рано-рано утром, — сказал он, — напишу рапорт. Министру. Он будет слезный и горестный, он будет правдивый и поэтому нелицеприятный, он вызовет раздражение и злобу, но я все равно напишу.

— Правильно, — отозвался Горохов. — Наддай жару. Никто работать не хочет.

— И про тебя напишу, — заявил Ружин. — Я многое знаю. А потом переведусь в участковые, в дальний район, там море, добрые люди, виноград, курочки-хохлаточки...

— Про меня не надо, шеф, — попросил Горохов. — Я еще молодой... Перспективный...

— Курочки-хохлаточки... — мечтательно проговорил Ружин.

— А он не рванет с той стороны? — встревожился Горохов.

— Там обрыв, — печально пояснил Ружин. — Пусть рванет и рвет себе, и рвет...

Ружин услышал топот, подтянулся на руках, выглянул из-за колеса — вдоль ряда машин бежал Лахов, в руке он держал пистолет.

— Ложись! — гаркнул Ружин, и в то же мгновение грохнул выстрел. Лахов рухнул с криканьем, неуклюже, гулко ударился о бампер «Волги», завыл — значит, живой. Он сделал движение — и опять выстрел, Лахов застыл, почти умер.

— Где Колесов?! — рявкнул Ружин.

— В машине, — Лахов перевел дыхание, сплюнул. — Куда он денется?

— С кем я работаю... — простонал Ружин.

— Не стреляй, не стреляй! — закричал кто-то с той стороны, откуда появился Лахов. Голос звучал тонко, чрезвычайно напряженно и оттого, казалось, сдавленно. — Они не сделают тебе ничего плохого! Только поговорят... Не стреляй!

Но Петруччо все-таки выстрелил. Колесов закрутился волчком на месте, упал ломанно, по частям, медленно, как в рапиде, покатился по пыльному асфальту...

Какое-то время Ружин наблюдал за ним без выражения, как за курочками-хохлаточками, снующими в загоне, потом привстал, бросил Горохову отрывисто, зло:

— Прижми его выстрелами, чтоб не смел высунуться, гад!

За багажником «Волги» он перескочил металлический заборчик, мимоходом оглядел толпу на взгорке, у ресторана, музыка уже не играла, никто не шумел, было тихо... Бегом обогнул стоянку и очутился у обрыва, вдоль которого расположился длинный ряд машин. За одной из них прятался Петруччо. Ружин прошел вдоль автомобилей еще несколько метров, бесшумно, крадучись. И, когда до Петруччо осталось метров двадцать, свистнул, — Горохов принялся беспорядочно стрелять, — потом вскочил на капот одной из машин, едва не поскользнувшись, перепрыгнул на крышу и, стремительно перескакивая с крыши на крышу, помчался к Петруччо. Он обвалился на него всем телом, ухнув, прижал к земле, перехватил руку с пистолетом, расслабленную от неожиданности, саданул ее два раза о металл машины, пистолет выпал. Ружин привстал, вынул оружие, стволом надавил Петруччо на испуганный, помутневший глаз, заорал яростно, визгливо, имитируя истерику:

— Альберт, где Альберт?! Адрес? Адрес?.. Глаз вышибу!..

Петруччо что-то прохрюкал, от ужаса почти теряя сознание, захлебываясь слюной, потом все-таки выговорил трудно различимой скороговоркой:

— Ракитная шесть, квартира восемь...

Ружин встал. Горохов надел на Петруччо наручники. Подошел Лахов, а за ним и Колесов. Ружин с радостным удивлением вскинул брови.

— В руку, — сказал Лахов мрачно. — Кость не задета.

— Хорошо, — сказал Ружин, повернулся к Горохову: — Беги, вызывай группу, дождемся их и на Ракитную...

Рудаков сидел выпрямившись, словно школьник на первом уроке. Руки на столе, напряженные, жесткие, как деревянные, пальцы давят плексиглас, веки тяжелые, смотрит поверх голов, не моргает, сдерживаясь. Напротив него на стульях Ружин, Горохов, Лахов. Ружин устроился свободно, как за праздничным столом, уверенный, бесстрастно смотрел в окно. Горохов и Лахов нервничали — то кисти помнут, то поерзают, скрипя стульями.

— Будем назначать служебное расследование, — наконец заговорил Рудаков. — Ситуация безобразная. От кого, от кого, а от Ружина не ожидал. Опытный, грамотный, и такое дилетантство. Начальник управления в бешенстве. Звонки сыпятся со всех сторон. — Он помолчал, сжал пальцы, затекшие, разминая. — Значит, так. Первое. Неквалифицированно проведенное задержание, стрельба в общественном месте, то есть угроза жизни третьим лицам. Второе — преступная халатность, ранение задержанного. Ко всему прочему, задержанного вывозили без согласования с руководством...

Горохов и Лахов, плохо скрывая удивление, посмотрели на Ружина. Тот пошевелил бровями шутовски, усмехнулся.

— Да, да, — продолжал Рудаков, — без согласования... Третье — незаконное задержание и арест Гарабова Альберта Александровича на Ракитной. Заподозрить Гарабова в сбыте наркотиков, — Рудаков развел руками, покрутил головой, удивляясь, — нелепость. Подняли пожилого человека с постели, растревожили весь дом, уважаемый человек, заслуженный юрист, юрисконсульт межколхозной заготконторы...

— Две машины, «Мерседес» и «Волга», — в том же тоне неожиданно подал голос Ружин, — дача с подземным гаражом, пять сберкнижек на предъявителя.

— Молчать! — побагровев, крикнул Рудаков, хлопнул ладонью по столу, отдышался, вытер пот со лба белым чистым платком, аккуратно сложил его, разгладил ладонями, любуясь, чуть склонив голову, слабо улыбнулся чему-то, посмотрелся в круглое зеркальце на подставке, которое стояло на столе возле лампы, поправил волосы, повернулся влево, вправо, остался доволен, ясно взглянул на сотрудников, опять заговорил: — Петруччо, он же, судя по дактилоскопии, Боркин Алексей Васильевич, живший по подложным документам и разыскиваемый за квартирные разбои в Нальчике и Таллине...

— Поэтому и стал палить, как бешеный, — тихо заметил Лахов.

— Поэтому, — согласился Рудаков. — И еще потому, что вы вели себя как первогодки... Так вот, Боркин отказался от показаний на допросе у следователя...

Ружин подался вперед, сдвинул брови, следя за движением губ Рудакова.

— ...Он пояснил, что назвал первый попавшийся адрес, потому что думал, что Ружин убьет его.

— Чушь! — вскинулся Ружин. — Гарабова опознал Колесов.

— В шоке, — улыбнулся Рудаков. — В состоянии нервного расстройства... Без понятий,

приватно.

Ружин откинулся на спинку стула.

— Вот так, значит, — сказал. — Я понял... Я все понял.

— Давно пора, — отозвался Рудаков. — Но, естественно, версию о причастности Гарабова мы тщательно проверим, у нас есть два дня... Ну а Колесова придется выпустить и извиниться. Вы не против? — не скрывая иронии, спросил он Ружина.

Ружин промолчал, дернул подбородком непроизвольно.

— Оформляйте, — приказал Рудаков. — И с сегодняшнего дня до окончания служебного расследования будете работать в организационно-аналитическом отделении. Все. Сейчас я буду сам допрашивать Гарабова.

Оперативники вышли молча, не глядя друг на друга. По коридору милиционер вел задержанного, руки сцеплены сзади, утренняя щетина, коленое полное лицо осунулось, потемнело, но в узких черных глазах ни тени подавленности, напротив — злая усмешка. На Гарабове дорогой светлый костюм, мягкие мокасины, держится с достоинством — ни дать ни взять пожилой ловелас, спешащий поутру домой... Проходя мимо оперативников, замедлил шаг, глянул в упор на Ружина, сказал негромко, без выражения:

— Я вас запомню.

Ружин неожиданно оскалился, сделал шаг к Гарабову, замахнулся пятерней, Горохов перехватил его руку, потянул на себя. Ружин вырвался, пошевелил в ярости губами, быстро пошел к выходу. А Гарабов, казалось, и не заметил ничего.

* * *

...Ружин свернул направо, в сторону моря. Фары высветили «кирпич», он был больших размеров, чем обычно, свежо фосфоресцирующий, по-видимому постоянно обновляемый, заботливо, любовно. Через несколько метров еще один знак, прямоугольный щит на двух крепких ногах, всего два слова, буквы крупные, стерильно белые: «Запретная зона». Не проехав и километра, Ружин нагнал «Волгу». Машина ехала солидно, не спеша, поблескивая полировкой кузова, заднее стекло затемнено.

Ружин сморщился: чересчур медленно, он такой езды не любит, но по асфальту не обгонишь, узко; мигнул фарами, пошел на обгон слева по траве, но тут и «Волга» прибавила скорость, без усилий, запросто. Ружин чертыхнулся, опять выехал на асфальт, «Волга» снова притормозила, Ружин сплюнул в открытое окно, пристроился в хвост, поплелся. Но вот наконец цель пути, забор вдалеке, освещенные ворота, два маленьких прожектора подсвечивают створки с земли, ворота выкрашены в белое, кажутся невесомыми, возле них двое мужчин в светлых костюмах, крепкие, высокие, с гаишенскими жезлами в руках. Перед «Волгой» ворота бесшумно открылись, машина проехала, перед Ружиным створки сошлись, пришлось резко тормозить. Ружин, сдерживаясь, крепко сжал руль, казалось, разломит его. Подошел один из мужчин, большеголовый, бесцветный, стукнул жезлом по крыше. Ружин высунулся в окно. Мужчина сказал:

— Вам сюда, — и указал жезлом в сторону от ворот.

Ружин повернулся, увидел импровизированную стоянку — несколько машин.

— Я приглашен, — сказал Ружин.

— Вам сюда, — повторил большеголовый.

— А мне надо туда, — с нажимом проговорил Ружин и махнул рукой вперед.

— Туда пешком, — бесстрастно произнес большеголовый. — А машину сюда.

Ружин неожиданно выбросил руку, ткнул кулаком большеголовому в живот, тот охнул, хватанул зубами воздух.

— Живой, — засмеялся Ружин. — А то уж я подумал — говорящее дерево.

Большеголовый замахнулся жезлом, но Ружин ловко вывернул машину направо и, смеясь, покотил к стоянке.

Когда он проходил через калитку, большеголовый даже не повернулся в его сторону.

Маленькими прожекторами освещался с земли и вход в большой, трехэтажный, по-ужному белый особняк. На плоской крыше мелькали тени, там же наверху играла музыка, громко, весело, оркестр. На широкой многоступенчатой лестнице, ведущей к распахнутым дверям, и возле лестницы, и дальше, под деревьями, густыми, раскидистыми, небольшими группками, и поодиночке, и парами стояли и расхаживали мужчины и женщины, одетые по-вечернему, ярко, у всех бокалы в руках, пьют. Ружина узнали, и он узнал кое-кого, кивал сдержанно, пока шел. Его окликнули. Он повернулся. К нему спешила молодая женщина, улыбающаяся, в огненно-красном коротком платье, узком, с полукруглым глубоким декольте. Стучали высокие каблочки, длинные глаза светились влажно. Остановилась, разглядела его со всех сторон.

— И не надеялась, — сказала. — Изумлена. По этому поводу я закажу фейерверк, искристый и пенистый как шампанское... Кстати, надо выпить. Какой повод... — Она посмотрела по сторонам, пошевелила в воздухе пальчиками. — Мы в течение года ежемесячно присылаем ему приглашения, а он брезгует. Своей бывшей любимой женой брезгует. — Она говорила чересчур быстро, возбужденно. Пьяна? — Как тебя угораздило на сей раз?

Ружин пожал плечами, слабо улыбнулся, сказал тихо и скорбно:

— Пришел звать тебя обратно домой. Хватит. Пора.

Марина засмеялась, чуть запрокинула голову, взбила с боков длинные белые волосы, протянула к нему руки.

— Ты прелесть. Как всегда, красив и остроумен.

Ружин отступил на шаг, проговорил еще более скорбно и печально:

— Пусто без тебя. Везде. И в спальне, и в кухне, и на улицах, и в машине, и солнце теперь другое, темное, и ночь холодная и враждебная... — Он склонил голову, уставился в землю, вздохнув.

Марина опустила руки, перестала улыбаться, провела языком по губам, всмотрелась в Ружина внимательней.

— Если ты серьезно, — сказала она, — то лучше уходи. Уходи сейчас. Прямо сейчас поворачивайся и уходи...

Ружин спрятал лицо в ладонях, дернул плечами, словно заплакал.

— К черту! — кричала Марина. — Убирайся к черту! Не порть мне жизнь хоть теперь! Я забыла о тебе и не хочу вспоминать!

Они были довольно далеко от людей. Но громкий, низкий ее голос слышали, гости стали тревожно поворачиваться к ним.

Ладони Ружина поползли вниз. Лицо открылось. Он смеялся, искренне и весело, как давно не смеялся. Какое-то время Марина смотрела на него, порывисто дыша, пытаясь

собраться с мыслями, потом процедила недобро:

— Подонок! Я тебя ненавижу! Ненавижу!

Она повернулась и, некрасиво ссутулившись, побрела к дому. Ружин, все еще смеясь, прислонился спиной к дереву. Затем выдохнул шумно. Вместе с воздухом вышел и смех. Весь. Без остатка. Он поднял правую руку, ударил себя кулаком в челюсть. Сильнее. Еще. Еще...

Потом закурил, сделал несколько глубоких, жадных затяжек, бросил сигарету и решительно направился к дому.

В доме празднично, светло, как днем, все двери настежь, в громадной прихожей бархатная мебель, низкая, стелющаяся, причудливые растения в кадках, на столиках разноцветные бутылки, маленькие, большие, совсем крохотные, везде гости, удовлетворенные улыбки, разговоры. В гостиной стол с закусками, длинный, без стульев, подходи, бери, что хочешь, ешь, где хочешь, фуршет, никаких ритуалов, свободно... В конце стола Ружин увидел Рудакова с толстенькой хохотушкой, пожилая, крашеная, молодится, жена. Рудаков провел взглядом по Ружину невидяще, повернулся к хохотушке, засмеялся деланно. Ружин хмыкнул, неторопливо приблизился к Рудакову, хлопнул его по плечу, сказал по-свойски, улыбчиво:

— Привет, — подмигнул хохотушке, у той смех завяз в горле, Рудаков стал наливать багровой тяжестью, а Ружин уже бодро шагал к лестнице, ведущей наверх...

На квадратной, просторной крыше веранда, солярий, азотея, по-разному ее можно назвать, импровизированная сцена, музыканты, одни гости танцуют, другие любуются вечерним морем, прохаживаются, вдыхая солоноватый воздух. Веранда обильно освещается, и лица у людей белые, неживые, с прозрачными глазами, с растянутыми в обязательной улыбке губами.

— Бог мой, какой сюрприз, — услышал Ружин голос, повернулся. К нему легким шагом шел высокий мужчина с чистым правильным лицом, крепкий, спортивный, лет сорока — сорока пяти, протянул руку. — Искренне рад. Жаль, что почти не видимся, а вы мне симпатичны, и я нисколько не ревную и не ревновал, уверяю вас. Все приглашения — это моя инициатива. Мариночка только одобряет и подписывается. Так что в нашем доме вы желанный гость. — Он по-приятельски взял Ружина под руку, повел к плетеному столику у углу веранды, заговорил вполголоса, доверительно: — Знаете, есть категория людей, их ничтожно мало, с которыми просто можно поговорить, просто так, о всякой глупости, ерунде, нелепице, и они поймут тебя, не рассмеются открыто или втайне, не разнесут по всему свету, что, мол, вот этот тип такую должность занимает, председатель исполкома, мэр, а какой-то странный — о любви, о добре, потаенных души порывах беседы ведет. Бредит? Вот вы как раз из той невероятно малой категории людей, мне так кажется. Приходите чаще, будем говорить.

Они подошли к столику. Копылов сам открыл бутылку с джином, плеснул Ружину, себе, торжественно поднял стакан:

— За вас!

— Спасибо, — ответил Ружин. Пока пил, с интересом разглядывал Копылова. Копылов поставил стакан на столик, сжал Ружину локоть, сказал тепло:

— Отдыхайте, развлекайтесь, в конце вечера я вас найду.

— Юрий Алексеевич, — задержал его Ружин, — я бы хотел посоветоваться, и именно сейчас. Уделите немного времени. Я вряд ли останусь до конца.

— Хорошо, — сказал Копылов. — Через несколько минут я буду в кабинете. Спускайтесь туда. Это из прихожей направо по коридору.

Копылов быстрой, ладной походкой направился к лестнице, улыбался налево-направо, строил веселые гримасы. На ступеньках он нечаянно столкнулся с какой-то дамой в белом коротком платье. Галантно расшаркался, шутейно поцеловал руку, весь изогнувшись, сладкий, медовый, пожал руку ее спутнику, строго, с достоинством, рассмеялся, побежал вниз. Дама с мужчиной поднялись. Это была Лера. Видимо, с мужем. Белобрысый, стройный малый, скованный, нечастый гость на фуршетах. У Лерки не разбалуешься. Интересно, под каким соусом она здесь. Лера оглянулась, проводила взглядом Копылова. Ружин усмехнулся, вспоминая...

Небольшое открытое кафе на набережной, несколько столиков, навес от солнца и от дождя, за прилавком на вертелах вертятся румяные куры, видны блестящие от пота, смуглые лица поваров. Вокруг шумно — гомонят отдыхающие, нетерпеливые, суетливые, горланят опалевшие от моря и солнца дети. Напротив Ружина сидит мужчина с блеклым, болезненным лицом, он в рубашке с короткими рукавами и совсем не к месту в галстук.

— У Копылова есть любовница, — тихо говорит он и откусывает кусок белого мяса. — Валерия Парвенюк, молодая, красивая, переводчица, муж инженер в порту, — мужчина усмеяется. — Не успел Копылов жениться на вашей бывшей супружнице и уже...

— Что еще?! — обрывает его Ружин. Лицо у него бесстрастное, жесткое.

Мужчина вытирает руки салфеткой, продолжает:

— Встречаются, как правило, на Морской, шестнадцать, я их сам там видел, выходили из подъезда, вот квартира какая, не знаю. Обычно в среду и пятницу, с четырех до шести... — он опять усмеяется. — Здоровый бычок, на двух молодых работает...

Ружин встал, бросил деньги на стол, обронил, уходя: — Понадобисься, позвоню...

Ружин сидит в машине, курит, внимательно поглядывает на подъезд четырехэтажного довоенного дома метрах в пятидесяти впереди от себя. Переулок тихий, тенистый. Кто-то высунулся в окно. Женщина, пышнотелая, в огромном халате, крикнула что-то, мальчишка, катающийся на велосипеде, посмотрел вверх, помахал рукой. Из подъезда выходят Копылов и Лера. Ружин напрягся, взгляделся пристальней. Копылов что-то говорит ей, будто оправдывается. Она не смотрит на него, губы плотно сжаты. Копылов машет рукой. Она одна идет по переулку. Копылов сворачивает в проход между домами. Машину, видимо, оставил на другой улице. Конспиратор.

Ружин трогается с места, сначала едет медленно, бесшумно, крадучись. Лера сворачивает в проулок, и тут Ружин не церемонится, давит на акселератор, двигатель радостно поет, и автомобиль летит по переулку. Ружин на полном ходу вписывается в проулок, настигает женщину и только в метре от нее тормозит, чуть вывернув руль в сторону. Машина двигается этот метр по инерции, шипя колесами, легко задевает крылом Леру и останавливается мертво. Опасные игры, но все рассчитано до миллиметра. От неожиданного толчка Лера вскрикивает, подается вперед, припадает на одно колено. Ружин стремительно выскакивает из кабины, склоняется над ней.

— Кретин, — цедит Лера, поднимаясь.

— Болван, — соглашается Ружин, подавая ей руку.

— Слепой, что ли? — Лера брезгливо отмахивается.

— Ослеп, — разводит руками Ружин и сокрушенно качает головой. — Право слово, ослеп. Такое нечасто увидишь, на фоне солнца, в контражуре, казалось, Венера плывет обнаженная... Легкая, точеная, будоражащая...

— Вы еще и наглец, — усмехается Лера и с невольным любопытством смотрит на Ружина. Он улыбается широко, открыто, ну, просто само обаяние.

— Нисколько, — говорит он. — Просто восторженный человек. Люблю все красивое...

— И дамский угодник, — добавляет Лера и тоже улыбается.

— Я хочу искупить свою вину за ваш испуг, — говорит он. — Позвольте вас подвезти...

Машина тормозит у порта. Ружин записывает телефон Леры, который она ему диктует, потом целует ей руку, она выходит, сообщает на прощанье:

— Завтра все утро я дома.

Ружин некоторое время смотрит ей вслед, улыбается, потом поворачивается назад, грозит кому-то кулаком, говорит удовлетворенно:

— Ты у меня, а я у тебя, конспиратор.

...Лера наткнулась взглядом на Ружина, нахмурилась на мгновение, лоб зашевелился, съежился, кивнула равнодушно, как малознакомому, чинно направилась с мужем к оркестру, мужчины оборачивались, слишком короткое платье...

Ружин спустился по лестнице, опять попал в гостиную. Рудакова и толстушки здесь уже не было, у стола горячо спорили несколько мужчин. Ружин узнал прокурора. Прокурор приветственно помахал ему рукой. Он свернул в коридор справа от прихожей. В коридоре полумрак, горело только бра. Несколько дверей, за какой из них кабинет? За ближайшей дверью раздался голос. Ружин невольно остановился.

— Он ублюдок! Ублюдок! Ты слышишь?! — это была Марина. — Вышвырни его отсюда! Слышишь?! — она заплакала. Ружин поморщился, заторопился сделать несколько шагов, заметил под следующей дверью полоску света, толкнул дверь. Кабинет. Пустой. Темная мебель, дорогая, массивная, книги, много книг. Он подошел к окну — там море, темное, тяжелое, густое...

— Как вам мой дом? — Копылов плотно закрыл за собой дверь, посмотрел на часы, остановился возле стола.

— С размахом, — сказал Ружин.

— Неужто осуждаете? — Копылов поднял брови. — Напрасно. Так надо. Представительствую. Один из самых популярных курортов страны. Делегации. Иностранцы гости. Надо показывать лучшие стороны. Кстати, вы знаете, что этот фуршет благотворительный. Да, да, не удивляйтесь. В ногу со временем. В конце вечера разыграем лотерею. Дорогую, но престижную. Стоимость билетов до пятисот рублей. Перестраиваемся. Время такое пришло.

— У богатых свои привычки, — усмехнулся Ружин.

— Зачем вы так? — поморщился Копылов. — Смотрите шире. Только невежественный обыватель думает, что жизнь у нас праздная и богатая. А мы представительствуем, представительствуем. Мы — лицо общества, самые достойные. На нас смотрят, равняются. А разве можно равняться на убогих, нищих?..

— Блестящая логика, — восхитился Ружин.

— Вы не согласны?

— Это долгий разговор.

— Ну хорошо, что у вас там? — неохотно сказал Копылов. Он взял со стола отточенный толстый карандаш, рассеянно оглядел его, положил на место, подавил зевок, вздохнув.

— Во время рейда по наркоманам мы задержали некоего Колесова...

— Я в курсе, — перебил его Копылов.

— Колесов указал нам на Гарабова как на распространителя наркотиков в городе... Я задержал его.

— Подняв стрельбу, — опять перебил Ружина Копылов, — и нарушив социалистическую законность...

— Я за это отвечу, я уже отстранен от оперативной работы... Речь не об этом. На каком основании отпустили Колесова и собираются отпустить Гарабова?

— Начальник управления докладывал мне, что задержание Гарабова досадная оплошность. Случайный наговор какого-то бандита.

— Но Колесов опознал...

— Колесов несмышленный мальчишка, напуганный камерой и допросами, он сам сознает, что ошибся... Но причастность Гарабова проверят, обещаю вам. Хотя человек он достойный, авторитетный... — Копылов подошел к Ружину, улыбочивый, мягкий, полуобнял его. — Ну а Колесова я знаю лично, глупый мальчишка, но добрый, милый. Неужели вы хотите испортить ему жизнь тюрьмой? Он только озлобится, превратится в настоящего рецидивиста... Я сам займусь его судьбой. Он ведь родственник моих друзей. Обещаю.

Ружин отступил на шаг, высвобождаясь из рук Копылова, поежился, как с холода вошел, зябко, неподдельно. Нервный был, злой, не мог сосредоточиться, не знал, чего хотел, чего ожидал. Все не так. Копылов смотрел на него весело, снисходительно. Ружин отвернулся, взгляд упал на застекленные полки, за стеклами книги, перед ними фотографии, большие, маленькие, какие-то люди на них, мужчины, женщины, дети. А вот Копылов в теннисных шортах, с ракеткой, держит под руку полного темноволосого мужчину. Знакомое лицо. Не может быть! Гарабов! Ружин чувствовал, что Копылов смотрит ему в затылок. Обернулся торопливо, вдруг страшно стало. Копылов стоял рядом, смотрел в упор. Потом он вдруг развернулся, быстро пошел к столу, открыл ящик, сунул в него руку, не отрывая глаз от Ружина, пошарил там. Ружин привычно напрягился, разминая кисти, пошевелил пальцами. Копылов наконец вынул руку. В ней были фотографии.

— У меня еще есть, — сказал он, усмехнувшись. — Не желаешь взглянуть? Вот мы с Гарабовым на пляже, вот на яхте... Мы знакомы, я полгорода знаю по работе, по делам...

А Ружин неожиданно для себя расслабился, рассмеялся, свободно тоже перешел на «ты», спросил:

— А фотографий голый Лерочки Парвенюк, которые ты делал на Морской, там не завалилось?

Копылов швырнул снимки на стол:

— Пронюхал-таки, сыскарь чертов! Дурак, кто тебе поверит? Развратная девка, алкоголичка, она что хочешь наболтать может. Напугал, ох, напугал... Тупица, этим меня не возьмешь, на мне знаешь какие люди завязаны, — Копылов говорил прерывисто, задыхаясь от негодования. — Кто ты такой, чтобы мне грозить?! Щенок, шантрапа, холоп! Раздавлю!..

Ружин слушал молча, не шевелясь, стылый, заледеневший, умереть впору. Плохо, все катится к черту, не за кого спрятаться, один. Сделал шаг к столу, неуверенный, второй крепче, на третьем силу обрел — не все потеряно, встал вплотную к столу, протянул руку. Копылов невольно отшатнулся, загородившись локтем. Ружин собрал снимки, аккуратно, в

стопочку, все так же молча; затем к шкафу подошел, и ту, где Копылов и Гарабов в шортиках, вынул, тоже к стопочке присоединил, сунул в карман, направился к двери, возле самого порога остановился, сказал тихо, себе:

— Зачем? — вынул снимки, бросил их на пол. Попорхав, рассыпались они беспорядочно, неряшливо — мусор; потянул дверь на себя, вышел.

Коридор. Прихожая. На него оборачивались, смотрели настороженно, враждебно: незнакомый, нездешний, другой, теперь это стало видно явно, и присматриваться особо не надо. Вышел на улицу, расслабил галстук, огляделся, заметил мелькнувшее белое платье среди деревьев, двинулся туда. Лера с каким-то рослым малым — не муж — пьют, смеются. Ружин подошел, взял ее за руку, сказал:

— Пойдем.

Малый оторопел, но смолчал, не шелохнулся, инстинктивно сообразил, что безопаснее не встречать. Лера дернула рукой, но вырваться не смогла, выплеснулось шампанское из бокала, подчинилась, пошла, посеменила за ним, спотыкаясь, бокал выпал, покатился по траве. Возле густых черных кустов Ружин остановился, раздвинул их, сказал:

— Не здесь, — потащил ее дальше.

— Больно, — проговорила Лера плачуще.

Вышли на пляж. Ружин заглянул в квадратную глухую кабинку, поморщился:

— Не здесь.

Через сотню метров отыскал подходящее место, мягкий рыхлый песок, еще теплый от дневного солнца, с трех сторон деревья, низкие, густые, снял пиджак, бросил перед собой, встал на колени, потянул женщину за собой, лег рядом, стал целовать, жадно, задыхаясь.

— Ты сильный, сладкий... — сдаваясь, бормотала Лера.

Он сидел за столом у себя в кабинете, что-то писал, необычно громко скрипела ручка, подходили сотрудники, что-то говорили, присаживались, улыбались, хлопали по плечу, показывали какие-то бумаги, а он не слышал ничего, кивал и писал, писал; одна страница, другая, третья и на всех строчках предложения из двух слов: «Я есть. Я есть. Я есть...»

Ружин вошел в гостиничный вестибюль. Здесь ничего не меняется, все так же заискивающе застывает в полупоклоне бесцветный швейцар, снуют вечно смеющиеся голосистые иностранцы, крутятся шустрые мальчики, строят из себя благовоспитанных сеньор размалеванные девочки...

Лифт поднял его на этаж. В коридоре полумрак, тишина, спокойствие, вдалеке глухо стрекочет машинка. В приемной навстречу поднялась миловидная секретарша в чем-то узком, блестящем, гибкая, как змейка, что-то хотела сказать упреждающее, но Ружин уже открыл дверь. Кадаев резко вскинул голову. Рядом с ним сидела светленькая девушка в белом халате и, высунув язычок, подпиливала ему ногти на руке, маникюрша.

— В чем дело? — сухо спросил он.

— Маленький домик на побережье, — сказал Ружин, разваливаясь в кресле свободно, без стеснений. — Уютный, комфортабельный, вокруг ни души, тишина. Это сейчас как раз то, что мне надо, устал.

— Вы это о чем? — лениво спросил Кадаев и скупно пошевелил пальцами, отсылая маникюршу.

— О кредите.

— Не понял... — лицо бесстрастное, сонное, проводил взглядом стянутую халатом девушку, глаза оживились.

— Я отпустил Колесова, — сообщил Ружин. — Как и договаривались. Уговор дороже денег.

— Его отпустил закон, — наставительно заметил Кадаев и, усмехнувшись, добавил: — И Рудаков...

— Но у меня есть человек, которому Колесов продавал...

— Он опознал мальчика? — перебил Кадаев.

— Нет. Но я знаю, что на него надавили, и я могу...

— Вот видите, — опять перебил его Кадаев и развел руками, улыбнулся учтиво, сочувственно: — Поздно. Я решил оставить домик себе. Чудное местечко. — Посмотрел на часы, охнул, объявил вежливо: — Время. Спешу.

— Машина уже не новая, барахлит, менять надо, — не унимался Ружин, протянул руку, вопрошая, ерничая.

Кадаев встал, застегнул пиджак, открыл кейс, принялся складывать бумаги.

— Квартирка тесная, жениться хочу, — Ружин обе руки протянул, как нищий на паперти к проходящему отцу святому. — Особнячок бы о два этажа, как у вас...

Кадаев надавил кнопку звонка к секретарше. Она вошла, ладная, мягкая.

— Проводите товарища, — попросил Кадаев. — Он запомнил, где выход.

Ружин легко поднялся, разочарованно покачал головой, почесал затылок.

— Вот так, за все хорошее, — сказал. — Вот она, монаршья благодарность. Вот так.

Шагнул к секретарше, улыбнулся обаятельно, неожиданно шлепнул ее по блестящему задку, громко шепнул ей, оторопелой:

— Позвоню, не переживай. — И, смеясь, направился к двери.

Коридор, как туннель черный, мрачный, сырой, никакого тепла, уюта, как раньше, машинка бьет звучно, жестко, тупо в голове отдаваясь. Ружин шел, рукой касаясь стены, разбитый, вдруг стал опасаться, что упадет невзначай. Скверно. Вышел в вестибюль. Здесь светло, шумно, улыбки. Осмотрелся. Все вымученным, фальшивым показалось. Но все-таки жизнь. Взбодрился. Среди хаоса звуков различил музыку, веселую, бесшабашную. Это в ресторане. Уходить расхотелось. За окнами мрачный, враждебный вечер, дома тоска. Зашагал к ресторану. Тепло. Привычные запахи. На лицах отдохновение, плевать, что пьяное, ненастоящее. В зале полумрак, серебристо-фиолетово поблескивают вертящиеся светильники под потолком. Подошел к стойке бара, взобрался на табурет. Бармен тут как тут. Молодой, холеный, руки белые.

— Отдыхаем? — спросил как родного.

— Ищу истину.

— А истина, как известно, в вине, — засмеялся бармен.

— В коньяке, — уточнил Ружин.

— Понял, — откликнулся бармен.

Ружин выпил, жестом показал повторить. Посвежело в груди. Все ерунда. Разберемся. Надо жить. Еще выпил. Совсем хорошо. Много интересных женщин в зале. Просто россыпь. Такое не часто бывает. Надо воспользоваться. Расправил плечи, нацепил насмешливую полуулыбочку, сразу почувствовал, заметили, поглядывают игриво, кошечки. Можно выбирать.

Зацепил взглядом одну. Хорошенькая. Носик короткий. Рот большой, пухлый, движения

нежные, естественные. В компании, но вроде как и одна, без кавалера. То что надо. Сейчас музыка заиграет, и надо идти. Он элегантно и проворно проберется между столиков, раскованный, спортивный, шагая, будет ловить ее взгляд, она непременно его заметит, как только начнет он свой путь, и будет поглядывать чуть настороженно, скрывая любопытство и зарождающийся интерес... Его опередили, кто-то полный, черноволосый, в белом костюме, с сытой самодовольной спиной, склонился над милой женщиной, толстые ручки протянул, перстни сверкнули призывно, она замялась, улыбнулась робко, но все-таки встала, воспитанная, да и без кавалера к тому же. Черноволосый выпрямился, повернулся боком, взяв женщину под локоток, и Ружин узнал его. Гарабов. Уже на воле. Уже водку пьет. Уже на молоденьких девочек потные глазенки растопыривает. Когда они его отпустили, интересно? Днем? Под вечер? Расторопные ребята... Гарабов привычно прижимал к себе женщину, терся о нее крепеньким своим кругляшом-животиком, поедал ее сладкими замутневшими глазками. Женщина улыбалась вымученно, откидывала то и дело голову назад, когда Гарабов особо назойливо тянулся к ее шее мокрыми губами. Может быть, все это было и не так. Может быть, Гарабов был сдержан, учтив и обаятелен и вальсировал легко и умело, как на занятиях в танцевальном классе, пристойно шутил и не делал гнусных предложений. Но Ружину виделось иначе, вот виделось, и все тут, а может, не просто виделось, а так оно и было на самом деле... Женщину он уже не замечал, не до нее, взгляд держался только на Гарабове, губы дергались нервно, и пальцы на руках ломило от холода. Почему так? Жарко же в зале. Музыка кончилась. Гарабов повел женщину к столику, все так же под локоток, говорил что-то, глядя ей в ухо, совал в руки какой-то маленький белый сверточек, она покрутила головой, не взяла, села наконец. Ружин слез с табурета, кинул деньги на стойку. Бармен откликнулся тут же:

— Нет, нет, за счет заведения. Как всегда.

— Я не против, — ответил Ружин и сгреб бумажки.

Он вышел в вестибюль и увидел, как за Гарабовым закрылась дверь туалета. Ружин двинулся следом. Возле умывальников сидел старик швейцар. Он подавал полотенце тем, кто умывал руки, на тех, кто не умывал, а их было большинство, шипел матерно, но тихо, под нос, нарывался уже пару раз на крепкие тычки врагов гигиены, теперь осторожничал, но сдержаться не мог. Он щербато заулыбался, завидев Ружина, тот кивнул, сдвинув брови для устрашения, приказал:

— Встань у двери. Никого не пускай. Скажи, вода прорвалась.

Сплюнул звучно, нетвердо прошел к кабинкам, прислушался, шагнул к крайней, рванул дверь на себя, она открылась, щеколда повисла на одном тощеньком гвоздике. Гарабов, стоя спиной, мочился, вздрогнул, втянул голову в плечи.

— Ты обещал запомнить меня, — скалясь, сказал Ружин. — Смотри. Я это или не я?..

Гарабов не поворачивался, застыл, волосок на голове не шевельнулся. Ружин ухватил его за воротник замечательного импортного пиджака, с силой потянул на себя, вытащил его, обмякшего, из кабинки, ширинка расстегнута, штаны меж ног намокли, жалкий. Гарабов заверещал высоко, срываясь:

— Меня отпустили. Ваш начальник. Сказал, все кончено. Что вам надо?!

— Ты зачем девушку мою трогал? — дружелюбно спросил Ружин.

— Какую девушку? Я ничего не знаю.

— С которой танцевал...

— Я не знал, что она ваша...

— Надо знать, — назидательно и строго произнес Ружин. — Надо было видеть... Подошел бы и спросил. А я бы не разрешил.

— Я не знал, я ничего не знал. Поверьте, — Гарабов приложил руки к груди.

— Надо знать, — с пьяноватым упорством повторил Ружин.

— Бред какой-то, — пробормотал Гарабов.

— Оскорбляешь? — осведомился Ружин.

— Что вы, что вы... — зачастил Гарабов. — Никогда.

— Что ты ей предлагал? — спросил Ружин.

— Ничего плохого. Встретиться... Но я же не знал.

— Наркоту предлагал? — грозно навис над ним Ружин.

— Бог с вами...

— И ее, милую, чистую, втянуть хотел, как и Колесова, как и мальчишек из интерната...

Дети ведь они ж... — Ружин сокрушенно потряс головой. — А ты им... Сволочь! Наркоту ей предлагал! Я знаю! — заорал он и оттолкнул Гарабова от себя. Тот сделал два неловких шага, споткнулся и, пытаясь удержаться, угодил рукой в заполненный мочой писсуар. Достал платок, морщась и отворачиваясь, вытер руку, платок кинул в угол.

— Я вам все расскажу, — успокоившись, проговорил он. — У меня уже все написано. Я покажу.

Он полез во внутренний карман пиджака и вынул маленький никелированный подарочный пистолет.

— А теперь руки на стену! — сказал он Ружину. — Ноги назад. Пьяный идиот!

Ружин тряхнул головой, задыхал часто, кровь кислородом наполняя, как некстати этот коньяк, стал поворачиваться медленно. Когда оказался боком к Гарабову, резко выкинул правую ногу, вышиб пистолет пяткой, той же пяткой ткнул Гарабова в грудь, тот шатнулся, упал на кафельный пол. Начал подниматься, но тут Ружин опять опрокинул его сильным ударом:

— За мальчишек! — сказал он.

Поднял Гарабова за плечи и опять в подбородок, коротко.

— А это, чтоб знал, — есть Закон!

Опять схватил его в охапку, а дальше... все произошедшее дальше вспоминается с трудом. Отпихнув швейцара, влетели в туалет молодые парни, двое, рубашки трещат на плечах, и умело, молча, только посапывая, повалили Ружина, пнули в живот, раз, другой, третий, потом к голове кроссовками литыми приложились, а потом Ружин потерял сознание и потому уже не видел, как в руку ему вложили никелированный пистолетик.

Часть вторая

1–3 ноября

...Ружин припарковал машину. Несколько минут не выключал двигатель, сидел, греясь. Автомобилей на стоянке мало, два-три, усыпанные стылой осенней росой, с порожков и бамперов лениво падают капли, как после дождя. Сонно вокруг, сыро. Раннее утро. Гостиница «Солнечная» поблекла, стекла не блестят, мутные. Ружин наконец выбрался из машины, с трудом, кряхтя; снимая «дворники», задел плащом крыло, измазался бурой грязью — машина неухоженная, потеряла цвет, вместо белой темно-серая — даже не заметил, поднял воротник, запахнул плащ, длинный, мятый, сутулясь, валко взбежал вверх по ступенькам, к набережной. На набережной скоро засеменял к решетчатой калитке открытого кафе, в котором они как-то летом были с Феленко. Сквозь решетку видно, что на открытой площадке столиков нет, но дальше крытый павильон, и из-за его двери доносится приглушенно музыка, над дверью надпись: «Кафе «Русалка». Ружин дернул на себя решетчатую калитку. Бесполезно. Замок на цепи, грузный, ржавый. Ружин потряс прутья, крикнул:

— Эй!.. — И еще: — Эй!.. — И опять: — Эй!

Из павильона вышел швейцар, старый знакомый, Ружину ручку жал, скалился тогда летом... Не спеша приблизился, спросил, равнодушно жуя:

— Чего надо?

Ружин приветливо заулыбался, проговорил бодренько:

— Ты чего, Степаныч, не узнаешь?

— Чего надо? — повторил швейцар, облизнул сальные губы, проглотил, что жевал.

— Поесть бы, — Ружин приблизил лицо к решетке, заулыбался еще приветливей. — В такую рань только у вас поесть-то и можно.

Степаныч поморщился, когда Ружин дыхнул на него, сказал брезгливо:

— Визитную карточку давай.

— Степаныч, это же я, Ружин.

— Вы пьяны, — сказал швейцар.

— Это со вчерашнего, — сказал Ружин, хихикнув. — Набрался, как стервец, башка трещит. Войди в положение.

— Не положено, — швейцар повернулся, двинулся обратно.

Ружин протянул руку, успел ухватить Степаныча за воротник, подтянул к себе, выцедил зло:

— Обнаглел, толстомордый! Открывай! А то припомню кой-чего, посажу!

Швейцар с неожиданной ловкостью крутанулся на месте, вырвался, ощерился:

— Не посадишь, гад! — взвизгнул. — Кончилось твое время! Теперь ты дерьмо! Тьфу! — сплюнул, затопал к павильону.

Ружин вцепился в решетку, тряхнул ее, зазвенела цепь, забухал замок, заорал, багровея:

— Прибью, мерзавец! Ты меня не знаешь, жирный болван! Я тебя достану! Отбивные сделаю из твоей свинячьей задницы! И сам схавая под водочку холодную! Открывай! — голос сорвался, Ружин всхрипнул, закашлялся, кашляя, все грозил кулаком. В дверях кафе показались два малых, краснолицые, с борцовскими шеями, ковыряя в зубах, скучно посмотрели на Ружина. Ружин сгорбился, держась за горло, кашель все еще бил его, махнул

рукой, повернулся и побрел к стоянке, подрагивая плечами. Парни и швейцар посмеялись и скрылись в кафе.

Ружин опять гонял машину по пляжу, как тогда летом. Только теперь рядом ни Леры не было, которая так смешно жмурилась от страха и повизгивала тонко, как озябшая собачонка, и никого другого не было. Некому было сидеть на соседнем сиденье. Вот так вышло. Песок был смерзшийся, темный, как по асфальту неслась машина, с визгом завалилась на вираж, с жестким шипеньем взметала из-под колес влажные песчинки, крутилась волчком на месте и вдруг срывалась стремительно, присев на мгновение на задние колеса аж до самых бамперов.

И на шоссе опять милицейский мотоцикл желтел, а возле него гаишник курил — но другой уже, не тот, который летом за Ружиным гонялся — постарше, позлее — и с тяжелой непримиримостью взирал на ружинские выкрутасы.

Ружин заметил его, усмехнулся, на полном ходу выскочил на шоссе, помчался, не сбавляя скорости. Гаишник прыгнул в седло, поспешно затарахтел следом, засвистел запоздало, прокричал что-то в рацию, замахал жезлом. Но куда там, Ружин уходил все дальше и дальше. Как и предшественник его, гаишник тоже наперерез помчался по выбоинам, по камням, по жухлой, мокрой траве. Грязи не было, и поэтому мотоцикл пробрался-таки; ревя и буксуя, выпрыгнул на шоссе, перегородил дорогу перед самым почти носом Ружина. Милиционер соскочил с седла, подбежал к машине, придерживая болтающуюся на боку рацию, постучал в закрытое окно. Ружин не реагировал, сонно смотрел в окно, недвижимый. Гаишник дернул на себя дверцу, и Ружин вывалился наружу, мешком, прямо на асфальт, вяло перекатился на другой бок, забормотал что-то. Милиционер отпрянул опасливо.

— Вот те на, — сказал, приглядевшись внимательней, нагнулся, приняхался, добавил удовлетворенно: — Вдрызг, скотина.

Ружин зашевелился, подполз к дверце, держась за нее, поднялся, мутно глянул на милиционера, заговорил невнятно:

— Перед заходом солнца... слалом очень полезен, когда трамваи не ходят, вот так, понял?.. Я за зубной щеткой еду, понял? Вот так...

— Понятно, а как же, — сказал гаишник, кладя планшетку на капот. Сейчас мы почистим тебе зубки и без зубной щетки. Давай документы.

Ружин хитро хихикнул и достал из кармана двадцать пять рублей.

— Во мои... эти документы. Проверь.

Сержант сузил глаза, нажал тангенс рации, проговорил в микрофон:

— Сто второй, сто второй, докладываю, владелец автомобиля ноль, ноль, шестьдесят восемь предлагает мне взятку в количестве двадцати пяти рублей. Сильно пьян.

Ружин с неожиданной резвостью прикрыл микрофон, заговорил, улыбаясь:

— Ты чего, парень. Пошутил я. Я трезв, как стекло. Скучно просто, вот и веселюсь. Извини, если что...

— Документы! — губы у сержанта задрожали от напряжения и злости.

— Да брось, пошутил я, — Ружин отступил на шаг, занес ногу, чтобы забраться в кабину. — Поеду я...

Гаишник крикнул угрожающе:

— Стоять! — для пущей острастки схватил Ружина за плечо, рванул на себя, да так сильно, что тот едва устоял на ногах.

— Что ж ты делаешь?! — проговорил Ружин и машинально, не отдавая себе отчета, коротко ткнул сержанта в живот, затем для надежности еще раз, так же стремительно и коротко. Сержант согнулся, выкатил глаза. Ружин оттолкнул его от машины. Милиционер не удержался, упал неуклюже. Ружин поморщился, сел в кабину и тут услышал ноющий голосок сирены, из-за поворота показалась милицейская «Волга».

— Идиот, — сказал себе Ружин и устало откинулся на спинку сиденья...

— Ружин, — окликнул его дежурный из-за барьера, капитан лет за сорок, тихий, раздумчивый, когда говорит, смотрит в глаза, что-то ищет там, в глазах. Это редкость, когда за барьером и ищет. Ружину он понравился. Он вскочил, подошел поспешно, склонил голову выжидательно.

— Ружин, — сказал капитан, почесав переносицу. — Мы вынуждены задержать вас до выяснения обстоятельств. Скоро приедет дознаватель, я уже позвонил. Сопротивление работнику милиции при исполнении — дело нехорошее, знаете ли.

— Да пошутил я, — Ружин прижал ладони к груди. — Разыграть решил сержанта. Я сам бывший сотрудник, начальник отделения отдела уголовного розыска города. Вы должны знать меня.

— Бывший, — вздохнул капитан.

— Да что вы, ребята, — Ружин вернулся к трем суровым обветренным офицерам ГАИ, стоявшим неподалеку, заулыбался просительно. — Все же свои...

Офицеры не дрогнули, не тронуло сочувствие их свекольные лица. Крепкие ребята, сто лет им жить.

— Были свои, — грустно заявил капитан и опять вздохнул. — Было время. Была работа. Все по-другому теперь, все по-другому. Иные дуют ветры, никакого благодушия, никакого кумовства, все — строго по закону... — Вытянул шею, сказал кому-то вбок: — Отведи его в третий кабинет, он пустой, пусть подождет.

Откуда-то появился молоденький милиционер, строго указал Ружину, куда идти. Уже у порога капитан остановил его:

— Если желаете, можете позвонить, сообщить, что вас задержали, а то искать будут.

Ружин растерялся. Сообщить? Кому? Кто его будет искать? Даже смешно, и он усмехнулся.

— Если некому, — сказал капитан, — тогда идите.

Ружину показалось, что желторотый милиционер хмыкнул.

— Как так некому? — он круто повернулся. — Это почему же некому? — он возвратился к барьеру, шаг быстрый, уверенный, кивнул капитану: — Спасибо, — набрал номер, подождал. — Феленко? Ружин. Здравствуй. Неподалеку я тут от тебя...

В кабинете столы, стулья, грязно-желтые в трещинах, с нечищенными металлическими бляшками на боках «МВД 1964 г.», давно срок износа вышел, а все служат, бережливые люди у нас, экономные, есть чему иностранцам поучиться, холодный сейф в углу, стены голые, на окнах занавески, на занавесках чернильные пятна, застиранные, но не отмытые. Безлико здесь. Никак. В окно сигануть хочется. Ружин раздвинул занавески, прижался лбом к выстуженному осенью стеклу. Под окном на лавке сидел маленький пожилой милиционер и строгал перочинным ножом палочку. Выстругает одну до размера спички, бросит под ноги, другую возьмет... Заскользил Ружин лбом по стеклу, вниз, скрипуче, ткнулся головой в руки,

покоящиеся на подоконнике...

Колыхнулись занавески, вздрогнуло стекло, Ружин поднял голову, огляделся рассеянно, лицо сонное, хотя и не спал вовсе, и не дремал даже, мерещилось что-то зыбкое, причудливое. В проеме раскрытой двери увидел Феленко и за его плечом еще кого-то в милицейской фуражке. Знакомое лицо, тоже обветренное, огрубелое, как и у всех здесь. Ружин встал, растирая лоб, шагнул навстречу. Феленко протянул руку, сказал:

— Все в порядке. Пошли, — плащ на нем короткий, штопаный, с желтыми пятнами от неумелой глажки.

— Я приехал с трассы и услышал, как ваш приятель объясняется с дежурным, — сказала знакомое лицо в милицейской фуражке. — Фамилию я вашу тогда летом хорошо запомнил, крепко, — и лицо криво усмехнулось.

Ружин, узнавая, покачал головой — тот самый старший сержант-гаишник, который гонялся летом за ними с Лерой и которого он заставил явку с повинной на себя писать. Веселые были времена.

— Я все уладил, — сказал сержант. — Считайте, что ничего не было.

— Спасибо, — поблагодарил Ружин. — Хотя, наверное, не стоило беспокоиться. Я уже свыкся с мыслью, что я преступник, даже интересно. В жизни так мало интересного. Право, не стоило...

— Не дури, — Феленко ухватил его за рукав, потянул за собой, повернувшись к сержанту, с виноватой улыбкой объяснил: — Он немного не в себе, перенервничал.

— Я понимаю, — кивнул сержант.

Дежурный встал, увидев Ружина, протянул руку через барьер, улыбаясь:

— Рад, искренне рад, что все обошлось. Мы были не правы. Клеменко покаялся, что все сочинил, лицо ему ваше не понравилось. Мы его накажем... Друзья наших друзей — наши друзья.

Ружин протянутой руки не заметил, погрозил пальцем.

— Никакого благодушия, — сказал назидательно и важно зашагал к двери.

— Перенервничал, — развел руками Феленко.

Пока Ружин открывал машину, сержант топтался за его спиной.

Ружин отворил дверцу, не спеша повернулся к нему.

— Мы вроде теперь в расчете, — осторожно проговорил сержант. — Протокол задержания, рапорт Клеменко у меня. Можем обменяться.

— Чудесный ты парень, сержант, — Ружин сел в машину привычно, с удовольствием. — Жить тебе при коммунизме. Позвони на днях, обменяемся.

— Вот и все, — сказал Ружин, когда они отъехали. — Жалко.

— Что все? — спросил Феленко. — Что жалко?

— Теперь опять всем наплевать, в каком году я родился, — сказал Ружин, — какое у меня образование и что я могу показать по существу заданных мне вопросов... — последние слова произнес жестко, по-прокурорски, как на суде.

— Не понял, — Феленко с подозрением покосился на Ружина.

— А показать я могу много, до черта я могу показать, только спросите. Но теперь опять никто не спросит. Ты знаешь, — сказал он, глядя на дорогу, улыбнулся отрешенно, — это кайф, когда кому-то интересно знать, кто ты. Вроде как в детстве, играли в прятки, тебя не

нашли, забыли, разбежались, а ты сидишь один и вроде как нет тебя, вроде как и не родился еще, а потом раз — нашли, случайно, и счастье...

Какое-то время ехали молча.

— Деловой сержантик, — Феленко решил сменить тему. — Пошушукался с дежурным, к начальству сбегал, вернулся, опять пошушукался и все путем. Приятель?

— Почти родственник.

Машина свернула под «кирпич», на узкую асфальтовую дорогу. По бокам деревца, черные, мокрые, асфальт тоже мокрый, испятнан лужами, и в обочинах вода, зеленая, томится, бродит. Вскоре за реденьким перелеском увиделись здания, сначала одно, белое, с серыми подтеками, буквой П, типичное школьное строение, затем поодаль, правее, другое — одноэтажное, длинное, вроде казармы, вокруг голо, бурая трава, вместо деревьев стены с наглядной агитацией, длинная мачта с флагом, верхушка покачивается под ветром. Флаг, как только что выстиранная простыня, обвис, съезженный, не шелохнется.

— Сурово, — заметил Ружин.

— Обыкновенно, — отозвался Феленко. — Это не санаторий. Это место, где люди учатся жить, — помолчав, добавил негромко: — Где я их учу жить.

Ружин поднял брови, но ничего не сказал.

Обогнули школьное здание, въехали во двор. Во дворе около десятка ребятишек разных возрастов под командой чернявого крепыша занимались зарядкой. Лица истомленные, пот по щекам, голые ноги в грязи. Крепыш выкрикивает что-то коротко, как кнутом щелкает. Ружин заметил среди ребят двух девчонок. В глазах набухли слезы, но подчиняются.

— Поздновато для зарядки, — Ружин посмотрел на часы.

— Это не зарядка, — Феленко внимательно разглядывал детей. — Это наказание. Я не сторонник внушений и экзекуций. Только спорт. Здоровее будут.

— И в чем они провинились? Изнасиловали учительницу? Подожгли интернат?

Феленко пожал плечами:

— Кто за что. Кто болтал на уроке, кто без команды есть начал, кто девчонок лапал...

— Ты шутишь? — тихо сказал Ружин.

— Я никогда не шучу, — Феленко открыл дверцу и вылез из машины.

— Три-четыре! — скомандовал крепыш.

— Добрый вечер, товарищ директор! — проскандировали ребята.

Феленко чуть качнул головой.

— На сегодня хватит, — обронил он.

— Директор? — удивился Ружин, тоже выходя из машины.

— Пока исполняющий обязанности, — сказал Феленко. — Прежнего на пенсию отправили. — Он ухмыльнулся. — Я отправил.

Они сидели в комнате Феленко за квадратным столом. Перед каждым стакан чая, печенье, варенье в розетках, алое, прозрачное, вкусное. За окном сумерки, небо серое, низкое, давит. Задернуть бы шторы и не видеть его. Ружин встал, задернул.

— Что? — спросил Феленко, повернувшись резко.

— Включи свет.

— А-а, — Феленко включил. Абажур зелено засветился изнутри, старенький, мягкий, с бахромой, кое-где щербинки. Строго в комнате и скучно, будто временно здесь человек живет, хотя это его дом уже столько лет. Шкаф, кровать, тумбочка, стол, стулья. Все.

— Останешься? — спросил Феленко. — На работу теперь тебе не спешить.

— Останусь, — сказал Ружин. — А может, и вообще поживу.

— Поживи, — согласился Феленко. — Полезно будет.

— Кому? — спросил Ружин.

Феленко задержал взгляд на Ружине, не ответил.

— Встаю я рано. И тебя приучу, — он медленно лил кипяток из чайника в стакан, с рассеянной полуулыбкой наблюдал, как от жаркой влаги запотевают тонкие стеклянные стенки. — Рассвет встречаю на море. Каждый день.

— Мазохист, — хмыкнул Ружин.

— Жизнь катастрофически коротка. Сон — расточительство. И наши с тобой чай расточительство. И наша суета в ГАИ расточительство... Немного сна, немного еды, и работа, познание, дальше, дальше, дальше... — он перевел дыхание. — Без перерыва я вколачиваю в их податливые головки знания, каждый час, каждую минуту, секунду. Не терять ни мгновения. Я выращу качественно новый отряд интеллектуалов, они перевернут страну. Они вышибут мерзавцев, лентяев, глупцов, они создадут...

— А если, — прервал его Ружин, — а если кто-то не способен или кто-то просто хочет подурчиться, поиграть, побеситься или сбежать с уроков в конце концов...

— Во двор! И присесть, присесть... — он оборвал себя, прикрыл глаза, потер их пальцами, сильно, до красноты, поднялся, сказал с легкой усмешкой: — Не радуйся, не поймал. Я не фанатик. Просто больно смотреть вокруг. Пойдем, я покажу тебе комнату.

В коридоре полумрак, тихо, бледные проемы окон, вздрагивающие тени на стенах, на полу. Возле одного из окон Феленко задержался, замер.

— Дрянь, — выцедил.

Ружин тоже посмотрел в окно, увидел вдалеке, у перелеска тонкую девичью фигурку в светлом длинном плащике.

— Ну и что? — спросил.

— Левее, — подсказал Феленко.

Ружин посмотрел левее. Различил высокий силуэт. Парень. Он приближался к девушке.

— Колесов, — сказал Феленко. — Она, сучка, к нему ковыляет.

— Ух ты, — отозвался Ружин, взгляделся внимательней. — Откуда он?

— Из города, — Феленко повысил голос. — Я же сказал ему, ни ногой сюда, бандит! И ее предупредил, увижу еще раз — выгоню! Сдохнет ведь под забором, проститутка! — Он круто развернулся, двинулся в обратную сторону, к выходу из школы, махнул Ружину. — Пошли!

Шли быстро, шумно, с хрустом давили гравий, потом шагали по траве, она скрипела под подошвами, мокрая. Ружин поскользнулся, упал на руки тренированно, отряхиваясь, чертыхался, грязными ладонями еще больше испачкал джинсы, свитер. Ветер резкий, впивается в глаза, холодно, тревожно.

Девушка толкала Колесова, беги, мол, чего ждешь, дурачок. Но тот стоял недвижно, только кулаки сжал, то ли от холода, то ли от злости или чтоб смелости прибавить; прищурившись, смотрел неотрывно на приближающихся.

— Когда ты пришла ко мне, голодная, в слезах, без копейки за душой, — Феленко вытянул длинный палец в сторону девушки, — я сказал тебе: живи, работай. Я помогу. Я сделаю тебя чистой, светлой, настоящей!.. Ты станешь человеком будущего! Только надо этого очень хотеть!

— Я не хочу, — тихо сказала девушка. Ружин едва расслышал ее голос.

— Что?! — Феленко опустил палец.

— Она сказала, что не хочет, — медленно, отчетливо проговорил Колесов, он разжал кулаки, обтер ладошки о куртку и снова сжал пальцы.

— Вон, — спокойно сказал Феленко. — Немедленно. — Он дернул плечами, пробормотал что-то, повернулся, зашагал к школе, сутулый, сникший, казалось, он вымок и с него капает вода, с волос, с пальцев, с плаща. Ружин догнал его.

— Послушай, — попытался остановить за руку. — Так нельзя. Куда им сейчас идти? Поздно. Не сходи с ума. Они же дети...

Феленко вырвал руку, неприязненно, брезгливо, смотрел перед собой отрешенно.

— Грязь, грязь, везде грязь, — говорил невнятно под нос. — Она сильнее, пока сильнее, но кто-то должен начать, — остановился вдруг, повернулся к Колесову и девушке, закричал, не сдерживаясь: — Чего стоишь?! Убирайся! Собирай барахло и убирайся!

Чай в стаканах еще дымился, и варенье по-прежнему светилось рубиново. Тепло, хочется спать.

Ружин надел плащ, завязал пояс. Феленко некоторое время молча смотрел на него, потом спросил:

— Вернешься?

Ружин не ответил, потянулся к столу, взял пачку сигарет, сунул в карман.

— Ты ничего не понял, — сказал Феленко. Он сел на кровать. Строго, по-солдатски выправленное одеяло встопорщилось.

— Может быть, — Ружин пожал плечами.

— Я от многого отрекся ради них, — с горечью проговорил Феленко. — И еще от большего отрекусь.

— Наверное, — сказал Ружин, он внимательно оглядел комнату, не забыл ли чего.

— Чистота помыслов и взглядов не дается просто так, — Феленко безуспешно пытался поймать взгляд Ружина. — За них нужно бороться, иной раз жестоко.

— Тебе видней, — Ружин был уже у двери.

— Ничего ты не понял, — Феленко тряхнул головой. — Постой, — он выдвинул ящик тумбочки, вынул деньги. — Здесь восемьдесят рублей. Это зарплата Светы. Она провалилась в институт, и я взял ее уборщицей.

Ружин взял пачку, пересчитал.

— Точно, — сказал. — Восемьдесят.

Повертел бумажки в руках, положил на стол. Феленко усмехнулся.

Ружин вышел. Через какое-то время за окном послышался его голос: «Забирайтесь, ребята», — потом заработал двигатель, зашуршали шины по гравию, и все стихло. Феленко встал, аккуратно поправил постель, гладко, без морщинок, снял плащ, сел за стол, сделал глоток из стакана...

— Здесь? — спросил Ружин, притормаживая.

— Здесь, — сказала Света. — Останавливайтесь, ну что же вы? Теперь чуть назад сдайте, вон к той кадке.

— К какой кадке? — Ружин переключил скорость, повернулся назад. — Я ни черта не вижу.

Вокруг вязкая темнота, южная, хотя, если пообвыкнуть, приглядеться, можно угадать силуэты заборов, деревьев за ними, кубики домов. Кое-где справа, слева в окошках свет, тусклый, в двух-трех домах, остальные безжизненны, слепы. Свет и в доме, который они искали. Он далеко, в сотне метров впереди, левее, там много света, и не только в окнах, но и во дворе, яркие лампы отливают серебром и на деревьях в саду, и слышится музыка со двора, и плавная, и мощная одновременно, знакомая — вальс.

— Только бы сигнал она услышала, — сказала Света.

— Какой сигнал? — не понял Ружин.

Света приложила ко рту две сложенные горстками ладони и дунула в них. Вытек странный ноющий звук, отдаленно напоминающий сирену.

Ружин покрутил головой.

— Как в фильме про разведчиков, — сказал он.

— А мы и есть разведчики, — серьезно ответила девушка. Она выдохнула решительно и открыла дверь. Ружин глядел ей вслед, пока она не исчезла в темноте.

— Симпатичная девушка, — сказал он.

— Красивая, — не сразу отозвался Колесов.

— Послушай, — произнес Ружин, не поворачиваясь. — А ты почему тогда под пули бросился? Нас защищал? Совесть проснулась?

— Себя защищал, — хмыкнул Колесов. — Если бы он вас тогда подстрелил, и мне бы срок навесили. Наверное.

— Ну, по крайней мере, честно, — кивнул Ружин. Некоторое время сидели молча, а потом Ружин сказал: — Пойду пройдуся.

— Не надо, увидят, — возразил Колесов.

— Я осторожно, — сказал Ружин, щелкнув замком.

— Те два грузина, на квартире, — проговорил Колесов, — раздели меня донага, проворно, веселясь, и я веселился, хорошую дозу себе вкатил. Но когда один сзади пристроился и пыхтеть начал, вот тут кайф соскочил, не весь, но мне страшно стало, заледенел, закричал, вывернулся, одежду в охапку, и тут вы... Я с тех пор на порошок смотреть не могу. Лицо мерзнет.

Ружин ничего не ответил, кивнул, вылез из машины.

Он пошел вдоль заборов, грязь чмокала под ногами, дотронулся до досок, они холодные, осклизлые, расставив руки, балансируя, как на канате, двинулся по оставшейся полоске увядающей травы. Вальс приближался, щедрые звуки его вселяли спокойствие, радость, Ружин умиротворенно заулыбался. И вот совсем уже он близко, он шагнул к забору... На утрамбованной, круглой, просторной площадке, сбоку от дома, под светом двух белых ламп кружилась пара, умело, гибко, легко, он во фраке, стройный, с пышной шевелюрой, сосредоточенным длинным лицом, она в бальном платье, открытом (Ружин поежился), большеглазая, улыбчивая...

Ружин уловил движение сбоку, напряжился и расслабился тут же, спросил вполголоса:

— Машину закрыл?

Колесов протянул ключи.

— Красиво, — сказал он, не отрывая глаз от пары. — Как в театре.

— Ветер сильный, — заметил Ружин. — Как бы не простудились, глянь, какая шейка-то у нее тоненькая...

— Это Светкина мать.

— Мать ее!.. — Ружин покачал головой.

Тут они услышали знакомый звук, ноющий, тонкий. Переглянулись, замерли. Звук повторился, еще, еще... Ружин заметил, что женщина тоже различила сигнал, она сузила глаза, приподняла подбородок, прислушиваясь. Партнер еще не услышал ничего. Вот женщина оступилась, танец прервался, женщина засмеялась, что-то сказала, захромала к дому. Партнер ее продолжал кружиться один, прикрыв глаза, — покой на лице, счастье. Ружин видел, как, зайдя за дом, женщина перестала хромать, постояла с полминуты, обхватив себя за плечи, осень все же, прислушиваясь и оглядываясь то и дело опасливо, и решилась наконец, засемила торопливо по асфальтовой узкой дорожке к забору, к калитке в заборе. Блестели глаза, переливались радужно блестки на платье, стучали каблучки меж выстуженных грядок — фея приусадебных хозяйств обходила свои владения...

Партнер остановился посреди площадки, раскинув руки, обнял небо со звездами и луной и стайкой крикливых птиц, пролетающих над домом, и, потирая ладони, мelenько побежал к дому. У крыльца сунул руку под лавку, вынул бутылку, пол-литровую, ополовиненную, огляделся, крикнул и закрутил винтом жидкость в глотку...

— Дуры, — сказал Колесов, скривив лицо. — Все же слышно. Голосишки-то писклявые у обеих.

— Он занят, — усмехнулся Ружин. — Не учует.

Учуял. Сделал стойку, как спаниель на утку, повел носом, левее, левее, вот теперь горячо, ощерился, отшвырнул бутылку с силой. Выскочила она дугой и приземлилась у забора совсем рядом с Ружиным и Колесовым.

— «Лучистое», розовое... — прочитал Колесов.

Кончился вальс, и после паузы зазвучал фокстрот...

Партнер сделал произвольно несколько па под музыку, фалды фрака взметнулись поласточки, и, пригнувшись, смешно запрыгал к забору.

— Ой-е-й-ей, — только и сказал Колесов.

— Ой-ей-ей! — ответствовала ему Светкина мать, только громче и безнадежней, сорвался голос, запетушил.

— Ой-ей-ей! — вторила ей Светка жалобно и просяще.

И вот показались они трое среди грядок. Мужик во фраке волок мать и дочь за волосы к дому.

— Не потерплю, — кричал, — непослушания! — И матерился. — Не потерплю, — кричал, — предательства! — И грозил смертью всем, кого знал, с кем родился, с кем дружил и с кем еще познакомится когда-нибудь... — Говорил же тебе, — кричал, — забудь ее, иначе все! Крышка! — И опять матерился, а потом стал бить женщин. Сначала Светку хватанул по носу, и та свалилась беззвучно в грядки, затем за мать ее принялся, основательно, умело, привычно. Она визжала, а он в рот ей, в рот...

Колесов дернулся, всхрипнув, но Ружин удержал его, раздумывая, стоит ли ввязываться.

— Не могу-у-у-у! — выл Колесов, извивался судорожно, пытаясь вырваться. — Пусти, гад!

Ружин цыкнул зубом, сплюнул, вздохнул, отпихнул Колесова подальше, чтоб не опередил тот его, не наделал глупостей, и перемахнул через забор, одним прыжком, ловко. Еще два прыжка, и он возле мужика, только руку протяни, и он протянул, за волосы мужика,

потом по почкам, раз, другой, взвыл мужик, закатил глаза, а Ружин в живот ему, но не попал, опытный мужик бедро подставил и тут же отработанно в зубы Ружину. Ружин отпрянул, попятился, удивленный. Мужик в стойку встал, сопя двинулся на Ружина. Так и есть, боксер, мать его... Ружин влево метнулся, мужик за ним подался, и Ружин ногой в пах ему, попал-таки, браво, мужик согнулся, взрыкнув, а Ружин по глазам ему двумя ладонями, чтоб ориентацию потерял, мужик закрутился на месте, больно... Ружин перевел дыхание, огляделся, возле Светки Колесов склонился, а матери ее нет нигде... Тут опять мужик на него двинулся, и Ружин опять его в пах.

— Уйди от него, мразь! — услышал он сзади истеричный голос, женский, писклявый. Ружин обернулся вмиг и оторопел. В руках Светкина мать держала двустволку. Красивая, пылающая, в бальном платье длинном, плечи белые, нежные, и черное тяжелое ружье от бедра, пустые зрочки стволов, и впрямь только крови не хватает до истинной гармонии... Ружин дернулся в сторону, и тут выстрел, оглушающий, мимо, сзади в щепы разнесло доску в заборе. Медвежьим жаканом бьет, милая барышня. Ружин вправо теперь, прыжком, и в жухлую траву ничком, второй выстрел, мимо, теперь яблонька пострадала, тихая, безвинная. Ружин вскочил рывком, теперь ружье отобрать надо...

Она держала его в опущенной руке, смотрела перед собой отрешенно, потом повела плечом, отпустила двустволку, брякнулось ружье на асфальт, прогудели пустые стволы, жар выдыхая... И вслед Светкина мать на дорожку опустилась, обессиленно, обезволенно, как пластилиновая, заплакала сухо...

— Мамочка! — взвилась Светка. — Не умирай!

Вскочила разом с грядок, где, придя в себя, лежала, хоронясь, голову руками обхватив как при бомбежке, рванулась к матери. Ружин удержал ее, обвил рукой поперек туловища, потянул за собой к калитке, приговаривая:

— Потом, потом, все потом...

— Что потом? Когда потом?! — вырывалась Света. — Они уезжают завтра, насовсем уезжают, слышишь ты, защитничек?! Пусти! — горланила, отбиваясь. — Пусти!

А Ружин говорил ей что-то тихое и нежное на ухо, улыбался, целовал ее в щеку, в нос, и она утихла, покорилась, повисла на его руке, побрела, куда повели. Колесов шел за ними, съезженный, напуганный.

Ружин вел машину по пустой серой улочке, фонари горели вполнакала, скупое. В салоне он был один, дымилась сигарета меж пальцев. Впереди из-за поворота вывернула машина. Точки фар увеличивались. Встречный водитель включил дальний свет. Ружин поморщился и усмехнулся. Поравнявшись с Ружиным, машина притормозила. Ружин заметил удивленное лицо водителя, открытый рот, расхохотался. Не торопясь, проехал еще с полсотни метров и свернул направо. Эта улица повеселей, светлая, людей побольше, гуляют вольно. Завидев машину Ружина, останавливаются, разглядывают с удивлением, кто-то пальцем показывает.

— Держись! — крикнул Ружин кому-то в окно и увеличил скорость. Вот он заметил справа на доме над открытой дверью три светящиеся буквы «БАР», а возле двери человек десять ребят, пестрые, галдят, курят. Тусовка. Ружин резко свернул вправо, прямо на тротуар, проревел двигателем мощно, для солидности и под восторженные крики ребят притормозил резко возле самой двери, передок уперся в дверную раму.

— Колесо прикатил! — завопил кто-то.

— Хай-класс, чувак! — запрыгала, хлопая в ладоши, какая-то раскрашенная девчонка.

На крыше «Жигулей» гордо восседали Колесов и Света. Ружин курил и улыбался. Колесов осторожно ступил на капот и спрыгнул прямо в дверной проем, следом спрыгнула Света. Колесов подхватил ее на руки, поцеловал, пока ставил на пол. Ребята обступили машину. Чья-то «панковая», с волосяным гребешком голова всунулась в салон.

— Отец, — пискляво обратилась голова, — дай порулить.

Ружин открыл дверь, вышел, сказал писклявому:

— Припаркуй у тротуара, ключи принесешь.

Тусовка завопила. Ребята полезли в машину.

— Не бойсь, отец, — прогнусавил «панковый». — Я супердрайвер.

Ружин вздохнул, махнул рукой, мол, давай отваливай. Машина резко отскочила назад.

Ружин покрутил головой — никакой ты не супердрайвер — и вошел в бар.

Колесов и Света уже оккупировали столик и болтали налево-направо. Ружин сел. Грохнула музыка, он вздрогнул. После первых тактов стал оглядываться. На площадке не протолкнуться, плотно, дымок не просочится. А они довольны, прыгают, трутся друг о друга, потные, хохочут. За площадкой светится стойка бара, чередка бутылок на полках. Соки. Культурно. Крепенькое небось с собой приносят. Хотел спросить Колесова. Обернулся. Их нет. Танцуют. Музыка кончилась. Колесов, раскрасневшийся, подвел Свету к столику, усадил, сам пошел куда-то в угол зала, с одним поговорил, с другим, пошептался с длинным белобрысым, что-то взял у него, положил в карман. К белобрысому еще кто-то подошел, тоже что-то взял у него, в карман сунул, потом еще один, потом белобрысого загородили.

— Спасибо вам, — прокричала ему в ухо Света.

— Что? — проорал в ответ Ружин.

— Спасибо вам, — повторила Света, опять приблизив к его уху теплые губы.

— Не надо было, — Ружин морщился и крутил головой. — Зря. Жалею.

Подошел Колесов. Сел. В руке тлела сигаретка. Он порывисто затягивался, выдыхал, прикрыв глаза. Огонек вспыхивал необычно ярко. Ружин покосился подозрительно на сигаретку.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Я не об этом, — Света чуть отстранилась, проговорила опять громко, стараясь перекрыть шум: — Спасибо, что вы есть вообще.

А мелодия оборвалась в этот момент, и слова ее отчетливо и ясно прозвучали в наступившей паузе. Она смутилась, засмеялась неестественно. Колесов посмотрел на нее в упор, прищурился от дыма, усмехнулся слабо, с деланным равнодушием принялся глядеть по сторонам. Ружин опять увидел белобрысого. Тот склонился над соседним столиком, что-то сунул здоровому, обриту наголо парню, пошел к выходу. Ружин неторопливо встал, показал Свете и Колесову жестом, мол, сейчас вернусь.

Белобрысый вышел в узкое, темное фойе, заполненное курящими ребятами, свернул за раздевалку. Ружин прошагал за ним. Белобрысый пил воду из-под крана, большой, рукастый, обнял раковину, будто хотел оторвать ее и уволочь с собой. Ружин ухватил его за волосы и включил воду на полную мощь. Белобрысый завыл с клекотом, дернулся инстинктивно. Бесплезно. Ружин держал его руку на изломе. Белобрысый закашлялся, и тогда Ружин потянул его вверх, отбросил к стене, прижал локтем подбородок, сказал, дыша в лицо:

— Давай травку! Все, что есть, дерьмо!

Белобрысый ошалело закрутил головой, зачастил:

— Какая травка, какая травка? Не понимаю...

— Сейчас поймешь, — улыбнулся Ружин и правой рукой полез к белобрысому во внутренний карман куртки, нащупал там что-то, вынул, посмотрел удивленно, бросил на пол, полез в другой карман, опять глянул на ладонь, вскинул брови, нехотя отпустил парня, спросил недоуменно:

— И ты этим торгуешь?

— Дефицит, — белобрысый разминал руку, испуг сошел с его длинного, сухого лица. — Тем более фирменные. Наши презервативы ненадежные. А эти и для слонов сгодятся.

— Ах, ну да, — догадался Ружин. — СПИД.

— Он самый, — подтвердил белобрысый. — Сначала вроде как всем по фигу, а теперь вот закопошились.

— Извини, — Ружин коснулся его плеча. — Извини, ошибся.

— Чего там, — отмахнулся парень, — бывает.

Ружин повернулся к двери, прежде чем выйти, остановился.

— А откуда ты их... — начал было, но оборвал себя. — Ладно, бог с ним, отдыхай.

Ружин сел за стол, кивнул Колесову:

— Дай затянуться.

Колесов внимательно посмотрел на него, протянул остаток сигареты. Ружин затянулся, раз, другой... Хмыкнул удовлетворенно, отдал чинарик обратно. Колесов снисходительно усмехнулся.

Света коснулась плеча Ружина.

— Пойдемте потанцуем.

— Да я так не могу, — Ружин дернулся несколько раз, показав, как он не может.

— А мы обычно, — сказала Света. — Здесь никто никого не неволит.

На площадке он осторожно прижал ее к себе, легкая, податливая, дыхание шоколадом пахнет, лицо вдруг серьезное, сосредоточенное стало. Она словно со стороны на себя смотрела, боясь неверное движение сделать, взглянуть как-нибудь не так, чересчур нежно или чересчур сердито, или притворно-равнодушно, или вообще никак. Нет, никак не смогла бы...

— Отец умер, когда я еще маленькая была, — заговорила Света. — Мама года три ни с кем не общалась, ни подруг, ни знакомых, работа, дом, работа, дом. Но молодая ведь еще, красивая, мужики на улице оборачиваются, пристают, оттаяла, отошла... Два года назад этого Валеру отыскала, влюбилась по уши, как дура, как девчонка, а он условие поставил, что если, мол, любит она его, то жить они должны без меня, новую семью создавать, своих детей рожать, а со мной встречаться раз в два месяца, и меня в интернат отдали, терпеть он меня не может, а потом у них ребенок родился, а Валерка выпивает, а мать его любит, а завтра они уезжают к нему на родину, в Рязань, все к Москве ближе, он в Москву хочет. А у меня больше никого нет... Я спать хочу...

Ружин погладил ее по щеке, и она потерлась о ладонь ответно.

— А Алексей? — спросил Ружин.

— Алексей? — улыбнулась Света. — Это Алексей. С ним я не одна.

А Ружин все гладил ее щеку.

Колесов все, конечно, видел, хотя и делал вид, что с дружками разговаривает и на площадку совсем не смотрит. Ружин понял это по его лицу, по глазам, когда к столику подходил. А за столиком «панковский» сидел и еще один паренек, рослый, голова бритая, на

темечке серп и молот нарисованы. «Панковый», ухмыляясь, ключи от машины протягивал:

— Спасибо, отец, все путем, тусовка довольна.

— Безмерно рад, — сказал Ружин. Он сел, покосился на Колесова. Тот сосредоточенно смотрел в пустой стакан из-под сока, пальцы облепили стакан плотно, белые от усилия, еще немного — и лопнет стакан, вопьются осколки в ладонь, кровь потечет, струйки тонкие, быстрые, яркие...

Нет, не лопнул. Отставил Колесов стакан, сказал, глаз не поднимая:

— Я послезавтра в армию ухожу. Сбор в восемь ноль-ноль.

— Ой! — вскрикнула Света и руку к шее поднесла, сжала ее пальцами.

— Мы вот с ребятами, — Колесов кивнул на «панкового» и того, который с серпом и молотом на темечке, — в Афганистан попросились. Берут.

— Нет, — сказала Света. — Так не может быть.

— Надо было что-то делать. Понимаете? — сказал тот, у кого серп и молот на темечке. — Выйти на улицу с плакатом «Нет войне в Афганистане!»? Бесполезно. Тогда уж лучше там... Там. Если я буду хорошо воевать, может, все это быстрее кончится? А?

Колесов оторвал руку Светы от шеи с трудом, пальцы были как железные, а она тогда зажала ладонями уши.

— Читали про наших пленных в Пакистане? — «панковый» повернулся к Ружину. — Захватили склад боеприпасов и взорвали себя вместе со складом. Я на следующий день в военкомат пошел, у меня отсрочка была, я сказал, что не хочу отсрочки... Нас тогда двадцать восемь человек пришло...

— Я сейчас, — сказал Ружин, встал, пошел быстро в сторону бара, шагал напрямик, через площадку, его толкали, кто-то плюнул вслед, кто-то выругался. Уселся на табурет, облокотился на стойку, увидел себя в зеркале, зеркала внутри каждой полки с бутылками были вправлены, стал рожи корчить и так, и эдак, то веселую, то плаксивую, то зверскую делал. Бармен шею вытянул, его разглядывая. Ружин попросил сок, выпил, еще попросил, еще выпил, закурил, пошел назад, опять его толкали и ругались в спину. Пришел, опустился на стул молча. Света все так и сидела, сжав уши ладонями. Колесов поднялся, потянул Свету за собой, она подчинилась. И Ружин поднялся, и ребята вслед. Ружин подал ребятам руку, побрел к выходу.

Он остановился возле своего дома, повернулся к Колесову и Свете, они сидели обнявшись, как два зайца на льдине. Ружин протянул Колесову ключи.

— Третий этаж, восьмая квартира, — объяснил он. — Шуруйте. Я у приятеля переночую.

Колесов взял ключи молча, благодарно кивнул, вылез, вытянул Свету, съезженную, безучастную, гладил ее по волосам, по плечу, пока к дому вел, она шла смиренно, руки вдоль тела опустив, кулачки сжаты, маленькие...

Ружин тихо проехал вдоль дома, завернул за него, там гаражи, пять-шесть, остановил машину возле гаражей, разложил сиденья, завернулся в плащ, устроился кое-как, мотор не выключал, холодно.

Утро белое, безветренное, совсем не осеннее. Солнце слепит окна, желтые, острые клинья рассекают лестницу, перила, стены. Ружин надавил на кнопку звонка, держал, пока не открыли. Колесов в трусах, жилистый, тонконогий, одним глазом смотрит, не проснулся.

— Подъем! — по-молодецки гаркнул Ружин. — Быстрый сбор и на рынок. Пир готовить будем!

...Вроде и не сезон, а рынок многолюдный, гомонливый, будто все отдыхающие, что есть в городе, по утрам здесь собираются. Да и местные, видать, по привычке заглядывают: может, сегодня не так, как вчера, побогаче, подешевле.

Болтались втроем вдоль рядов. Приценивались, торговались. Веселились отчего-то. Потому что утро, наверное, потому что солнце, потому что завтра день будет, и послезавтра, и еще много, много дней будет...

И Света улыбалась, не вымученно, легко, выпавшаяся, умытая, совсем не сравнить с той, какой вчера была. Ружин любовался ею.

И помидоров купили, и огурцов, и капусты квашеной, фруктов каких-то, зелени, мяса.

— Хватит, а? — дернул Ружина за рукав Колесов. — Уж больно поистратились.

— Ерунда, — отмахнулся Ружин. — Я видео продал, деньги есть. — Повернулся к Свете: — Выбери, девочка, что еще хочешь.

— А еще, — сказала Света и в который раз уже стала оглядывать рынок. — А еще мы купим...

— Стоп, — вдруг остановил ее Ружин. — Стойте, как стоите. Я сейчас. В мою сторону не смотреть. Держи, — он протянул Колесову сумку и не спеша двинулся в сторону выхода.

— Что-то случилось? — встревожилась Света.

Колесов пожал плечами.

Ружин замедлил шаг, свернул к одному из рядов, возле которого особенно густо столпились покупатели, попытался через головы посмотреть, что продают, не вышло, с другой стороны зашел, и здесь народ копошится, опять на старое место вернулся, на цыпочки поднялся, шею вытянул:

— Почему? — спросил. — Почему?

И в тот же миг метнулся влево, резко, стремительно, прихватил какого-то парня курчавого за запястье, сжал заученно ему пальцы, чтоб не вывалилось из руки курчавого то, что он уже в ладони держал. Обомлевший парень даже не пикнул, только губами шевелил и, растопырив глаза, глядел на Ружина, как на чудище заморское.

— Гражданин! — громко обратился Ружин к низенькому большеголовому мужчине, который все никак не мог в толпу у прилавка втереться, все вертел задом, вертел. — Повернитесь.

Тот услышал, повернулся испуганно, а вместе с ним еще несколько человек повернулись.

— Ваше портмоне? — Ружин дернул парня за руку, подтягивая его к самым глазам низенького.

— Вроде мое, — низенький опасливо покосился на курчавого.

А курчавый оклемался уже, сплюнул, сказал беззлобно:

— Козел...

Низенький заискивающе улыбнулся:

— А может, и не мое, — пожал плечами.

— Ваше, ваше, — подтвердил Ружин. — В заднем кармане у вас лежало. Я видел. Задний карман, чужой карман... Пошли в комнату милиции, здесь рядом.

Комната милиции действительно рядом, в дальнем углу рынка, в одноэтажном, куцем

зданьице с зарешеченными окнами. Здесь тихо, народ сюда не заглядывает, уютный уголок, сонный. На двери мелом написано: «Милиция».

Лейтенант, без фуражки, заспанный, плосколицый, ел дыню, когда Ружин, курчавый и потерпевший вошли в комнату. Он вздрогнул, вскинул голову, сладкий сок вяло тек по подбородку.

— Что? — спросил, повернулся к курчавому. — А ты чего?.. — осекся.

Оторвал кусок газеты, вытер губы, подбородок, щеки, потянулся за фуражкой, надвинул ее глубоко, встал, проговорил строго и требовательно:

— В чем дело?

— Карманная кража, — сказал Ружин и поднял руку курчавого с портмоне. — Задержан с поличным. Мною.

— Так, — произнес лейтенант, суетливо выбрался из-за стола, подошел ближе, на портмоне взглянул, потом на курчавого, неодобрительно головой покачал: — Свидетели?

— Меня и потерпевшего достаточно.

— Жалко, нет свидетелей, — лейтенант почесал щеку.

— Я свидетель, — повторил Ружин с нажимом. — А вот потерпевший. Этого достаточно.

— Чего достаточно, а чего недостаточно — не вам решать, — перебил его лейтенант. — Ну хорошо, пишите заявление, объяснения, — он достал бланки из ящика стола.

Ружин отпустил курчавого, тот сразу скинул портмоне на пол. Ружин, усмехнувшись, поднял портмоне, положил аккуратно на стол, подвинул стул, сел, принялся писать, потерпевший тоже уселся и тоже писать стал, вздыхая.

...Лейтенант взял у Ружина объяснение, прочитал.

— Значит, временно не работаете? — спросил.

— Временно не работаю, — ответил Ружин.

— Понятно, — сказал лейтенант. — Можете идти. Когда надо, вызовем.

— Давно в городе служите? — в свою очередь поинтересовался Ружин.

— Больше месяца. Из района перевели. А что? — насторожился лейтенант.

— Нет, нет, — миролюбиво улыбнулся Ружин. — Ничего. Любопытствую просто. Всего доброго.

Колесов и Света ждали его там, где он их оставил.

— Здорово вы его! — восхитилась Света. — Раз, два и готово.

— Очень не люблю, когда воруют, — заявил Ружин.

— Не в бровь, а в глаз, — отметил Колесов.

— Если ворует, отвечай, — продолжал Ружин.

— Гениально, — Колесов развел руками. — Я буду вашим биографом.

Дверь, на которой написано мелом «Милиция», распахнулась, из нее вышел потерпевший, вслед за ним лейтенант. Они поулыбались друг другу, вежливо пожали руки, и потерпевший ушел. Через какое-то время дверь снова приоткрылась, из темноты высунулся лейтенант, оглядел внимательно дворик, затем пропустил вперед курчавого, подтолкнул его в спину, сказал вдогон:

— Не попадайся, дурак!

Курчавый засеменял прочь.

Лейтенант вынул из кармана горсть смятых денег, помял их пальцами, сказал:

— Тьфу! — а потом и действительно сплюнул.

— Значит, так, — сказал Ружин, когда они подъехали к дому. — Жарьте, парьте, короче, готовьте стол. Он должен быть роскошным. Я вернусь к вечеру.

Он остановил машину возле четырехэтажного белого здания. Над фасадом нервно трепыхался красный флаг. Ружин поднялся по ступенькам, толкнул массивную стеклянную дверь, сбоку от которой висела бордовая стеклянная доска: «Исполнительный комитет...»

Он поднялся по широкой, покрытой ковром лестнице, прошел по тихим, безлюдным коридорам, остановился перед дверью «Приемная», помассировал шею, выдохнул шумно и только после этого вошел.

После полутемного коридора в приемной ослепительно светло. День щедро сочится сквозь огромное, почти во всю стену, окно. Ружин сузил глаза, вскинул ладошку к бровям козырьком, пригляделся: два посетителя сидят на стульях, ожидают приема, мужчина и женщина, похожие, бесцветные. Лица незнакомые, а может, и знакомые. Ружин кивнул на всякий случай, не убирая козырька, шагнул к секретарше — пожилая, сухощавая, старомодный пучок на затылке, — сказал, кивнув на окно, доброжелательно:

— Солярый. Загорать можно...

— Что такое? — с вызовом проговорила секретарша и расправила плечи, готовясь к отпору.

— Мне к председателю, — ласково улыбнулся Ружин и убрал руку от глаз. — Срочно.

— Но у него... — начала секретарша.

— Скажите, Ружин пришел, очень просит, — перебил ее Ружин. — Вы разве меня не узнаете?

Секретарша нерешительно развела руками:

— Я попробую.

Она нажала на кнопку селектора, сказала в микрофон:

— К вам Ружин.

— Я занят, — ответил селектор голосом Копылова. Секретарша посмотрела на Ружина, добавила, поморщившись:

— Ему очень срочно.

Слышно было, как Копылов усмехнулся, потом сказал небрежно:

— Подождет, не рассыплется...

Ружин повел подбородком, растянул губы в резиновой улыбке, произнес тихо:

— Так. — Шагнул в сторону двери, снова повторил: — Так. — И еще несколько шагов сделал, взялся за ручку, приоткрыл дверь, потом резко захлопнул ее, быстро подошел к стульям, сел, уставился в окно, что-то напевая себе под нос, будто ничего и не произошло.

Море было тихое, гладкое, но по-осеннему темное, волны грузно шлепались на песок. Ружин сидел на мокром, черном валуне, курил и наблюдал за одиноким рыбаком. Его лодка покачивалась в полусотне метров от берега. Удочки торчали с бортов. Рыбак то одну выдергивал, то другую, то третью, но лишь пустые крючки выныривали из воды. Но рыбак не отчаивался, он снова насаживал наживку и закидывал леску в море, ждал какое-то время и в который раз выдергивал удочки... Ружин помогал ему, в унисон взмахивая руками,

подбадривающе вскрикивал. Но бесполезно, крючки, как и прежде, оставались пустыми...

Стол был уже разорен наполовину. Все сидели сытые, разомлевшие, довольные, а Ружин, давась от смеха, рассказывал анекдот.

— Пятачок и Винни-Пух нашли бочонок меда. Пятачок говорит, нехорошо лапами есть, я за ложками сбегаю. Прибегает, а бочонок уже пустой... — Ружин откинулся на спинку стула. — Я не могу... А бочонок пустой и Винни-Пух рядом лежит с огромным пузом. А Пятачок и говорит обиженно: «Что ж ты мне половину-то не оставил?» А Винни-Пух ему отвечает: — «Уйди, свинья, мне муторно!..»

Колесов улыбался вежливо, ну а Света хохотала громко и отчаянно, как и Ружин. Только смех ее чуть опаздывал. Как только Ружин начинал смеяться, тут и она подхватывала, там где Ружин, там и она...

Ружин отсмеялся наконец, встал, включил магнитофон — сладко запели итальянцы, — сказал:

— Я сейчас, — и пошел на кухню.

Он стоял у окна, курил, лицо усталое, темное. Он слышал, как вошла Света, краем глаза уловил, что она встала рядом.

— Я понимаю, что помочь вам ничем не могу, — тихо сказала она. — Но все же... Мне очень больно, когда вы смеетесь вот так...

Он повернулся все-таки. Она поймала его взгляд, смотрела долго, потом подняла руку, осторожно провела пальцем по щеке, сказала шепотом:

— Колется...

Ружин притянул ее к себе, прижал, потянулся губами к ее глазам и тут же тряхнул головой, сказал громко и весело:

— Значит, так, дети мои, а теперь я вас вновь покидаю до утра. У меня есть еще одно очень важное дело.

Света отстранилась, улыбнулась слабо, но ответила так же громко и так же весело:

— Мы будем вас ждать. Не забудьте, сбор в восемь ноль-ноль.

Колесов смотрел рассеянно, как Ружин топтался в коридоре, надевая куртку, приглаживая волосы, а когда Ружин за порог ступил, махнул рукой тихо.

Шоссе пустое, одна-две машины прошли навстречу, пока ехал, а сзади и вовсе никого не было, никто не спешил вслед, лишь темнота сзади вязкая, городские огни исчезли уже из виду. Высветился знак поворота, Ружин свернул налево, и теперь фары уперлись в знакомый уже дюжий щит «Запретная зона», через мгновение и щит шагнул в темноту. Ружин проехал еще с полсотни метров и погасил фары, остановился, чтобы глаза пообвыкли. Едва различимо проступила серая змейка дороги, можно ехать. Как только очертились контуры забора и дома за ним, притормозил, осторожно свернул в сторону, с хрустом въехал прямо в кустарник, остановился, выключил двигатель, открыл дверь, шепотом чертыхаясь, вытянув руки перед собой, выбрался из кустарника. Дальше направился пешком. Дойдя до забора, с полминуты стоял, прислушиваясь. Море и ветер, и больше ничего, и дом безмолвный, непроницаемый, ни огонька, будто брошенный.

— Так, — сказал Ружин, решившись, ухватился руками за кромку забора, подтянулся, перекинул ноги, спрыгнул бесшумно, помчался к дому стремительно, с разбегу вспрыгнул на карниз окна первого этажа, оттолкнулся от него энергично, уцепился за основание балкона,

секунды две висел, болтая ногами, затем сильным рывком закинул одну ногу на балкон, ухватился рукой за перила и вторую ногу закинул, а потом и весь через перила перевалился. Вовремя. Отчаянно, срываясь на хрип, залаяла собака, совсем рядом, за углом. А вот она уже и под балконом, ревет так, что стекла дрожат на балконной двери. Ружин постучался. Приложил руки к двери рупором, выкрикнул глухо:

— Марина, это я, Ружин. Открой! Она ведь сейчас балкон отгрызет! — Распахнулись шторы, за ними Марина, белое пятно лица, белые пальцы скользят по стеклу, никак не найдут задвижку. Ружин видит, как рот ее кривится от усилий.

— Зачем? — говорит себе Ружин тоскливо.

Но вот дверь открылась, с сухим треском, будто отклеилась, и Ружин проскользнул в комнату.

— Марина Сергеевна, — раздался встревоженный голос снизу, из-под балкона. — Что случилось?

— Господи, — простонал Ружин. — Она еще и разговаривает.

— Ты кретин! — процедила Марина. — Это сторож, — и, наполовину высунувшись из двери, прокричала: — Все в порядке, Валентин, просто душно стало, я балкон открыла, а Пальме что-то не понравилось. Все в порядке.

— Ну и слава богу, — отозвался Валентин и рявкнул на собаку: — Замолчи, дура, прибью!

И собака замолчала понятливо, кто его знает, может, и вправду прибьет.

— Ты ненормальный, — Марина прижалась спиной к двери, — или опять набрался...

— Даже в темноте ты красива, — сообщил Ружин. — И еще этот белый пеньюар.

— Голубой, — машинально поправила Марина.

— Это неважно, — заметил Ружин.

— Что ты хочешь?

За окном над забором загорелся фонарь, тускло, медленно. А потом они услышали, как сторож возвращался к дому, как выговаривал что-то собаке и как та ворчала в ответ.

— Тебя, — сказал Ружин, снимая куртку и вешая ее на стул.

— Раньше надо было этого хотеть, — усмехнулась Марина. — Опомнися.

— Я и раньше хотел, — Ружин остановился в двух шагах от женщины. В глазах его красновато отсвечивал фонарь.

— Не замечала, — Марина обхватила плечи руками. — Ты странно смотришь на меня. Почему ты так смотришь?!

— Конечно, не замечала, — Ружин сделал шаг. — А кого было замечать? Мента поганого, не очень денежного, скучного, не светского, не шикарного, вечно усталого?..

И Ружин сделал еще шаг.

— Не подходи! — Марина вжалась в стекло, вот-вот лопнет оно. — Я закричу!

— Ну а сейчас все в порядке, да? — Ружин протянул руку, погладил женщину по плечу, по груди. — Все как хотела, да?

— Я надену халат, — Марина осторожно ступила в сторону.

— Не надо, — сказал он.

Ружин удержал ее.

— Я же совсем голая, — тихо проговорила Марина.

— Не совсем, — не согласился Ружин. — На тебе пока пеньюар.

Он вдруг протянул руки и прижал женщину к себе.

— Уходи, — выдохнула Марина. — Сейчас приедет Копылов.

— Он не приедет, — мягко возразил Ружин. — Сегодня он улетел в Ленинград. Я знаю.

Он наклонил голову и поцеловал Марину. Она ответила.

— Как все плохо-то, Сереженька, — прошептала Марина. — Как все плохо...

Ружин протянул руку к тумбочке, пальцы наткнулись на ключи от машины, на записную книжку, на какие-то бумажки, наконец нащупали часы. Ружин попытался ухватить их в горсть, но они выскользнули из руки, упали на пол, клацнув коротко. Ружин чертыхнулся под нос, свесился с постели, стал шарить обеими руками по полу.

Рядом шевельнулась Марина.

— Что случилось? — сонно спросила она.

— Часы упали, — ответил Ружин.

— Нашел?

— Нет, — недовольно отозвался Ружин. — Как сгинули.

— Позвать собаку? — Марина зевнула.

— Не надо, — поспешно ответил Ружин. — Уже нашел. — И действительно, в этот миг пальцы коснулись часов.

— Сколько? — спросила Марина.

— Почти пять, — Ружин надел часы на руку.

— Я так и не заснула, — сказала Марина.

— Ты не одинока, — заверил ее Ружин.

— Ты придешь еще? — осторожно поинтересовалась Марина.

— Не знаю, — после паузы ответил Ружин. — Не знаю...

— По крайней мере честно...

— Мои слова, — усмехнулся Ружин.

— Что? — не поняла Марина.

— Ты все время употребляешь мои выражения.

— Ну, такое не забывается, — не скрывая иронии, произнесла Марина.

— Не злись, — попросил Ружин.

Свет фонаря шел скупой и зыбкий, и пыльный какой-то, а еще фонарь дрожал, от ветра, наверное, мелко-мелко, и казалось, все предметы в спальне шевелятся, и не просто шевелятся, а неотвратимо надвигаются на постель — и стулья, и кресла, и пуфики разномастные, и трельяж... Ружин тряхнул головой, но мебель все равно шевелилась. А потом открылась балконная дверь, медленно, плавно, будто кто тихонько подталкивал ее. Ружин приподнялся, глядяваясь. Марина обхватила его, прижалась, вздрагивая. Дверь захлопнулась рывком. Сквозняк.

— Я вчера был у Копылова, — заговорил Ружин. — Я сказал, что хочу работать на любой должности, в розыске. Это мое, понимаешь? Это единственное, что я умею и люблю делать. Это как наваждение. Где бы я ни был, тут же я вычленяю воров, фарцовщиков, наркоманов, гомиков... Я профессионал. Я устал без работы.

Марина убрала руку с его груди, села, подогнув колени и опершись на спинку кровати.

— И что Копылов? — скучно спросила она.

— Пообещал, что все решится положительно, — ответил Ружин и заметил с почти искренним воодушевлением: — Он совсем неплохой малый, твой муж. Мы с ним мило поболтали, умен, эрудирован, болеет за город... Вот так.

— Значит, следствие прекратят? — осведомилась Марина.

— Прекратят.

— И суда не будет?

— Не будет.

— И тебе не грозит пять лет?

— Не грозит.

— И забудется то, что ты был арестован за покушение на убийство Гарабова и просидел в тюрьме два месяца?

— Забудется.

— И все потому, что ты теперь будешь паинькой и опять станешь верно служить?

— Потому что буду опять верно... — Ружин осекся, проговорил зло, с нажимом: — Потому что хочу работать, потому что не могу без этой работы жить, потому что...

— Врешь, — усмешливо перебила его Марина. — И мне врешь, и себе врешь. Но я тебя понимаю. У тебя нет выбора. Понимаю.

— Чушь, чушь, чушь! — замотал головой Ружин. — Чушь! — он вскинулся с постели, стал одеваться, быстро, суетливо, из карманов со звоном сыпалась мелочь. — Потому что я хочу работать! — прерывисто дыша, говорил он: — Потому что я профессионал! Пусть они все, что угодно, делают там, наверху, а я буду ловить жуликов, уголовников. Понимаешь? Уголовников!

Он сорвал куртку со стула, ступил к окну, надевая ее на ходу; надевал нервно, дерганно, раза два промахнулся мимо рукава, на третий раз, разозлившись, втиснул кулак с такой силой, что материя затрещала, сопротивляясь. Привалился к балконной двери, стал вертеть ручки двумя руками, чтоб уж наверняка, и злился легкости, с какой они поддавались.

И тут опять услышал, как затрещала куртка на плечах, звук показался громким, долгим. Ружин нахмурился, замер, затем стремительно сорвал ее с себя, вывернул подкладкой наружу, принялся внимательно разглядывать ее сантиметр за сантиметром, когда добрался взглядом до шва вверху рукава, помял шов пальцами, нащупал что-то. Дырка. Надо же... Большая. Как же так? Он сморщился, обиженно поджал губы. Проговорил, не поднимая головы:

— Нитку с иглой...

Марина зашуршала за его спиной, а он все мял-мял шов пальцами и качал головой сокрушенно. Марина протянула ему иголку со вдетой уже ниткой.

— Что это? — спросил Ружин.

— Нитка с иглой, — тихо сказала Марина.

— Зачем? — удивился Ружин.

— Ты же просил, — Марина все еще тянула к нему руку.

— Не помню, — сказал Ружин, съездив лоб, — не помню...

Он не спеша надел куртку, подошел к балконной двери, легко распахнул ее, сделал еще шаг, перекинул ногу через перила балкона.

— Сережа! Не надо! — сдавливая крик, проговорила Марина. — Я же пошутила! Я не хочу одна! Я все время одна! Я не хочу! Не хочу! Не хочу!..

Она видела, как он добрался до забора, перемахнул его, как бесшумно бежал по низкому, слоисто стелющемуся над увядающей травой туману.

...Двери в автобусах уже закрылись, но машины пока не отъезжали, дымили скупо,

грелись, ждали команды. Вокруг каждого автобуса, а их было четыре, родители, друзья, невесты, жены. Обступили так, что казалось даже, когда сдвинутся машины с места, не пустят их, вцепятся в окна, колеса, впереди встанут и не разрешат дальше ехать, все знают, куда они едут, все знают...

Парни держатся достойно, браво улыбаются, острят, балабонят горласто из окон, в который раз руки жмут и своим, и незнакомым. Колесов тоже старался улыбаться широко и безмятежно. Ружин и Света видели его через стекло, он не вставал, не высовывался в опущенные фрамуги, просто сидел и улыбался, широко и безмятежно. И Ружин губы растягивал и беззаботное, веселое лицо делал, и Света тоже веселое лицо делала, только у нее плохо получалось, как у танцоров-любителей к концу долгого выступления.

Но вот команда. Вздогнули машины, заголосили люди, неожиданно тонко, безнадежно, — женщины. Один из офицеров яростно выругался в мегафон, и голоса стихли, присмирели люди, и вправду, не на похоронах же. Автобусы уехали. Стояли еще долго. Ружин и Света двинулись первыми. Двор призывного пункта был голым, чистым, серым и тоскливым, после отъезда машин это увиделось ясно, теперь хотелось скорей уйти отсюда.

— Ружин, Сергей! — услышал Ружин низкий голос за спиной. Обернулся. К ним спешил молодежавый белобрысый подполковник. Подойдя, он протянул руку, сказал радостно: — Сто лет тебя не видел. Как ты? Все обошлось?

— Нормально, — Ружин пожал плечами.

— Может быть, лучше было бы там, а? — подполковник нахмурился, внимательно вглядываясь в Ружина. — Кто знает, где найдешь, где потеряешь, а? Два раза тебе предлагали. Приехал бы героем.

— Наверное, — пробормотал Ружин.

— Я через неделю опять туда, — сказал подполковник. — Позвони. Приходи проводить...

— Обязательно, — кивнул Ружин. — Я позвоню. Обязательно.

Всю дорогу ехали молча, не смотрели друг на друга, будто разругались, а теперь вот поостыли, но не смирились, ждут, кто первый начнет, чтобы опять в крик, без причины, без злобы, а просто потому, что скверно, все, все не так, все против. Когда он случайно коснулся девушки, она вздрогнула, а он одновременно руку отдернул, словно током по пальцам шибануло, он пробормотал «Извините» или еще что-то в этом роде, а она и вовсе не ответила, только отодвинулась к двери ближе.

Ружин подрулил к подъезду, притормозил, выходить первым не стал, сидел, положив руки на руль.

— Я заберу вещи, — сказала Света, не глядя на него.

— Да-да, конечно, — согласился Ружин.

Они вышли, все так же молча вошли в подъезд, поднялись по лестнице. Ружин открыл дверь, пропустил девушку вперед, остановился на мгновение, прищурился, потянул воздух носом, шагнул вперед, мягко отстранил Свету, приложил палец к губам. Она, не понимая, насупила брови, хотела что-то сказать, но Ружин был быстрее, зажал ей рот ладонью, улыбнулся успокаивающе, другой рукой по волосам погладил, Света расправила лоб, потерлась непроизвольно об его руки. Ружин подмигнул ей, шагнул к двери в комнату, открыл ее. У окна на кресле сидела Лера, курила, ухоженная, яркая, в пестром коротком халатике, который намеренно не скрывал загорелых ног.

— Наконец-то, — сказала она, длинно улыбаясь. — Я чуть не заснула. А ты бродишь

где-то, ранняя пташка.

— Что случилось? — растерянно спросил Ружин.

— Ничего не случилось, — обиженно ответила Лера. — Ты забыл, как я люблю это утро, когда ты еще сонный, теплый?..

— Ой! — выдохнула за спиной Ружина Света. Ружин обреченно покачал головой, устало провел рукой по лицу.

— А это еще что за чудо? — Лера подалась вперед, притушила сигарету, встала, оглядела Свету, усмехнулась: — Переквалифицировался на детей или предпочитаешь теперь заниматься этим втроем? — она развязала пояс, встряхнула волосами. — Ну что ж, я согласна.

Она намеренно медленно стянула с плеч халатик, и он бесшумно упал у ее ног.

— Эффектно, — оценил Ружин и полез за сигаретами. — Но я вторую неделю полы не мою. Жалко вещь.

А потом он услышал дробный стук каблучков в коридоре, тяжелый удар входной двери, веселый невесомый звон цепочки.

— Дура! — искренне и со вкусом заявил он Лере и ринулся к двери.

Света была уже в конце улицы, когда он выскочил из подъезда, бежала, ссутулившись, прижав локотки к телу, каблуки то и дело соскальзывали, подгибались, и девушка, в испуге взмахивая руками, припадала то на одну ногу, то на другую. Ружин улыбнулся, по-молодецки присвистнул ей вдогонку и побежал следом.

— Стоп! — строго скомандовал он, оказавшись перед Светой, и предупреждающе вытянул руки. Она замедлила шаг, побрела обессиленная, опустив голову. — Чего ты испугалась? — спросил Ружин. — Никогда не видела женского тела? Оно точно такое же, как у тебя. Хотя нет, — поправил он себя. — У тебя в миллион раз лучше.

— Откуда вы знаете? — Света испуганно вскинула глаза. Ружин расхохотался. Света дернула плечом и пошла быстрее.

— Но я, наверное, опять не прав, — Ружин поравнялся с девушкой. — Ты ревнуешь.

— Ну вот еще! — фыркнула Света.

— Ревнуешь, ревнуешь, — подзадорил ее Ружин.

— Было бы к кому, — возмущилась Света. — К вашему сведению, у нее зубы вставные. — Она энергично тряхнула головой. — Вот так!

А Ружин снова расхохотался, весело ему было и хорошо, что вот так искренне она возмущается и встряхивает головой, как ретивая молодая лошадка.

— Да, да, да, — запальчиво проговорила Света. — Вот тут два и тут. — Она поднесла палец ко рту и показала, где у Леры вставлены зубы, и губы при этом свои нарочито широко растянула, чтобы Ружин мог видеть, какие у нее зубки ровные, гладенькие, и все свои, да еще головой повертела туда-сюда, смотри, мол, сравнивай.

Ружин хохотал, не останавливаясь, и повторял сквозь смех:

— Как заметила-то, а? Как заметила?!

Какое-то время Света смотрела на него насупленно, обиженно, а потом хмыкнула неожиданно для себя, потом руку ко рту поднесла, подступающий смех сдерживая, но поздно, вздрогнули плечи, и она засмеялась вслед за Ружиным, легко, без смущения, как давно не смеялась, как в детстве...

— Я хочу есть, — сказал Ружин, отнимая ладони от щек. — Я зверски хочу есть.

— И я хочу есть, — переводя дыхание, заявила Света. — Только еще зверистей.

— Как? Как? — не понял Ружин.

Они неторопливо шли по ресторанному залу, круглому, пустому, разноцветные скатерти, белые, голубые, красные, форсистые стулья, спинки круто выгнуты, ножки тощие, ниточки, как лапки пауэьи. Впереди метрдотель, в темном костюме с бордовой бабочкой, высокий, тонорукий, голова чуть назад откинута, вышагивает как манекенщик, вольно, слегка подпрыгивая, за ним Света озирается со скрытым любопытством, а за ними Ружин, руки в карманах, вид беспечный, но это напоказ, а самому не по себе, вроде как окрика ждет, мол, нельзя сюда, мол, кончилось твое время, в пельменной, мусорок, похаваешь... Но нет, вот остановился метрдотель, указал на стол, сказал вежливо:

— Пожалуйста. — И при этом во второй раз уже на Ружина внимательно посмотрел, глаза черные, словно подведенные, брови высокие, будто заново нарисованные, и оттого взгляд у метрдотеля печально-скорбный, как у Пьеро.

— Не узнаешь? — спросил Ружин, усаживаясь.

— Почему не узнаю? — легко откликнулся метрдотель. — Узнаю. Как не узнать. Гуляли славно, громко. Любимое место ваше было после «Солнечного». Так?

— Так, — кивнул Ружин. — Все верно ты говоришь. Про мои дела слышал?

— Болтали что-то.

— Мог бы и не пустить, — усмехнулся Ружин. — Почему пустил?

— Кто знает, как жизнь повернется, — философски заметил метрдотель. — Я в людях разбираюсь. Глаза у вас не потухшие, устремленные, на борьбу нацеленные.

Ружин удивленно вскинул брови, покрутил головой, хмыкнул.

— Пришли-ка официанта, — попросил он. — Я зверски хочу есть, а вот дама моя, — он кивнул на Свету, — еще зверистей.

— Что? Что? — наклонился метрдотель.

— А она не останется? Уйдет? — осторожно спросила Света, аккуратно отрезая кусочек мяса.

— Кто? — поинтересовался Ружин и разлил по фужерам минеральную воду.

— Ну эта, которая с зубами...

— А, — ухмыльнулся Ружин. — Конечно. Она же все поняла.

— Насовсем уйдет? — Света, не поднимая глаз, сосредоточенно кромсала мясо.

— Наверное, — Ружин пожал плечами. — А если и придет, мы ее не пустим.

— Мы... — растерянно повторила Света.

Ружин замер, фужер так и не донес до губ, но и смотрел он не на Свету, а куда-то за нее, поверх ее плеча, улыбался. Она медленно обернулась.

Сбоку от эстрады темнела дверь, маленькая, неприметная, и возле нее стоял Горохов, он придерживал дверь, чтобы она не закрылась, и что-то говорил неизвестно кому, тому, кто за этой самой дверью находился, говорил почтительно, тихо, чуть подавшись вперед, словно вышколенный официант в дорогом ресторане. Потом он мягко прикрыл дверь, повел плечами, распрямился и направился в зал, с ленцой, вразвалку, другой человек, раскованный, знающий себе цену, Ружин встал. Горохов уловил движение, повернулся в его сторону, застыл на полушаге, быстро обернулся назад, на дверь, потом по залу глазами пробежался цепко, профессионально и только после этого сотворил улыбку на лице,

приветливую, у з н а ю щ у ю. Ружин усмехнулся.

— Я рад тебя видеть, — сказал он.

— Я тоже, — бодренько отозвался Горохов.

— Не ври, — сказал Ружин. — Мне не надо врать. Я умный.

— Я помню, — кивнул Горохов. — Помню.

— И все равно я рад, — Ружин протянул руку. Горохов торопливо пожал ее. — Как ребята? Все живы? Здоровы?

— Да, — радостно ответил Горохов. — Все живы-здоровы.

— Ну и замечательно.

— Конечно. Это самое главное, когда все живы и здоровы...

— Я вот тут завтракаю. — Ружин махнул рукой за спину. — Давно не бывал.

— Да, здесь неплохо, — согласился Горохов. — Уютно. Кухня хорошая. Я вот тоже решил, дай, думаю, позавтракаю. Вкусно.

— Уже уходишь?

— Да не совсем, — поспешно откликнулся Горохов. — Еще кофе...

Ружин увидел, как неприметная дверка возле эстрады открылась и кто-то вышел из нее, двое. Ружин узнал Рудакова и прокурора Ситникова.

— Не будет тебе кофе, Горохов, — сообщил он.

Горохов оглянулся и опять превратился в вышколенного официанта, развернулся суетливо, плечи упали, подтаяли словно, голова вперед подалась, навстречу.

— Что с тобой? — искренне удивился Ружин.

Горохов вздрогнул, но не обернулся.

— Не знаю, Серега, — сказал он тихо. — Не знаю! Что-то случилось, а что и когда, не знаю. Жить, наверное, спокойно хочу. Два дня назад Рудаков стал начальником управления. Вот так.

— Как же это?.. — растерялся Ружин, он похлопал себя по карманам, ища сигареты, не нашел, деревянно повернулся, сделал шаг в сторону своего столика, не заметив стула, стоящего перед ним, споткнулся о ножку, не удержался и, вытянув руки, повалился на сервировочный столик, уставленный грудой тарелок и бокалов, тарелки посыпались на пол, раскальваясь с сухим треском, один за другим захлопали по паркету пузатые бокалы, и вилки потекли со стола, и ножи, — серебряный водопад.

— Кто это там? — поморщился Рудаков. — Ружин? Опять пьяный? Видите? — грустно сказал он прокурору. — Я был прав. Нечистоплотным людям не место в милиции.

Они неторопливо направились к выходу, сбоку мелко семенил Горохов и что-то вполголоса говорил, то и дело показывая рукой на Ружина, строгий, непримиримый.

...Ветер дул порывами, то вдруг закручивал яростно в невесомые воронки песочную пыль, тонко обсыпавшую смерзшийся уже пляжный песок, выдавливал снежно-белую пену «барашков» из черного морского нутра, и был он тогда холодным и злым, хлестал по лицу мокро и колко, впивался в глаза, мешал дышать, остро выстуживая ноздри, губы, и Света кричала тогда, отчаянно дергая Ружина за рукав: «Уйдем, уйдем! Мне холодно! Мне страшно! Я не хочу! Зачем?! Зачем?!»... То вдруг стихал мгновенно, разом, будто кто-то выключал его, не выдержав и в сердцах опустив рубильник, и оседала грустно песочная пыль, не дали ей порезвиться, покружиться вволю, и таяли «барашки», как льдинки под летним солнцем, и предметы вокруг приобретали ясные и четкие очертания, и цвет

приобретали, виделись уже объемными и весомыми, а не плоскими, прозрачными, как минуту назад, это свою природную прозрачность восстанавливал вычищенный влагой воздух...

Ружин сидел на песке и рассеянно с тихой полуулыбкой смотрел на море, Света рядом переминалась с ноги на ногу, озябшая, съезженная, теребила машинально его плечо, повторяла безнадежно: «Уйдем, уйдем...» Ружин посмотрел на часы.

— Они уже в аэропорту, — определил он. — Шутят, веселятся, громко, гораздо громче, чем обычно, тайком ловят взгляды друг друга, может, кому-то так же паршиво, как и мне, и я не один такой, трусливый и мерзкий выродок... Нет, вон у этого на миг потемнели глаза, и у того, и у того... Нет, не один, значит, я не самый худший, значит, это норма... и я с м о г у, и я с д е л а ю все, что потребуется. Надо! — Ружин потер руками лицо, посмотрел на ладони, мокрые, он усмехнулся, это всего лишь водяная пыль, море. — Помнишь того подполковника белобрового? Он правду сказал, мне два раза предлагали туда. И два раза я находил причины, чтобы не ехать. Не потому, что видел, что война эта зряшная. Боялся. Если бы ты знала, как долго и упорно я ломал голову, чтобы найти эти причины. Здесь на нож с улыбочкой шел, а туда боялся. Там шансов больше, понимаешь? Понимаешь? Я был бравым и смелым сыщиком, считал себя элегантным, красивым парнем, правда, правда, а когда меня арестовали и я попал в камеру, понял, что я вообще это играл только, играл и ничего больше, я дрожал как заяц, когда меня вызывали на допрос, я перестал бриться, мне было совершенно наплевать, как я выгляжу, мне, наоборот, хотелось быть маленьким, страшеньким, незаметным. — Он поднял глаза на Свету, усмешку, презрение ожидал увидеть на ее лице, но нет, она будто и не слышала его, по-прежнему подрагивают посеревшие ее губы, томится прежняя мольба в глазах, и бессильным голосом она повторяет: «Уйдем, мне холодно, холодно...» Ружин неожиданно рассмеялся, непринужденно, искренне: — А знаешь, чего я еще всегда боялся? Холода. Обыкновенного холода. Я всегда боялся простудиться, до чертиков боялся простудиться. Не пил холодную воду, где бы ни был, закрывал окна и двери, чтобы не было сквозняков, начинал купаться в море только в июне, а заканчивал в начале августа. Интересно, правда?

Ружин вдруг быстро встал, покопался карманах куртки, не глядя на девушку, протянул ей ключи, бросил отрывисто:

— Уходи!

— А ты? — потянулась к нему Света.

Он оттолкнул ее и крикнул, зажмурился:

— Уходи!

Света невольно попятилась назад, остановилась, растерянная, готовая заплакать.

— Я прошу тебя, — проговорил он, сдерживаясь. — Мне надо побыть одному.

Она сделала несколько шагов назад, потом повернулась к нему спиной, побрела, ссутулившись, вздрагивали плечи, длинный плащ путался в ногах. Ружин подождал, пока она отойдет подальше, скроется за деревьями, курил жадно, потом бросил сигарету, разделся, не суетясь, оставшись в плавках, пробежался до кромки воды, остановился на секунду, выдохнул шумно и ступил в воду.

Он плыл быстро и уверенно. Все дальше, дальше. Опять задул ветер, тот самый, злой и колкий, с готовностью вынырнули «барашки», понеслись неудержимо друг за другом. «Давай! Давай!» — вскрикивал Ружин, отфыркивался и, истово вспенивая вязкую воду, короткими сильными гребками толкал себя вперед.

Петух

.....

милицейская

небыль

Посреди улицы сидела кошка. На мостовой. Умывалась. Ночной туалет самый важный. Именно ночью и начинается настоящая кошачья жизнь. И поэтому с наступлением темноты надо быть особенно красивой.

Улица черная. Без огней. Но кошку видно. Потому что кошка белая. Крупная. С тяжелой круглой головой. С толстыми лапками. Трет мордочку лапками, жмурится, урчит, подрагивает от удовольствия, счастливая...

Из ближайшей подворотни неслышно вывалилась стая псов. Худые, нервные. С низко опущенными головами. Рысцой двинулись в сторону кошки. Остановились в нескольких метрах. Молчали. Скалились беззвучно. Кошка насторожилась, подняла мордочку. Два пса пошли влево, два — вправо, остальные продолжали стоять. Через несколько секунд все как один сорвались с места, не тявкают, не рычат, только щерятся слюняво.

Кошка метнулась в сторону. Поздно. Сгрудились собаки над ней и расступились тут же. Один из псов держал в зубах обвисшее безжизненное тельце. В глазах восторг. Взрыкнув, отшвырнул с силой кошку в сторону от себя, на тротуар. Сел на асфальт, гордо подняв голову. И остальные псы тоже сели. Поперек мостовой. Цепочкой. Ждут.

В начале улицы показалась машина. Ярко светили фары. Автомобиль низкий, бока блестят полировкой, стекла темные. Иномарка.

Фары высветили псов. Заголосил клаксон. А псы сидят как ни в чем не бывало. Зевают лениво. Машина подошла вплотную. Опять пробасил клаксон.

— Что они хотят? — спросил по-английски один из пассажиров, сидящий на переднем сиденье.

— Наверное, то же, что и все в этой стране, — тоже по-английски ответили с заднего сиденья. — Есть.

— У меня где-то были конфеты, — по-русски сообщил шофер. — «Маска». — Вынул конфеты из кармана, прошуршал бумажками, кинул конфеты в окно. Они рассыпались перед собаками, но те не шелохнулись.

Один из иностранцев выругался.

— Сейчас, — проговорил женский голос, опять-таки по-английски, зашелестели бумажки. — Итальянские помадки. Очень вкусные.

Махнула рукой в открытое окно.

Псы с алчным ревом кинулись на конфеты. Машина двинулась дальше.

— Суки! — выругался шофер.

— По-моему, это кобели, — на ломаном русском заметил пассажир, сидящий рядом.

Наконец выехали на освещенное место. Одноэтажное здание. Крыльцо. Лесенка. Над дверью светящиеся буквы: «Кафе «У камина.» КООП».

Разноцветно высвечиваются окна.

С трудом нашли место на стоянке. Машин много.

Вышли. Две женщины, двое мужчин. В вечерних туалетах. Улыбчивые. Сытые. Позвонили в звоночек. Дверь отворилась. Послышалась музыка. Громкая. Ритмичная. Молодой парень, стоящий в дверях, жестом пригласил иностранцев войти. Войти не успели. Расталкивая всех на пути, из кафе выбирался крепкий высокий малый с брезгливым рябоватым лицом. За собой он волок тонконогую девицу в коротком белом платье. Девица не сопротивлялась, напротив — хохотала весело и приплясывала на ходу в такт музыке. Увидев иностранцев, проговорила радостно:

— Ой, какие славненькие, — и, томно прикрыв глаза, ухватила одного из иностранцев за брючину между ног. Иностранец от неожиданности отпрянул назад, толкнул стоящую сзади свою даму, та в свою очередь толкнула двух других иностранцев, и те два других иностранца упали, и сама дама тоже не удержалась и упала, и тот иностранец, которого схватили за брючину, потеряв опору, тоже упал.

Девушка захохотала громче и опять стала приплясывать в такт доносившейся музыке.

Рябой малый с силой впихнул ее в белую «Волгу». Отдуваясь, уселся за руль. Девушка вцепилась в его плечо.

— Почему ты не захотел трахнуть меня в кафе?! — крикнула она. — Почему? Почему?..

Рябой сплюнул в окно и ничего не ответил.

Девушка терзала его плечо:

— Ты не хочешь меня? Не хочешь?

— Хочу, — сказал Рябой, сумрачно глядя перед собой. — Очень...

— Тогда сейчас, — выдохнула девушка и с привычной томностью зажмурила глаза. — Прямо здесь. В машине. Чтобы проходящие видели, как мы трахаемся!..

Она впиалась Рябому в губы — он и вздохнуть не успел. Просунула руку меж его ног, нашла под сиденьем рычажок, нажала его и толкнула Рябого назад. Спинка откинулась, а вместе с ней и Рябой. А вместе с Рябым и девушка. Падая, она успела еще зажечь свет в салоне. Шустрая.

— Ку-ку, — сказал кто-то, проходя.

— Хо-хо, — сказал кто-то, проходя.

— Да пошел ты на...! — сказал Рябой, с силой оттолкнул от себя девушку, с ревом поднялся и высунул кулак в открытое окно.

— Поехали ко мне, — сказал он, отдышавшись.

— Нет, — решительно заявила девушка. — Или здесь, или нигде.

— Тогда там, — малый махнул рукой в сторону темного проулка.

— Фу, — девушка скривила губы. — Там темно и пусто. И никто не увидит, как ты меня трахаешь... — Обиделась.

Рябой завел двигатель. Машина прыгнула с места, покатила к проулку. Рябой задом загнал машину в темноту. Она приткнулась к переднему бамперу мирно отдыхающего микроавтобуса-«рафика».

— Нас никто не увидит, — с тоской проговорила девушка, опять зажгла свет в салоне и стала стаскивать с себя платье.

В кабине «рафика» вдруг вспыхнул огонек. Зажигалка. Сидящий на месте водителя мужчина шумно втянул в себя сигаретный дым. Толстые щеки затвердели на секунду и мягко обвисли вновь. Не отрывая взгляда от светящегося салона «Волги», толстый протянул зажигалку другому мужчине, соседу по кабине. И тот в свою очередь тоже прикурил и, прикуривая, тоже во все глаза разглядывал «Волгу».

— Стыд, — наконец сказал толстый.

— Срам, — поддержал его сосед.

— Стыд и срам, — подытожил толстый.

Молчали. Курили прерывисто, быстро, будто в последний раз.

В квадратное окошко перегородки, отделяющей кабину от салона, просунулась чья-то голова. В зубах сигарета.

— Симуков, дай огню, — сказала голова. А потом голова уставилась на «Волгу». И

забыла про огонь. Напрочь.

— Чёй-то? — спросила удивленно. Догадалась: — Трахаются...

Втянулась опять в салон, проговорила с радостным возбуждением:

— Мужики, там в тачке мужик бабу...

Появилась вновь в окошке с биноклем, восхитилась:

— Ух ты!..

Задняя дверь автобуса открылась. Из салона выпрыгнули трое. Сухо клацнули бронежилеты, надетые поверх курток и пиджаков. На цыпочках подошли к «Волге», стояли, хихикали.

— Назад! — злобно шипел из окна «рафика» Симуков. — Назад, козлы!

Троица не слушалась. Кайфовали.

Симуков взял микрофон рации:

— Сто первый, — сказал он. — Как слышите?

Голос Симукова глухо прошелестел в салоне синих, а ночью и вовсе черных «жигулей», стоявших в соседнем переулке метрах в пятидесяти от автобуса.

— Да замечательно я тебя слышу, — без особого энтузиазма отозвался Вагин. Он сидел на переднем сиденье, рядом с водителем. На голове черная вязаная шапка, натянутая на самые глаза, на плечах кожаная куртка, короткая, блестит в отсветах неоновой рекламы, длинные ноги в кроссовках устало покоятся на передней панели, перед лобовым стеклом. Комфорт любит Вагин, везде и во всем. И спутники его тоже комфорт любят. Развалились на заднем сиденье, посвистывают, песенки мурлычат, а шофер, так тот вообще спит, сопит, всхрапывая то и дело...

— Тут такая, значит, штука, — шелестел Симуков. — Тачка перед нами. А в ней это... как ее... мужик с бабой трахаются...

— Сто пятый, — строго прервал его Вагин. — Не засоряйте эфир.

— Так я и говорю, — возмущенно продолжал Симуков. — Тачка эта нам выехать не даст, ежели чего... А мужик этот с бабой, ну так они тра...

Вагин хмыкнул и толкнул шофера в плечо.

— Подай чуток вперед, — сказал.

Машина тронулась, прошла несколько метров. Вагин увидел «Волгу» и автобус. Вынул из бардачка бинокль. Загляделся. Улыбался. Причмокивал.

— Эта, — подал голос Симуков. — Тут наши, того, в бинокли наладились глядеть, балдеют, онанисты, мать их!..

Вагин оторвал бинокль от глаз, построжал вновь, кинул бинокль обратно в бардачок, сказал в микрофон:

— Не засоряйте эфир, сто пятый, — помолчал. — Сейчас разберемся.

Открыл дверцу, ступил на тротуар, не спеша направился к «Волге».

Подошел. Посмотрел. Шикнул на троих в бронежилетах. Те тотчас убрались. Опять посмотрел. Покачал головой раздумчиво. И наконец постучал в стекло. Еще. И еще. Рябой оторвался от девицы. Рубашку он не снимал, брюк тоже. Транспортный вариант. Повернулся к Вагину, глаза остервенелые, губы мокрые, дыхание со свистом.

Открыл окно наполовину, рявкнул:

— Пошел на...!

Вагин улыбнулся ласково:

— Послушайте, дружище, — сказал он, — не могли бы вы поставить машину в другое место. Мой автобус, — он жестом показал в сторону «рафика», — не сможет выехать...

— Пошел на...! — проревел Рябой и замахнулся на Вагина.

— Вам, наверное, меня просто не слышно, — продолжал улыбаться Вагин. — Мы слишком далеко друг от друга.

Он быстро выставил вперед руку, ухватил Рябого за ухо и с силой подтянул его к себе. Рябой взвыл от боли. Кулак его судорожно долбил по рулю.

— Как ты смеешь, сволочь? — завопила девица и попыталась вцепиться Вагину в лицо. Вагин левой рукой ударил ее по щеке. Крепко. Девица отпрянула назад и замолкла испуганно.

— Теперь слышно? — в самое ухо Рябому нежно проворковал Вагин.

Рябой кивнул очумело.

Вагин отпустил его ухо, прошипел, озлясь вдруг:

— Пошел на...! — и в сердцах саданул ногой по автомобилю.

Нетвердыми руками Рябой завел двигатель и, не взглянув больше в сторону Вагина, с грохотом сорвался с места.

Вагин сунул руки в карманы джинсов и побрел обратно к своим «жигулям».

Иностранцы толпились у зеркала. В фойе. Разглядывали себя, пальцами друг на друга показывали и хохотали звонко и пронзительно. В полный голос. От души. Так, что номерки на свободных вешалках раскачивались и перекликались сухим и беспорядочным стуком. Пластмассовым...

У одной иностранной дамы платье в черной пыли, у другой и вовсе порвано — зацепилась за щепку на перилах, — нижнее белье белеет. У мужчин спины перепачканы и ягодицы, на лицах ссадины, волосы всклокочены.

Вокруг них малый, что при гардеробе, суетится, мягкой щеточкой их обмахивает. Иностранцы отбиваются от него и хохочут, хохочут... Хохоча и в зал двинулись. Зал небольшой, уютный. Много зеркал. Витражей. Пестро. Приглушенный свет. Красно-синий. Зал полон. Только один столик не занят. Переступив порог, трое иностранцев тотчас погасили смех, серьезные лица сотворили, а один, беловолосый, мелкоглазый, все никак остановиться не мог, на него шикали, за одежду его дергали, а он все никак. За столик сели. Официант подошел. Заказ принял. А беловолосый глядит на официанта и пуще прежнего распаляется. С соседних столиков на иностранцев настороженно поглядывают, бармен через стойку перегнулся, хмурится. Три музыканта вроде как даже медленней играть стали, иностранца смеющегося рассматривают. Иностранцам неловко за своего товарища, они вполголоса, воспитанно, пытаются его успокоить. Бесполезно. И тогда одна из дам, та, у которой нижнее белье белеет сквозь дыру на платье, хлопнула беловолосого по щеке. Сноровисто. Привычно. А тот, ну просто теперь закатывается. Тогда она выдернула пробку из бутылки шампанского и содержимое бутылки ему на голову вылила. Беловолосый умолк тотчас, замер испуганный, удивленно стал товарищей своих разглядывать. И вот тут-то второй иностранец захохотал. На беловолосого пальцем показывает, за живот держится и гогочет басисто, во весь зал. Дамы лица руками закрыли, сидят недвижимые.

...Музыка умолкла. Танцующие пары остановились, с явным сожалением, потянулись к своим столикам. Сели. Из-за столика, стоящего возле сцены, поднялся мужчина, высокий, с полными округлыми плечами. Длинноволосый, уса́тый. Ступил на сцену, склонился к

микрофону, проговорил негромко, улыбочиво:

— Внимание!.. Прошу всех посмотреть в сторону входной двери! — Все повернулись. Как один. Тихие вмиг. В зал влетел парень, что при гардеробе. Споткнулся, едва не упал. За ним не спеша вошел мужчина, тоже длинноволосый и тоже усатый. Спортивный. Худой. В руке пистолет, черный, громоздкий. Зал вздохнул и выдохнул. И снова ни звука. Слышно, как сковородки шипят на кухне.

— Теперь взгляните на дверь, ведущую в кухню, — сказал тот, что на сцене — Плечистый.

Дверь распахнулась, и в проем втиснулись испуганные повара. За ними шествовал мужчина с автоматом Калашникова в руках. Мужчина тоже был длинноволосый и усатый. Но в отличие от своих коллег-брюнетов — рыжий. Рыжий, рыжий, волосатый, убил дедушку... и так далее.

— А теперь посмотрите на меня, — попросил Плечистый и тоже вынул пистолет, тяжелый и длинный. — Все понятно?

Сидящие в зале кивнули утвердительно, мол, все понятно. Только иностранец все хохотал, показывал пальцем на вооруженных мужчин и хохотал. Особенно Рыжий его веселил.

— Ну замечательно, — одобрил Плечистый. — Теперь я пройду по залу и соберу деньги и драгоценности, которые вы сейчас положите на столики.

Спрыгнул со сцены и действительно пошел по залу.

— Отбивные горят, — сокрушенно покачал головой один из поваров. Чуть не заплакал...

— Все в цвет, — сказал Вагин, — не соврал нам стукачок-то наш. Они начали.

Зашипела рация.

— Сто первый, сто первый... Я вижу через окно, они согнали поваров в зал. У одного из них ОКМ, десантный.

— Это Клюев, — объяснил Вагин оперативникам. — Они там с Берцовым у окна кухни. Ну что, мужики, с богом!.. — Нажал пульт рации, проговорил, сдерживая возбуждение: — Я сто первый! Пошли!

Взвизгнул стартер «рафика», занял двигатель — жирно, мощно, ширкнули громко задние колеса, по асфальту разок-другой прокрутившись, и ринулась вперед машина, со свистом воздух пронзая.

Мгновение погодя и «жигули», в которых Вагин сидел, лихо с места слетели и тоже понеслись к кафе.

«Рафик» притормозил мертво у самого крыльца, двери кабины раскрылись, и из нее черными комьями стали вываливаться люди с боевыми автоматами в руках. Несколько человек к входной двери бросились, остальные побежали за угол, ко второму выходу, к окнам кухни.

С заднего сиденья «жигулей» выскочили оперативники с пистолетами, тоже помчались к кафе.

Все было сделано быстро и бесшумно, как на тренировке.

Вагин и шофер остались в машине. Курили.

Вагин выкинул окурок в окно, сплюнул вслед, махнул рукой.

И началось...

С треском и грохотом вылетела входная дверь. Зазвенело разбитое стекло за углом.

С двух входов, с главного и с кухни сотрудники милиции ворвались в зал. Двое-трое из работников заорали громко, зло, угрожающе: «Бросить оружие!.. Всем лечь! Быстро! Быстро! Брось пистолет! Башку снесу, сволочь!.. Всем лечь, вашу мать! Кому сказал!.. Убью! Убью! Брось пистолет!..»

Рыжего прижали к стенке, придавили горло стволом автомата, оружие выпало из его рук. Второй, что у входной двери — худой, — так растерялся, что и шелохнуться не успел, его сбили с ног, саданули прикладами пару раз по затылку. Плечистый успел-таки выстрелить, в бронежилет одному из сотрудников попал, того отбросило назад, упал он на пол матерясь — все в порядке, значит, раз матерится-то...

Второй раз усатый-волосатый выстрелить не успел. Пистолет из руки его вышибли, двинули прикладом по лбу, повалили наземь.

Разом тихо стало. Только иностранец продолжал хохотать. Лежал на полу лицом вниз и смеялся безудержно. Вздрагивал.

В зал не спеша вошел Вагин, снял вязаную шапку, длинные волосы закрыли лоб, уши, вынул сигарету изо рта, поискал глазами пепельницу, нашел на ближайшем столике, притушил окурок, сказал:

— Прошу всех посетителей подняться, — усмехнулся. — Уже можно.

Люди стали медленно вставать, отряхивались. Лица растерянные, испуганные.

— Я старший оперуполномоченный уголовного розыска города, капитан милиции Вагин, — продолжал Вагин. — Простите нас за вторжение, за неожиданность нашего появления, простите за то, что причинили вам беспокойство, но сами видите, это было необходимо. — Улыбнулся обаятельно. — Пока прошу не расходиться. Мы должны записать свидетельские показания. Спасибо.

Поклонился благодарно и направился в сторону сцены.

— Симуков, — позвал на ходу, — старших групп ко мне!..

Услышал шум в углу зала. Остановился. Посмотрел через плечо.

— Не трогайте меня! — срываясь на хрип, негодовала молодая женщина. Красное открытое платье. Темные волосы. Длинные. Большеголая. — Не тыкайте мне в грудь своей железкой! Она холодная!

— Да я... — пожал плечами работник милиции в бронежилете и неловко попытался убрать автомат за спину и, как нарочно, опять задел стволом женщину, мушка зацепилась за платье, платье затрещало.

— Да уберетесь вы, наконец!.. — вскрикнула женщина и со всей силой толкнула сотрудника в грудь двумя руками. От неожиданности тот отшатнулся назад и неуклюже повалился на стол. Посыпались на пол фужеры, тарелки, покатались бутылки...

Плечистому уже надели наручники на сведенные за спиной руки. Рыжему тоже. А Худому нацепить браслеты пока не успели. Оперативник склонился над Худым как раз в тот момент, когда большеголая красавица оттолкнула работника милиции в бронежилете... Худой, еще лежа, выхватил у сотрудника милиции пистолет из поясной кобуры, кобура оперативная, открытая, ловко вскочил на ноги, со всей силы ткнул милиционера головой в живот, тот завалился назад, непроизвольно взмахнув руками, будто собрался на спине по воздуху поплавать; за те доли секунды, пока сотрудник милиции падал и все вокруг стояли, замерев, растерянные, успел взвести курок, выпрямиться, развернуться в сторону сцены, где больше всего людей в бронежилетах скопилось, и выстрелить. Два раза. Один за другим.

Быстро. Почти без паузы. Бах! Бах!..

Обученные работники милиции ринулись на пол. С грохотом. Матерясь яростно...

Раскололись витражи на стене за сценой. Посыпались вниз разноцветные стекла, гулко забарабанили по дощатой сцене... Вагин поморщился, услышав выстрелы, чуть втянул голову в плечи, но не повалился наземь, как милиционеры в бронежилетах. Рука его метнулась автоматически под куртку, выдернула из-за пазухи пистолет. Вагин крикнул что-то нечленораздельное, только ему понятное, и нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел.

Худого отбросило назад. Он повалился на пол, звучно ударившись о паркет затылком. Из раны на шее слабо плеснула кровь.

— Педераст... твою мать! — прохрипел Вагин и медленно опустил оружие.

Забился в истеричном смехе иностранец. Заголосили женщины. Тонко. Громко...

Оперативники стали подниматься один за другим...

...На какие-то секунды о Плечистом забыли. Он вскочил на ноги. Одним прыжком забрался на сцену. Со сцены метнулся к двери кухни. Вагин увидел, что руки у него свободны. Браслет наручников блеснул только на левом запястье...

— Стоять, сука! Убью! — рявкнул Вагин и стремительно направил пистолет в сторону Плечистого. Поздно. Тот уже был за дверью.

Работники милиции рванулись вслед.

Иностранец хохотал.

Женщины голосили.

...Вагин спрыгнул с окна. Увидел Плечистого метрах в ста, в конце двора, у самой арки.

Две женщины с колясками стоят посреди двора.

Мальчишка — чуть в стороне от них — крепко прижимает к груди собачонку.

Застыли словно. Не шелохнутся.

Кто-то рядом с Вагиным взвел курок автомата.

— Не стрелять, — сказал Вагин негромко. — Люди.

К Вагину подбежал один из оперативников. Смуглый, губастый, волосы жесткие, вьются мелко. Почти негр.

— Начальник, разреши?! — выдохнул он. — Я возьму!

— Давай, Патрик Иванов, — кивнул Вагин.

— Пошли! — крикнул Патрик Иванов.

И работники милиции, грохоча каблуками, помчались вслед за ним.

Вагин подошел к Худому. Убит. Вагин наклонился. Присвистнул, снял с трупа парик, а затем, чуть помедлив, и усы оторвал.

— Так, — сказал Вагин. Поднялся быстро. Подошел к Рыжему. И с него парик сорвал и усы потом. Испуганное бледное лицо. Молодой. Ушастый. Пот на лбу. Вагин вынул пистолет. Поволок обезумевшего от страха Рыжего на кухню. На кухне опрокинул его на разделочный стол. Придавил стволом пистолета его нос. Больно.

Заорал:

— Кто? Фамилия? Имя?

— Хамченко... Олег... Нет! Нет!.. Я не хочу! Я только второй раз!.. Не стреляйте!

— Кто остальные?! — орал Вагин. — Кто?

— Не знаю! Я второй раз!..

— Кто?! — орал Вагин. — Кто?! — и давил стволом на нос. Давил, давил...

— Не знаю!.. Одного Птица зовут... Другого Пинцет... Не знаю! Мне звонил Птица! Он мне деньги давал! Сам меня находил!..

— Так, — сказал Вагин. Выпрямился. Потянул за собой обмякшего Рыжего-Хамченко.

— Где сидел? — спросил.

— В Усть-Каменске.

— Хулиганка?

— Да. Двести шестая, вторая.

— Птица из блатных?

— В законе. Три ходки. Сам рассказывал.

— Парик? Усы?

— Да. У него самого волосы короткие. Как у качков.

— Залетный? Местный?

— Местный. Первая ходка отсюда. Точно.

— Хорошо, — сказал Вагин и подтолкнул Рыжего к двери в зал.

Большеглазая красавица упиралась, когда ее сажали в машину, визжала, дубасила кулачками работников милиции. Один из работников завел ей руку за спину. Поднажал. Большеглазая красавица присела невольно, прохрипела что-то жалобное.

— Отставить! — сказал Вагин, спускаясь с крыльца. — Я сам.

— Из-за нее все, из-за сучки, — недобро проговорил Симуков. — Окуну ее в ИВС Пущай охолонется.

— Отставить, — с нажимом повторил Вагин. — Я сам.

— Ну-ну, — не стал спорить Симуков. Махнул работникам. Они отпустили женщину.

Мимо провели иностранца. Он хохотал, а из глаз лились слезы.

— Бедняга, — посочувствовал Симуков, — скучает, видать, по дому.

— Простите, — сказал Вагин женщине.

— Не прощу, — ответила женщина, расправляя свое короткое платье.

Вагин с удовольствием разглядывал ее тонкие ноги.

— Работа, — объяснил Вагин. — Кто-то должен.

— Я бы лучше деньги отдала с побрякушками, чем такое видеть! — Женщина откинула волосы назад, посмотрела на Вагина с неприязнью. — Садисты!.. Дерьмо!.. У него кровь из горла. Он же совсем мальчик!

— Успели заметить? — подивился Вагин.

Женщина не ответила. Дышала часто. Зло. Нетерпеливо постукивала длинным каблучком об асфальт.

Вагин какое-то время разглядывал женщину. Улыбался невольно. А потом тоже стал стучать об асфальт — одной ногой, другой, вроде как приплясывал. В такт рукой взмахивал, дирижируя.

— О, господи, — вздохнула женщина, но постукивать каблучком перестала, покачала головой: — Моя милиция... — И тут же осведомилась жестко, с вызовом: — Я могу идти или я арестована?

— Если б я только знал, — вдруг очень серьезно проговорил Вагин. От усердия даже брови насупил. — Что в этот вечер, в этом кафе, будете вы... Я бы никогда не посмел... я бы никогда не позволил себе сделать того, что сделал сегодня. Я бы воспротивился приказу, я бы воспротивился долгу, я бы воспротивился совести, я бы пошел под трибунал, я бы

получил срок, я бы сидел в студенной зловонной камере. Голодный, больной, искусанный крысами и надзирателями... И вспоминал бы вас... — Вагин горько усмехнулся. Очень горько. — И был бы счастлив...

Умолк, шмыгнув носом, потер пальцами глаза, попросил жалобно:

— У вас не найдется платочка?

— Что? — не поняла женщина. — А, да, да... — торопливо порылась в сумочке, обеспокоенная, протянула Вагину душистый платочек.

— Спасибо, — поблагодарил Вагин, поднес платочек к носу и неожиданно высморкался с пугающим грохотом. Потом еще.

Женщина вздрогнула.

Вагин аккуратно, старательно, высунув язык, сложил платочек, полюбовался своей работой и отшвырнул платок в сторону.

— Не отстирается, — объяснил деловито.

Большеглазая красавица пялилась какое-то время на Вагина оторопело. А потом платок уставилась. Нежный и одинокий. Покинутый. А потом опять на Вагина взгляд перевела. А потом опять на платок. А потом опять на... А потом хмыкнула, не сдержавшись, — плечи дрогнули. А потом еще. А потом расхохоталась в полный голос. Искренне, не стесняясь, зажмурился глаза, голову назад запрокинув, рот маленькой ладошкой прикрыв... Смеялась. На машину опершись, что позади нее стояла. Смеялась.

И Вагин ухмыльнулся довольный.

Шапку вязаную, черную аккуратно поправил, еще больше ее на глаза натянул. Почесал щеку. Опять ухмыльнулся.

Женщина отсмеялась, покрутила головой, видимо, сама себе удивляясь, посмотрела на Вагина с неожиданным интересом, сказала:

— Да снимите вы эту шапку дурацкую, наконец. Не идет она вам!

Вагин кивнул понятиливо. Тотчас стянул шапку с головы, швырнул ее на землю вслед за платком. Женщина усмехнулась. Спросила уже без прежней жесткости:

— Так вы не ответили на мой вопрос, я могу уйти или я арестована?

— Конечно, — ответил Вагин.

— Что «конечно»?

— Можете уйти.

— Так я ухожу, — женщина с подозрением смотрела на Вагина.

— Уходите, — пожал плечами Вагин.

— Ага, — сказала женщина и осторожно ступила в сторону. Повернулась, пошла медленно. Шаг, другой. Все быстрее, быстрее.

— Да, кстати, — Вагин щелкнул пальцами в воздухе.

Женщина остановилась вмиг. Застыла. Не оглядывается.

Около нее сотрудики ходят, переговариваются. Курят. А она стоит, не шевелится.

И в воздухе ни дуновения. Тепло. Сухо. Ночь.

— Кстати, — сказал Вагин, — уже поздно. Я провожу вас.

— Не надо, — ответила женщина. — Не надо.

— И все же, — Вагин неторопливо подошел к ней, легко коснулся ее плеча. Тонкое плечико напряглось. Затвердело.

— Не надо, — сказала женщина. — Не надо.

— И все же, — Вагин бережно повернул женщину к себе. Лицо ее непроницаемо. Глаза

опущены.

— Ваше право, — почти не разжимая пухлых мягких губ, проговорила женщина. — Вы сильнее.

— Да, — подтвердил Вагин. — Я сильнее.

Он повел ее к «Жигулям».

Милиционеры смотрели им вслед. Ухмылялись.

И Вагин ухмылялся. Радовался.

Или смущался...

Или притворялся...

Или...

И...

Политесно усадил даму, широким жестом открыв ей дверь, махнув рукой, кивнув, мигнув. Галантный.

Обошел автомобиль. А губы все кривятся в ухмылке.

Сесть за руль не успел. Калено ударили фары по глазам. Охнули тормоза. Вагин зажмурился, загородился рукой.

Хлопнула дверца подъехавшей автомашины.

Патрик Иванов ругался. Грубо. Очень грубо.

Фары выключил.

— Что? — всхрипнув вдруг, спросил Вагин.

— Ушел, сука! — Патрик Иванов яростно встряхнул мертво сжатым кулаком. — У него, видно, на соседней улице тачка была!.. Как в воду!.. Дерьмо!

Вагин упруго качнулся вперед, ухватил Патрика Иванова за ворот куртки, вскрикнув ожесточенно, зло, губы сломались, прижал оперативника к его автомобилю. Сильно. Голова Патрика Иванова откинулась назад. Он дышал тяжело, прерывисто.

Молчали.

Оба.

В глаза друг другу смотрели. Не отрываясь.

Вагин неожиданно сплюнул рядом с Патриком Ивановым — брезгливо — и наконец отпустил его.

Стоял какое-то время, лицо пальцами мял.

— Иди, — сдерживаясь, сказал потом Патрику Иванову.

Патрик Иванов побрел к своей машине.

Вагин быстро вернулся к крыльцу, поднял свою черную шапку, злясь, напялил ее на самые глаза. А потом и платок поднял, оглядевшись, сунул его в карман.

А милиционеры курили и ухмылялись.

Вагин вырулил со двора. Спросил:

— Куда?

— Днестровская, — ответила женщина.

— Хорошо, — сказал Вагин.

Город темный. Бездонные провалы окон. Кое-где за стеклами свет — изредка яркий, чаще — скупой, скорбный. Многоэтажные дома тяжело нависают над мостовой, давят ее с боков.

Женщина поежилась.

Вагин посмотрел на нее. Ничего не сказал. Опять перевел взгляд на дорогу. Слабо пожал плечами. А вот теперь и женщина взглянула на него. Смотрела долго. Потом улыбнулась тихо.

Женщина указала на дом. Вагин притормозил. Женщина взялась за ручку двери.

— Минуту, — сказал Вагин.

Повернул женщину к себе за плечи, склонился к ее лицу, потянулся к губам.

Она сморщилась, отвернулась, уперлась рукой ему в грудь.

Вагин откинулся на спинку своего сиденья. Выдохнул шумно. Покачал головой.

— Все? — спросила женщина.

Вместо ответа Вагин протянул ей пачку «Кэмела». Поколебавшись, женщина взяла сигарету. Закурили.

Молчали.

Вагин притушил сигарету в пепельнице. Усмехнулся. Стянул шапку с головы, кинул ее на заднее сиденье и снова склонился к женщине. Поцеловал в щеку, легко, нежно, в висок, в нос, приблизился к губам.... Женщина опять отвернулась, но без прежней уже решимости.

Вагин повернул ее лицо к себе. Впился в губы. Обнял крепко. И женщина ответила. Положила руки ему на плечи. Ласково погладила затылок. Левая рука Вагина коснулась ее колен, поползла выше под платье. Женщина вырвала губы, яростно отпихнула от себя Вагина, толкнула дверь, торопилась выбраться наружу, словно воздуха хотела ночного глотнуть — свежего — после тесных «жигулей», после жарких вагинских рук, после его тяжелого дыхания.

Торопилась.

Плащ цеплялся за что-то, мешал.

Тонкая ножка на длинном каблучке подогнулась, ступив на асфальт. И женщина чуть не упала. Чуть.

Вагин следил за каждым ее движением. Завороженный. То и дело глаза вздрагивали.

Мотнул головой. Выбрался тоже.

Женщина быстро шла к подъезду.

Вагин встал на ее пути, взял за руку.

— Нет, — сказала женщина, тряхнула рукой, сбросила его пальцы, обошла Вагина, ступила к подъезду.

Вагин двумя прыжками добрался до двери. Оперся спиной о нее.

— Вот это уже лишнее, — сказала женщина. — Меня ждет муж.

Вагин попробовал улыбнуться.

— Замужние женщины в одиночку в рестораны не ходят, — сказал он. Добавил: — В кооперативные.

— Позвольте, — женщина потянулась к двери.

— Познакомьте меня с мужем, — вдруг попросил Вагин. — А?

— Позвольте, — повторила женщина. Глаза воспалились. Влажные. Еще больше сделались. Ярче.

— Нет, правда, познакомьте. — Вагин дернул губами в ревнивой усмешке. — Правда, правда...

— Да уберетесь вы наконец! — туго выщедила женщина.

— Бред, — Вагин беспокойно провел пальцами по лбу. — По-моему, я уже люблю вас...

Неожиданно подался вперед, обхватил ладонями лицо женщины, притянул к себе, стал целовать, горячо, суетливо. Будто в первый раз.

Она кричала сдавленно. Отчаянно отбивалась. Молотила по нему кулачками. А он насытиться не мог. Не мог. Вывернулась все-таки, скользнула вниз из-под его сильных рук, выпрямилась, ударила со всего размаха его по уху, а потом еще по щеке — с тонким и коротким звоном, летящим. Пылающее лицо торжеством сияет.

Вагин опустил руки тотчас, закрыл глаза, открыл вновь, темный, потухший.

— Хорошо, — сказал.

Поднял руку, быстрым и ловким движением сорвал ремешок сумочки с плеча женщины, так что женщина и шевельнуться не успела, шагнул к машине, открыл сумочку, мягко желтым замочком щелкнув, вывалил все содержимое на капот машины, порылся в вещах, не торопясь, — ключи, ручки, записные книжки, карандашики, кошелек, косметичка, бумажки, справки, квитанции, паспорт. Паспорт.

Женщина стояла не двигаясь. Горбилась. Дергалась щека болезненно.

— Машева Анжелика Александровна, — прочитал Вагин. — Год рождения, место рождения... Отделение милиции... Серия... Номер... Адрес... Незамужем...

Смахнул вещи с капота обратно в сумочку, застегнул ее, обернулся, кинул сумочку в сторону Анжелики Александровны, большеглазой красавицы, та едва смогла поймать ее, почти у самой земли, выпрямилась, на лице слезы блеснули.

— Хорошо, — сказал Вагин, и, не глядя больше на женщину, сел в машину, завел двигатель, резво тронулся с низким воем.

Анжелика Александровна Машева, большеглазая красавица, стояла какое-то время, ссутулившись, невидяще глядя вслед уехавшей машине, а потом вдруг скорчила непотребную гримаску и крикнула громко:

— Мент понтырный!

Коридор узкий, без окон, двери по бокам, слева, справа. Плафоны с дневным светом горят через один — экономия, — да и те тусклые, синевато-серые, холодные.

По коридору быстро шел Вагин, руки в карманах, лицо недвижимое. Рядом Патрик Иванов, он то и дело обгоняет Вагина, в лицо заглядывает, пытается взгляд поймать.

А поймать трудно, потому что, во-первых, Вагин на Патрика Иванова и не смотрит, упорно перед собой глядит, а во-вторых, Патрику Иванову вообще сосредоточиться трудно — оперативники то в темноту окунаются, то на свет пыльный выныривают, то окунаются, то выныривают, то окунаются...

Патрик Иванов говорит:

— У этого, у здорового, у Птицы, браслет не защелкнулся, понимаешь? Кожу защемило, а ребята не заметили, а он это почувствовал, и когда лапищи-то рванул в разные стороны, браслет и слетел, понимаешь?.. Дай мне его повязать, дай, дай!.. Африканским своим папашкой клянусь, что повяжу, дай, дай!

Вагин, не отвечал, шагал себе, будто один он во всем коридоре. Вот замедлил шаг, а потом и вовсе остановился возле одной из дверей, толкнул ее, вошел и закрыл ее за собой перед самым носом у Патрика Иванова.

Патрик Иванов ощерился недобро. Стерильно белозубый. Выцедил:

— Ален Делон хренов!

Неспешно зашагал по коридору. Руки длинные, гибкие. Почти не двигаются в такт

шагам. Вроде как и не его они. Вроде как поносить взял.

По коридору навстречу два здоровых мужика — короткостриженные, в белых рубашках, в галстуках, с пистолетами в кобурах под мышками — волокли молодого крепкого парня. Губы у парня разбиты, в трещинах, из носа кровь стекает — две тонкие струйки, черные, блестящие, один глаз распух, закрыт, второй, наоборот, таращится изумленно, не моргает. Висит парень на руках у мужиков, обессиленный, ноги не идут — ползут по яркому веселому линолеуму.

— Он убил свою маму, — печально сообщил один из здоровяков, проходя мимо Патрика Иванова.

— И папу убил, — скорбно добавил второй. — И папу.

Глаза его отсырели. Сейчас заплачет.

И у Патрика Иванова тоже глаза сморщились. Повлажнели.

Патрик Иванов потер их кулаками, жестко, сдержал-таки слезу.

Молодец Патрик Иванов!

Окна в комнате зашторены. Полумрак. Желто светится небольшой экран. На экране мелькают носы, рты, волосы, бакенбарды, глаза, уши, подбородки, щеки, лбы, морщины, ямочки, складки, ресницы, брови, родинки, бородавки, усы, бороды, ноздри, зубы, переносицы. Лица.

— Что? — спросил Вагин, присев на подоконник.

— Не помню, — сказал Хамченко — он устроился на стуле перед экраном. — Не знаю. Не могу. Не умею. Не получается... Что-то с памятью моей стало, все что было не со мной, помню...

— Что? — Вагин повернул голову к серьезному пожилому мужчине в очках, стоящему у проектора.

— Мудозвон, — тотчас откликнулся, серьезный мужчина в очках. — Чистый мудозвон.

— Ага, — подтвердил морщинистый сержант, стоящий у двери. — Точно.

— Хорошо, — сказал Вагин.

Спрыгнул с подоконника, раздернул шторы, с сухим хрустом открыл оконные рамы, они задрожали стеклянно, повернулся, подошел к съезжившемуся вдруг Хамченко, взял его за шиворот, одной рукой потащил к окну — тот упирался, безуспешно отдирав от себя вагинскую руку, — повалил на подоконник, спросил вяло:

— Какой этаж?

— Четвертый... — с трудом выдавил из себя Хамченко.

— Городухин и сержант подтвердят, что ты прыгнул сам, — сказал Вагин, полуобернулся к Городухину: — Городухин, подтвердишь?

— А то! — с готовностью отозвался серьезный мужчина в очках.

— Сержант?! — спросил Вагин.

— Или! — лихо козырнул сержант.

— Давайте сначала, — предложил Хамченко.

И опять замелькали брови, носы, ямочки, уши, бороды, морщины...

— Вот, — Хамченко тыкал пальцем в экран. — Вот, — нервничал, боялся, что не поверят.

— Хорошо, — сказал Вагин, взял у Городухина наспех склеенный портрет и вышел из кабинета.

Шел по коридору, разглядывал портрет Плечистого-Птицы, улыбался удовлетворенно. Разглядывал и улыбался, разглядывал и улыбался...

Проходящие мимо сотрудники вертели пальцами у виска и строили страшные рожи.

Вагин открыл дверь в кабинет. Просторный. Светлый. На столах компьютеры. Гудят, мигают, пощелкивают. Будто живые. За тремя компьютерами три девушки.

— Я к тебе, — обратился Вагин к одной из них. Поколебавшись, добавил: — Оля...

Оля медленно повернулась на крутящемся кресле — кресло крутилось неслышно, мягко, маслено — посмотрела на Вагина внимательно. Стройная, худенькая, длинноглазая. В тонком легком платье, коротком. Сидит, скрестив ноги, и рассматривает Вагина, с головы до ног рассматривает, с ног до головы.

— Пора обедать, — заторопилась вдруг одна из девушек, полненькая, вся в сером, будто пыльная. У двери уже обернулась, со значением подмигнула Оле.

— Пора, мой друг, пора, — подтвердила вторая, не полненькая, но тоже вся в сером, будто пыльная.

— Я к тебе, — повторил Вагин, когда пыльные вышли.

— С вещами? — усмехнулась Оля.

— С вещами, — подтвердил Вагин.

— Правда? — подивилась Оля. — И где же они?

Встала, цокая длинными каблукками, прошла по кабинету, под один стол заглянула, под другой, стулья отодвинула, за шторой поискала. Встала, наконец, перед Вагиным, в глаза ему посмотрела, не скрывая иронии.

— Где? — спросила вновь.

— Вот, — Вагин протянул фоторобот.

— Это не вещи, Вагин, — вздохнула Оля, взяла портрет, села к компьютеру. — Это работа.

— Работа, — кивнул Вагин, опустился рядом на стул.

— Словесный портрет, — Оля протянула руку.

— Ах да, — Вагин вынул из кармана бумагу.

— Где он судился? — спросила Оля.

— Здесь, — сказал Вагин. — Иначе бы я не пришел.

— Иначе бы не пришел... — с усмешкой повторила Оля.

Оля нажала на клавиши. Компьютер радостно замерцал.

— Я давно тебя не видела, — сказала Оля.

— Я тоже, — сказал Вагин. Лениво посмотрел в окно. Там было лето.

— Что тоже? — спросила Оля. Пальцы ее продолжали скакать по клавишам.

— Давно тебя не видел, — объяснил Вагин.

— Это естественно, — с легким раздражением проговорила Оля. — Раз я тебя давно не видела, значит, и ты меня давно не видел...

— Ты думаешь? — Вагин зевнул.

Оля вдруг бросила компьютер и стремительно повернулась к Вагину.

— Вагин... — начала она.

— Что? — невинно спросил Вагин.

Оля какое-то время глядела на него молча, потом опять повернулась к аппарату,

ответила:

— Ничего...

Компьютер попискивал по-кошачьи.

— Ты не занят сегодня вечером? — спросила Оля.

— Занят, — ответил Вагин.

— А завтра?

— Тоже.

— Много работы?

— Я не люблю, когда от меня убегают, — сказал Вагин. — Не люблю.

— Я помню, — сказала Оля. — Ты найдешь его.

— Найду, — подтвердил Вагин.

— Ага! — неожиданно воскликнула Оля.

— Что? — Вагин резко поднялся, впился в экран.

— Сычев Леонид Владимирович, 1951 года, уроженец Перми, трижды судимый, тяжкие телесные, разбой, разбой, освобожден в июне прошлого года, номера уголовных дел... прежнее место прописки... Клички: Сыч, Филин, Птеродактиль, Птица.

— Хорошо, — сказал Вагин, выпрямился, улыбнулся.

— Значит вечерами ты занят? — спросила опять Оля. — Занят.

— А сейчас?.. — Оля запнулась на долю секунды. — А сейчас десять минут не найдешь для меня?

— Десять минут? — повторил Вагин рассеянно. — Найду.

Он говорил, а рука его уже тянулась к телефону.

— Гостиница? — проговорил он в трубку. — Кобелькова, пожалуйста, администратора.

Да...

Оля тем временем подошла к двери, заперла ее. Возвращаясь, на ходу сняла платье, осталась в маленьких трусиках, швырнула платье на стул, присела перед Вагиным на колени, стала расстегивать его джинсы, руки ее дрожали, не слушались, верхняя губа вздрагивала нетерпеливо.

— Леша, — говорил Вагин, — это я. Срочно. Сычев Леонид Владимирович. Откинулся прошлым летом. Разбой. Клички Птица, Птеродактиль, Филин, Сыч. Два дня сроку. Ищи. — Вагин осекся, вздрогнул, прикрыл глаза, проговорил тихо: — Ищи, Леша, ищи... — повесил трубку, опустил руку, погладил Олю по волосам, откинул голову назад, простонал тихо, лицо светлое, спокойное.

Квадратный зал ресторана. Небольшой. Столиков на десять. Все заняты. Красные стены. Фонтан. Струя тугая, шумная. На стойке бара телевизор. Видео. Поет Патриция Кас.

К стойке подходит Плечистый-Птица, опять в парике, опять с усами, решительно выключает телевизор, говорит громко:

— Внимание! Прошу всех посмотреть в сторону входной двери.

Все посмотрели. И посетители, и официанты. И метрдотель. И съездившийся за стойкой бармен. И даже сам Плечистый-Птица тоже посмотрел в сторону входной двери. Она резко и шумно отворилась, ударилась о стенку, загудела деревянно, отскочила от стенки, с размаху двинула по заду вошедшего уже в зал еще одного усатого-волосатого, тот не удержался, скакнул вперед, руки вытянув, чуть не упал, невысокий, ладный, хрупкий, удержался-таки, в маленькой кисти — длинноствольный пистолет, вздрагивает, тяжелый, крупнокалиберный.

Птица ухмыльнулся, продолжал:

— Теперь взгляните на дверь, ведущую в кухню...

Взглянули. Там потные поварахи с бледными дрожащими лицами, вот-вот в обморок рухнут, но пока стоят, друг за дружку держатся, за ними — третий усатый-волосатый, большеголовый, грузный, пыхтит с посвистом, устал... В руках обрез двустволки, курки взведены.

— Я не могу просто так сидеть и смотреть на все это, — сдерживаясь, вполголоса проговорил находившийся за одним из столиков черноволосый, аккуратно одетый мужчина. — Я не имею права просто так сидеть и смотреть...

— Нет, — сказала сидящая рядом женщина, накрыла своей рукой его сжатый белый кулак. — Нет...

— Я не могу, — повторял черноволосый мужчина — он тер пальцами висок. Что есть силы. Морщился. — Я не имею права... Я не могу... Я же работник милиции. Я же оперативник... Понимаешь?! Понимаешь?!

— Нет, — говорила женщина, искала его взгляд, моргала часто. — Нет, нет, нет...

— А теперь обратите взоры на меня, — весело сказал Плечистый-Птица и тоже вынул оружие — гладкий никелированный пистолет. — Все понятно?

Посетители энергично кивнули, мол, все понятно. Только черноволосый мужчина не кивнул, сидел, выпрямившись, внимательно разглядывал хрупкого налетчика, потом сказал женщине, невесело усмехнувшись:

— Справили рожденьице, мать твою!..

— Нет, — говорила женщина. — Нет, нет, — ее длинные алые ногти судорожно царапали его кулак, оставляя на нем четкие красно-белые борозды. — Нет...

— Я очень рад, что всем все понятно, — одобрил Птица. — Теперь я пройду по залу и соберу деньги и драгоценности, которые вы сейчас положите на столики.

— А хрен в задницу не хочешь, сука! — крикнул черноволосый и стремительно метнулся со стула в сторону хрупкого налетчика. Прыжок, другой... Черноволосый сшиб Хрупкого наземь, прижал коленом к полу руку с пистолетом, занес тяжелый круглый кулак над его головой.

— Не надо! — тонко завизжал Хрупкий. — Я боюсь! — замотал головой из стороны в сторону.

— Убери руки, — хрипло заорал Птица. — Убери руки! Убью! Убью!

Вытянул пистолет в сторону черноволосого, переступал с ноги на ногу, нервно, дерганно.

Черноволосый вдруг нахмурился, нагнулся над Хрупким, взгляделся ему в лицо, сорвал усы, выпрямился, ошарашенно взглянул на Птицу...

— Так это... — выговорил растерянно.

И только тогда Птица выстрелил.

Пуля попала черноволосому точно в переносицу. Его швырнуло назад, он рухнул на пол, тяжело, с глухим коротким стуком, выгнул спину на мгновенье, обмяк, замер.

Заголосила женщина, что сидела рядом с ним, повалилась грудью на стол, застучала кулачками по тарелкам, рюмкам, фужерам, руки мокрые от крови...

— Уходим! — закричал Птица. — Уходим быстро! — попятился к кухне.

За ним потянулся и Большоголовый.

— Стоять! — фальцетом выкрикнул Хрупкий. Он уже поднялся, уже опять нацепил усы,

стоял, безбровое лицо съезжено — не прошел еще испуг, — цепко оглядывал зал. Поднял руку с пистолетом, выстрелил в потолок. Посыпалась сверху белая пыль.

Хрупкий выкрикнул высоким голосом:

— Деньги и драгоценности на стол!

Посетители зашевелились, стали суетливо шарить по карманам, раскрыли сумочки, расстегнули кошельки, развернули портмоне.

Птица и Большоголовый переглянулись, нехотя вернулись в зал.

— Давай, милый, действуй, — устало сказал Хрупкий, сел на ближайший стул, закинул ногу на ногу, достал пачку сигарет «Марльборо», закурил, щурил левый глаз от дыма.

— Пожалуйста, пожалуйста, — со всех сторон к Птице тянулись руки с деньгами, с перстнями, с кулонами, с цепочками, с бусами, с ожерельями, с подвесками, с брошами, с заколками, с серьгами. — Пожалуйста...

* * *

Ворота были железные, тяжелые, и поэтому отворялись долго и с натугой. Створки расплзались нехотя, медленно и нудно скрипели. За воротами стоял хмурый милиционер, тер глаза, будто со сна, а за милиционером виднелся двор, и во дворе желтели милицейские машины-«газики», а за «газиками» блестели мытым стеклом большие двери, и на стекле было написано «Дежурная часть», а возле дверей стояли люди, и в штатском, и в милицейских мундирах, и все как один смотрели на ворота. Молчали. И не курили даже.

Наконец, ворота открылись, и во двор въехали два автобуса и пыльный грузовик с глухим фургонном — «воронка».

Из первого автобуса вышел Вагин. Он был в бронежилете, в руках держал десантный автомат. На лице пот, в зубах сигарета.

— Ну? — спросил один из стоявших у дверей офицеров — розовощекий, упитанный майор.

— Пятнадцать, — ответил Вагин, размял затекшие ноги, отшвырнул окурок в сторону. — Как минимум четверо в розыске. Остальных привязывать, будем. Кто-нибудь да опознает... Вымогатели, воры. Семь человек со стволами. На завтра надо выдернуть всех терпил. И «поджопных» тоже.

— Терпил-то мы вызовем, — согласился майор. — Конечно. Мы обязаны, — после паузы заговорил громче, внятней. — А что касается тех, заявления которых, как ты выражаешься, якобы подложены под мягкое место наших сотрудников, то есть сокрыты, этих не получится, потому что такое безобразие, как сокрытие заявлений граждан, в нашем подразделении не имеет место быть... — повернулся к офицерам, заметил с усмешечкой: — Без году неделя в управлении, а туда же, в командиры... Резвый!

Вагин, не торопясь, подошел к майору, ткнул ему в живот стволом автомата, сказал ласково, улыбаясь:

— И «поджопных» тоже!

— Хорошо, — кивнул майор, розоватость со щек пропала, появилась бледноватость. — Конечно...

Задержанных вытаскивали из автобусов, из «воронка», и, подталкивая в спину

прикладами автоматов, гнали бегом в «дежурку». Иногда кое-кто сопротивлялся и кричал примерно такие слова: «За что повязали, суки ментовские?! Требую прокурора, и адвоката, и иностранных журналистов!»

Таких били.

Не сильно, правда.

Для острастки.

Помогало...

Вагин стоял у деревянного барьера, за которым сидели дежурные офицеры, снимал бронежилет.

Неподалеку, тоже возле барьера, откатывали «пальцы» одному из задержанных, здоровому мордатому малому. Малый был весь в коже — брюки, куртка, галстук — модный. Склонив к плечу голову, он сонно наблюдал за милиционером, который возился с его руками.

Вагин снял, наконец, бронежилет, положил его на барьер рядом с автоматом, сказал офицеру, устало шевельнув пальцами:

— Принимай.

Малый повернулся в его сторону, усмехнулся, заметил негромко:

— Зря ты так, начальник, со мной. Несправедливо. Я сидел в симпатичном кабачке, выпивал, закусывал. Не грабил, не убивал. А ты меня в контору. Несправедливо. Я очень не люблю, когда несправедливо. Когда по справедливости, когда с «поличняком», тогда другое дело, а так... — малый осуждающе покачал головой, добавил грустно: — Пожалеешь, начальник, ох, пожалеешь...

— Ты кого пугаешь, шантрапа подзаборная? — не поворачиваясь к малому, очень учтиво и любезно проговорил Вагин. — Меня, офицера милиции? У тебя что-то случилось с головкой?! Да? — засмеялся. — Я сейчас приведу ее в порядок! Я умею!

Сказал и тотчас стремительно сорвался с места, цепко ухватил малого одной рукой за ворот, другой за волосы; рыча, свирепея, потащил его к решетчатой двери камеры, за которой, прижавшись друг к другу, теснились задержанные, ударил малого лицом о решетку — задержанные испуганно отпрянули от двери, охнув разом, потом ударил еще, еще...

Малый заныл тонко. Заголосили, оклемавшись, задержанные. Два милиционера повисли у Вагина на руках. Малый упал, выл по-собачьи, лицо в крови, черное.

Вагин одним движением сбросил милиционеров, подошел к двери камеры, выговорил ясно и четко:

— За убитого вчера старшего лейтенанта милиции Ходова я дал себе слово положить десятерых таких, как вы, — Вагин рукавом вытер пот с лица, сказал буднично: — И положу...

Он недолго постоял во дворе. Щурился на солнце, рассеянно наблюдал, как водители милицейских автобусов прибирали салоны машин. Курил без желания. Бросил сигарету. Поднял голову к солнцу. Глаза закрыты. Лицо ясное, мягкое. Потянувшись с удовольствием, как после доброй ночи, закинул руки за голову, вздохнул глубоко, медленно выдохнул... Открыл глаза, улыбнулся вяло, пробормотал едва слышно:

— Ну и что?

Она сидела возле самого его кабинета. На стуле. Не на стоявшем рядом удобном диванчике, а именно на стуле. На стуле она, конечно, выглядела строже и официальной, чем могла бы выглядеть на диванчике — это точно. Но все равно на нее смотрели — все, кто проходил по коридору, — и сотрудники, и посетители, и уборщица со шваброй и громыхающим ведром и легким матерком, и электрик с чемоданчиком, в кепке и с лампочками в карманах. Кто в упор смотрел, кто искоса поглядывал, а электрик, чтобы еще раз ею подивиться, даже из-за угла высунулся, одна лампочка у него выскользнула из кармана, упала, но, что интересно, не разбилась, а покатила по полу, по коридору, но электрик не пошел за ней, не поднял, застенялся. Патрик Иванов несколько раз туда-сюда прошествовал, сначала без всего, с пустыми руками, потом, суровый, прошагал, пистолетом пощелкивая, вроде как проверяя его исправность, и наконец с десантным автоматом пробежал. Однако ноль внимания. Она даже не подняла на него глаз. Сидела в своем узком белом костюме, ногу на ногу закинув, тесная юбка почти до середины бедер задралась — ноги тонкие, туфли на шпильках длинных, — курила «Марльборо», чуть сощурился длинный глаз, губы нежные, слегка вспухшие, как после сна, нет, как после сладкой истомы ночной, как после любви.

Как после любви.

Он замедлил шаг, когда ее увидел, но только на мгновение, а потом, наоборот, зашагал быстрее, и даже быстрее, чем следовало бы.

Анжелика Александровна Машева. Большеглазая красавица.

Она подняла глаза ему навстречу, улыбнулась скромно, отшвырнула сигарету за спину, сигарета, беспорядочно кувыркаясь, сделала дугу и упала точно в отверстие белой керамической урны, а вслед за сигаретой она кинула за спину смятую пачку дорогостоящих американских сигарет, которую до этого произвольно комкала в руках, и смятая пачка тоже описала дугу и тоже провалилась в черную дыру чисто вымытой недавно проходившей уборщицей урны. Из-за угла выглянул электрик в кепке и с лампочками в кармане и оценивающе покачал головой — он так не умел, а хотел бы, очень даже хотел бы.

Вагин остановился перед женщиной, смотрел, тер щеку пальцами, морщился, как от света резкого, наконец ступил к кабинету, распахнул дверь, жестом указал в глубь кабинета. Она встала, поправила костюм, не глядя на Вагина, переступила порог. Вагин закрыл дверь за собой, приблизился к столу, сел, женщина продолжала стоять, Вагин пошевелил губами, потом бровями, тоже встал, провел ладонями по волосам, вышел из-за стола, взял стул от стены, придвинул его к женщине, и только тогда она села, Вагин обошел ее, осторожно опустился в кресло, выдохнул, постучал пальцами по гладким, полированным подлокотникам, потом вынул из кармана ключи, повернулся к сейфу, открыл его, долго рылся там, залез с головой, шуршал бумагами, гремел пустыми бутылками, наконец выбрался из сейфа, улыбался, довольный, положил на стол перед женщиной конфету в затертой обертке «Маска». Женщина кивнула, развернула конфету, положила ее в рот, жевала, Вагин какое-то время с удовольствием смотрел, как она жует, потом с грохотом, от которого женщина вздрогнула, закрыл сейф, бросил ключи в карман куртки. Женщина дожевала конфету, щелкнула замком сумочки, извлекла оттуда новую пачку «Марльборо», вскрыла ее острым коготком, взяла одну сигарету, протянула пачку и зажигалку Вагину. Вагин тоже вынул из пачки сигарету, прикурил, а пачку и зажигалку положил в карман куртки, зажигалка и ключи от сейфа весело звякнули, встретившись друг с другом. А женщина так и осталась с незажженной сигаретой, она недоуменно уставилась на Вагина, а

Вагин тем временем сосредоточенно курил, пускал густой серый дым изо рта, из носа, на женщину не смотрел, смотрел рядом, смотрел мимо, на пустую стену напротив смотрел и поэтому не видел, как женщина высоко подняла брови, удивляясь, что он не дал ей зажигалку, чтобы она смогла прикурить. Тогда она встала, положила незажженную сигарету «Марльборо» в пепельницу, аккуратно вынула из пальцев Вагина — он не сопротивлялся — его почти докуренную сигарету и тоже положила ее в пепельницу. Осталась стоять. Вагин нахмурился, но тоже встал.

Разглядывали друг друга.

Разделенные столом письменным.

Будто не виделись никогда.

Разделенные столом чиновничьим.

Стол широкий, длинный-длинный. Для начальничьего кабинета.

В глазах радуга. Семь цветов. И у Вагина. И у женщины. Яркие до боли.

Разделенные столом...

Она подалась чуть вперед. Губы разомкнула. Влажные. Теплые. И он наклонился.

Глотал слюну часто-часто, с трудом дыхание сдерживал.

Глаза у нее взбухли вдруг. Будто заплачет сейчас.

Еще немного, еще чуть-чуть, последний дюйм он трудный самый...

Коснулись губы друг друга. Легко. Пухово. Невесомо.

Как в сказке.

В жизни так не бывает.

Хоть застрелись из пистолета Макарова.

Но вот вздрогнули губы — и у него, и у нее, — разомкнулись, затрепетали обеспокоенно...

Это стук в дверь их вспугнул, настойчивый и громкий.

Взлетели губы и опустились тотчас по разные стороны стола.

Разделенные столом милицейским...

— Ну?! — только и сумел выдохнуть Вагин.

Дверь заскользила бесшумно на ухоженных петлях. Открываясь.

На пороге — Оля, та самая, что из информационного центра, та самая, что с компьютером на пару Вагину фамилию злодея отыскала, та самая, что в коротком платице и ничего из себя. Одна рука ее в дверной косяк уперлась, другая — в упругое бедро. Оля окинула взглядом посетительницу вагинского кабинета, усмехнулась едва заметно уголком розово-помадно-скользко-блестящих губ, мол, что это такое тут сидит. ЧТО ЭТО ТАКОЕ тут сидит? И пошла, покачиваясь на стройных ножках, к вагинскому столу, села на уголок, спиной к посетительнице, склонилась к лицу Вагина, открыла рот, чтобы сказать что-то, Вагин остановил ее жестом, повернулся к женщине, проговорил с трудом, предварительно откашлявшись тщательно:

— Вы простите, — опять откашлялся, — Анжелика...

— Лика, — с готовностью подсказала женщина. — Просто Лика. Для вас...

— Простите, — повторил Вагин. — Ну? — поднял лицо к симпатичной Оле.

Зашептала что-то Оля скороговоркой ему на ухо. Вагин кривил брови, вслушиваясь, кривил щеки, кривил лоб.

— Ну и что? — спросил, так ничего и не поняв.

Оля выпрямилась, потянулась сладко, выгнула спину, чтобы Вагин, а может, и не только

Вагин грудь ее разглядеть сумел — очень трудно было эту грудь разглядеть — очень она крупная и очень тяжелая, — произнесла томно:

— Ну хорошо. Потом.

Вышла, гарцуя. Славная.

Дверь закрылась особенно нежно, и особенно мягко, и особенно бережно, и особенно бесшумно, будто и не было этой самой двери, а вместо нее болтался на смазанных петлях толстенький матрасик от полутораспальной кровати.

Так выражала симпатичная Оля свою радость по поводу появления в кабинете старшего оперуполномоченного уголовного розыска управления внутренних дел города, капитана милиции Вагина А. Н., большеглазой женщины по имени Лика.

Славная.

Так вот, как только закрылась дверь, Вагин встал нетерпеливо, не отрывал глаз от Лики, и даже не моргал. Так-то.

И Лика поднялась, через мгновение после него, через долю мгновения, через тысячную долю мгновения.

И опять коснулись друг друга их губы.

Разделенные столом оперуполномоченным...

Вагин взял женщину за плечи, крепко. Цепко. Надежно.

Держал.

Целовал беспощадно.

Захлебывался.

Как тогда, в пятнадцать лет, под Одессой, в Коблеве, на пляже, ночью, тоненькую девочку по имени Марита.

...Или Карина.

...Или Лолита, ну да бог с ним, с именем...

Главное, все повторилось!

Волшебство.

Хоть застрели из пистолета Макарова.

Лика закинула одно колено на стол, затем второе, затем третье... нет, насчет третьего это, пожалуй, перебор, приблизилась вплотную к Вагину, еще сильнее впиалась в его жадный рот, непроизвольно навалилась ладным тельцем своим на него. Он не удержался, рухнул вместе с Ликой в кресло, и кресло не удержалось и рухнуло вместе с ними на пол...

Они лежали на полу рядом с креслом и хохотали безудержно, будто не было Жизни, будто не было Смерти.

Из кабинета вышли серьезные, строгие. Друг на друга не глядели. Вагин запер кабинет, и они зашагали по коридору, быстро и деловито. Чуть впереди плохо сосредоточенная Лика, чуть позади хмуровато-рассеянный Вагин.

У окна курила Оля.

У окна курила Оля.

У окна курила Оля.

Уже у самых входных дверей, у дежурки, Лика коснулась руки Вагина, сказала:

— Я сейчас...

Вернулась туда, где курила Оля. Подошла вплотную, проговорила тихо, с явным сочувствием:

— Он не любит небритых женщин.

— Что? — Оля непроизвольно вскинула руку к лицу, провела по щеке.

— Не любит, — вздохнула Лика, повернулась, пошла обратно, едва сдерживала смех.

Оля растерянно трогала подбородок, шею...

«Жигули» неслись по городу. Вылетали на встречную полосу, ныряли под красный светофор, с бешеной скоростью проскакивали перекрестки.

Офицеры ГАИ отдавали им честь.

Они мчались по широкому загородному шоссе. Солнце слепило. Ветер пьянил. Лика слепила. Лика пьянила...

Оля стояла перед зеркалом в туалете. Почти голая. В узких белых трусиках. Скомканная одежда — на полу. Нервно разглядывала себя со всех сторон. Сейчас заплачет, бормотала обиженно:

— Ну где небритая? Ну где небритая?

А в конце пути была гостиница. Называлась она «Сосновый бор». И она действительно находилась в сосновом бору. Так что те, кто ее так назвал, нисколько не покривили душой, когда придумывали название. Хотя, конечно, могли ведь по невежественности своей назвать гостиницу и «Еловый бор», или там «Пихтовый бор», или того хлеще «Березовая роща», а нет, молодцы все-таки оказались, видно, посоветовались со специалистом-биологом, видно, на место его вывозили, консультировались, какой же это все-таки бор, а он им раз так, сходу, и заявил, специалист как-никак, разбирается, мол, сосновый это бор, а не пихтовый, не кедровый, не еловый и даже, хлеще того, не березовая роща...

Вот так и называли эту гостиницу «Сосновый бор».

Была она маленькая, уютная. Четыре этажа. Просторные широкие окна. Стекла чистые, прозрачные, как воздух, разноцветные занавески, в каждом окне разные, горшочки с домашними растениями на подоконниках.

Впрочем, все, как в любой советской гостинице.

Перед входом, во дворе сверкают на солнце идеальной полировкой нерусские машины, и даже не грузинские, и даже не узбекские. Неплохие машины...

Вагин миновал низкие воротца. Ехал, лавируя меж нерусских машин. Навстречу ему спешил высокий мужчина в черном костюме, с маленькой аккуратной бабочкой у горла. Подошел. Загорелый. Улыбчивый. Пожал руку Вагину, воспитанно коснулся руки Лики, поклонившись, жестом позвал гостей за собой. Двинулся обратно к гостинице. Лика и Вагин — за ним. Держатся за руки. Как дети. Как в детском саду на прогулке.

Швейцар им поклонился. Портье привстал, приветственно помахал рукой, лифтер поднял над головой сжатые замком ладошки — мир, дружба, пхай, пхай... Люди, что были в фойе, провожали их внимательными взглядами. Кто они такие, эти двое? Откуда? Зачем?

Человек с бабочкой остановился перед высокими стеклянными дверями. Улыбался загадочно. И вот торжественно взмахнул руками, как дирижер перед оркестром, и опустил их плавно, и бесшумно открылись двери, и тотчас заиграла музыка — скрипки — и Вагин с Ликой переступили порог и попали в снежное царство: белые столы, белый потолок, белый пол, белые занавески, белые столики, белые стулья, белые тарелки, рюмки и фужеры словно изо льда, и белые цветы, и белые скрипки в руках музыкантов, и белые музыканты, и белые

официанты...

Только один метрдотель в черном. Так положено. Его должны видеть.

Все.

— Какой столик желаете? — спросил он Лику и Вагина. Склонился к Лике, добавил вполголоса: — Любой к вашим услугам. Они все заняты вами.

— Какой столик желаете? — тихо-тихо повторило эхо.

— Какой столик желаете? — подхватили официанты.

Лица зажмурилась, крепче сжала руку Вагину, улыбалась безмятежно, открыла, наконец, глаза — светящиеся, — показала на столик у окна.

Засуетились официанты, отодвинули стулья, смахнули с них невидимую пыль, усадили бережно единственных своих гостей, заспешили на кухню.

К скрипкам подключился рояль, незаметно, легко, и слышно было, что они очень любят друг друга, скрипки и рояль.

Шипело шампанское в льдисто-хрустальных бокалах, в сахарно-фарфоровых вазах сверкал изумрудом влажный виноград, розово светились бархатные персики, кровью отливала спелая вишня.

Лица поцеловала ладонь, коснулась ею щеки Вагина.

Смотрела на него. С Восторгом. И Болью. С Желаньем. И Страхом.

Неужели правда? Неужели сказка сбылась?

Этого не может быть.

Этого не может быть.

Хоть застрели из пистолета Макарова.

Вагин не отпускает ее руку, целует, гладит ею свою щеку, губы, глаза.

Одна бутылка шампанского уже выпита и унесена, на столе появляется другая, и снова шипит вино в бокалах.

А закуска так и не тронута.

Рдеют помидоры, масляно блестит икра, манит осетрина, и прочая, и прочая, и прочая...

Нежатся в музыке скрипки с роялем.

Черный метрдотель склоняется к самому уху Вагина, прикладывает руку к груди, что-то быстро показывая на дверь. Вагин не слышит поначалу, что ему говорит этот назойливый человек, он купается в ЕЕ глазах. Потом морщится, начинает что-то понимать, кивает согласно.

За стеклянными дверями, в фойе, толпится народ. Женщины, мужчины. Много иностранцев. Еще больше наших. Не иностранцев. Судя по виду, это фарцовщики, проститутки, рэкетеры, мошенники, воры, грабители, просто спекулянты и другие странные личности жуликовато-чиновничьего вида.

Они галдят. Грязно ругаются. По-русски и по-английски, и на других разных языках, кто какой знает, стучат кулаками в стеклянные двери и вообще ведут себя неприлично.

Лица и Вагин поднялись — и снова рука в руке — пошли за метрдотелем в сторону второго выхода.

Двери, наконец, открыли. Толпа с гиканьем ворвалась в зал. Два официанта были сбиты с ног. Несколько столиков опрокинуты. Побиты тарелки, рюмки и фужеры. Ну а в целом все обошлось благополучно.

Уже ночь. Уже светят звезды. Много звезд. Завтра будет славный день. Они лежали на

траве и смотрели на небо. Долго смотрели. Так долго, что официант, который стоял неподалеку от них возле черного входа в ресторан, устал держать поднос с шампанским и, плюнув на приличия, поставил поднос на землю и закурил.

Вагин повернулся к Лике, погладил ее лицо, поцеловал, прижал ее к себе, целовал сильнее, задышался, ладонь его поползла по ноге женщины. Выше, выше... Она вскрикнула, не сдержавшись.

— Погодь, — проговорил кто-то неподалеку. — Давай поглядим. Ща он ее трахать будет, — говорил с трудом. Язык тяжелый.

Вагин, раздраженный, приподнялся на локте. За оградой стояли два мужика в расстегнутых белых рубашках и пялились на Вагина и Лику.

— Не-а, — сказал второй, — не будут.

— Будут, — настаивал на своем первый. — Я бы точно стал, — икнул.

Вагин вынул пистолет и стал угрожающе подниматься.

— Ааааа! — заголосили мужики и, спотыкаясь, убежали.

— Ха-ха-ха! — посмеялся официант и закурил еще одну сигарету.

Вагин сплюнул, сумрачный, недовольный, убрал пистолет, подал руку женщине.

Просторный гостиничный номер. Огромная кровать. Два толстых кресла. И повсюду свечи. Повсюду. На столике, на тумбочках, на шкафу, на телевизоре, на подоконнике. И все горят. Все. Вагин обнял женщину, расстегнул жакет на ней, коснулся ее груди, снял жакет, осторожно, медленно, прошуршал молнией юбки. Женщина осталась в одних белоснежных крохотных трусиках...

За стеной кто-то застонал, громко, со сладкой истомой — женщина, потом проревел что-то мужчина, заняла кровать.

Вагин скривился, злясь, оскалился, выдернул из кобуры пистолет, шагнул к двери. Лика повисла на нем. Смеялась.

...Она опять не сдержалась, закричала, когда он вошел в нее. За стеной тотчас замолкли.

Слушали.

Пусть.

Не надо стесняться радости.

— Я люблю тебя, — сказал он потом.

— Я люблю тебя, — сказала она потом.

I love you. Je t'aime. Ti amo. Ich liebe dich. Uo te quieao.

Блеклый день. Будто пыль в воздухе клубится. Невесомо. Никак не осядет.

Машина стояла у тротуара.

По тротуару шли люди. Много людей. Очень. Тротуар был для них тесен. Они задевали друг друга плечами, руками, а некоторые даже умудрялись задевать друг друга и ногами. Поэтому самые нетерпеливые, а может быть, самые умные, спрыгивали с тротуара и шли по мостовой. А по мостовой ехали автомобили. Много автомобилей, хотя, конечно, меньше, чем людей на тротуаре. И эти самые автомобили иногда задевали людей, идущих по мостовой, и тогда самые нетерпеливые из людей, а может быть, и самые умные, вскакивали на тротуар и, помогая себе плечами, руками и ногами, решительно втискивались в плотный поток себе подобных... Они задевали друг друга руками, плечами, и даже ногами, и поэтому

самые нетерпеливые из них, а может быть, самые умные, прыгивали с тротуара и шли по мостовой...

Машина стояла у тротуара.

За рулем был Вагин. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, а ноги его располагались на передней панели, по обе стороны от руля. Так ему было удобно. Он вообще всегда стремился к тому, чтобы ему было удобно, и этим, в частности, отличался от подавляющего большинства людей, которые стремятся, чтобы им было неудобно.

Вот такой был Вагин. Вот такой был. Вот такой. Вот.

...Салон был до отказа набит сладкоголосым Томом Джонсом. Вагин слушал магнитофон. Громко. Семидесятые годы. «Естердей».

Смотрел в одну точку перед машиной. Рассеянно. Стеклянно. Сигарета приклеилась к губе, висела невостребованно, слабо дымилась...

А потом Вагин резко поднял руки, сдвинул ладонями голову, съежил лицо, зажмурился, простонал коротко, стремительно выхватил из магнитофона кассету, с силой вышвырнул ее в окно. Чье-то равнодушное колесо наехало на кассету. Она хрустнула пластмассово. А Вагин оскалился, довольный, сказал:

— Ха!

В стекло кабины постучали легонько, ногтем. Вагин повернулся к тротуару, в окно заглядывал мужчина лет тридцати, весь джинсовый, в жокейской кепочке с длинным козырьком. Вагин открыл дверь, мужчина сел, сказал без особой радости:

— Привет.

— Здравствуй, Кобельков, — ответил Вагин, завел двигатель, тронулся с места.

— Отчего так официально? — спросил Кобельков, посмотрел на себя в зеркальце заднего вида, натянул кепку поглубже.

— Нравится мне твоя фамилия, Леша. — Вагин ловко влился в автомобильный поток. — Я бы с удовольствием и даже с гордостью носил бы такую фамилию. Она отражает нашу с тобой сущность.

— Это точно, — согласился Кобельков. — Ты кобелек знатный.

— Да и ты не промах, — весело отозвался Вагин. — Есть две вещи, ради которых стоит жить. Это работа и женщины.

— И справедливость, — добавил Кобельков.

— Несколько не из того смыслового ряда, — усмехнулся Вагин. — Но в общем верно.

— Справедливость — это месть, — веско заметил Кобельков. — Так что из того ряда. Работа, женщины, месть.

Вагин неожиданно затормозил. Машина замерла посреди мостовой. Автомобили загудели сзади, из окон высовывались водители, матерились.

Вагин повернулся к Кобелькову, посмотрел на него внимательно, поискал что-то в лице его, неизвестно, нашел или нет, да неизвестно, что и искал-то, проговорил тихо:

— Справедливость — это месть. Верно.

Взялся снова за руль, включил передачу, поехал. Разогнался. Летел на сумасшедшей скорости. Смотрел вперед, хмурился туго, на скулах вдруг бугорки вспухли, побелели, руки крепко руль держали, очень крепко, пальцы словно высохли.

С трудом отклеил ладони от руля, стер тонкий слой пота со лба, выговорил жестко:

— Но месть — не всегда справедливость! — и крикнул вдруг, не сдержавшись: — Мсть — не всегда справедливость! Ты понял?! Понял?!

— Конечно, конечно, — опасливо косясь на Вагина, закивал Кобельков. — Конечно...

Вагин сбросил скорость, вздохнул, выдохнул с шумом, морщась, потер рукой грудь, успокаиваясь, спросил коротко:

— Ну?

— Есть человек, который может вывести на Птицу, — начал Кобельков.

— Кто?

— Лева Дротик.

— Слышал про него. Наркота?

— Наркота, — кивнул Кобельков. — Но не только. Он помогает Птице сбывать рыжье и камни.

— Хорошо, — одобрил Вагин. — Что на него?

Кобельков вздохнул горестно:

— Лучших дружков тебе отдаю...

— Ну, ну! — торопил его Вагин.

— Завтра Дротик принимает товар. Гастрольная команда из Харькова сдает. Героин.

— Когда? Где?

— В «Северном», часов в восемь.

— Почему в кабаке? Почему не на хате?

— Харьковские боятся, что Дротик их обует, стволы, каратисты, то, се... В кабаке безопасней. Народ. Менты. Да и оглядеться можно.

— Хорошо, — сказал Вагин.

Кобельков снова вздохнул.

— Ну что еще? — Вагин полуобернулся к Кобелькову.

— Ты его будешь брать?

— Непременно.

— Плакала моя доля... — запечалился Кобельков, пропел грустно: — Ах мой белый порошок, сладкие часочки...

— Много? — спросил Вагин.

— Тебе года на три роскошной жизни хватило бы.

— Мне хватает и зарплаты, — сказал Вагин.

— Дуракам всегда зарплаты хватает, — опрометчиво заметил Кобельков.

И Вагин опять вдавил педаль тормоза. Застыл автомобиль в самой середине разгоряченного железного строя.

Вагин ухватил Кобелькова за ворот куртки, притянул его к себе, выдавил, ярься:

— У меня материала хватит, чтобы вкатить тебе потолок. Но я этого делать не буду. Слишком жирно. Я пристрелю тебя. А труп сброшу в речку. С камушком на шее. И никто. Никогда. Тебя. Искать. Не станет!

— Виноват, капитан, виноват, — испуганно зачастил Кобельков.

— Вон! — тихо проговорил Вагин.

Кобельков поспешно выбрался из машины.

Гудели клаксоны. Неистовствовали водители.

Подбежал «гаишник». Сухой. Строгий. Постучал жезлом по крыше, потребовал высокомерно:

— Документы!

— Да пошел ты на... — рывкнул Вагин и сорвал машину с места. С воем. И с визгом.

Восхищаясь сам собой.

Вагин посмотрел на часы. Сощурился, что-то прикидывая. Потом сунул руки в карманы брюк. Огляделся. Тихая улица. Одинокие прохожие. И уж совсем редки автомобили. Проехали два-три, пока Вагин тут топчется. Зато много автомобилей у тротуаров. Стоят. Разные. Немало нерусских, и не узбекских, и не грузинских... Обыкновенные иностранные автомобили. Ничего особенного. Хотя и русских тоже хватает — «чайки», «жигули», «волги», «москвичи».

«Запорожцев» нет.

Владельцы автомобилей в ресторане. Ресторан называется «Северный». Он занимает два этажа старого толстостенного четырехэтажного дома. Широкая многоступенчатая лестница перед входом. Как перед дворцом каким. Влажно блестит — мытая. Тяжелые стеклянные двери. Прозрачные — ни пылинки. За ними просматривается фойе. Красные стены. Белые зеркала. Люди. И мужчины. И женщины. И все в вечернем, изящном фирменном, складно сшитом, дорогом, в меру вольном, в меру строгом.

Модный ресторан. Один такой во всем городе.

И Вагин тоже модный.

И, конечно же, один такой во всем городе.

И он знает это.

Сегодня он не в курточке, не в джинсиках, не в кроссовочках — нет. В темном, отлично посаженном костюме, в светлой сорочке, в дорогом галстуке. Голливудская звезда на вручении «Оскара». Да и только.

Опять посмотрел на часы. Покрутил головой недовольно. И тут услышал приглушенное шипенье рации из микрофончика у воротника сорочки, а затем голосок, мужской:

— Ты ждешь меня, дорогой?

— Ты где? — тихо негодуя, выцедил Вагин.

— Я спешу к тебе, милый! Лечу, лечу...

— Не засоряй эфир, мать твою... — прогаркал Вагин.

— Не засоряй эфир, мать твою, — эхом повторил голос. — Не засоряй...

Вагин ухмыльнулся, не удержавшись.

Через несколько минут возле Вагина тормознул «жигуленок». Вышел Патрик Иванов. В белом костюме. Ослепительный. С алым цветком в руках. Гвоздика. Улыбался снежно. Протянул цветок.

— Это тебе, любимый! Это тебе!

— Ты — душка, — хмыкнул Вагин.

— Я знаю, — вздохнув, сказал Патрик Иванов. Оторвал у гвоздики длинный стебелек, пристроил цветок в петличке у Вагина.

— Ты — душка, — томно заметил Патрик Иванов.

— Я знаю, — не вздыхая, согласился Вагин.

Они направились к ресторану.

— Кстати, — Патрик Иванов остановился. Полез в карман, достал темные очки, несколько мгновений поколебавшись, надел их, проговорил, оправдываясь: — Чтоб не узнали.

Вагин тоже полез в карман и тоже достал очки. Только не темные. С обычными простыми стеклами. Не колеблясь, надел их, проговорил, не оправдываясь: — Чтоб не

узнали.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

Патрик Иванов с легкой опаской, оглядываясь. Вагин без стеснения и без оглядки.

Метрдотель был вислощекий и неповоротливый. Но обаятельный.

— У вас заказано? — спросил оперативников как родных, встречая их у входа в зал.

— У нас заказано, — ответил Вагин. — На фамилию Патрисов-Лумумбов.

— Есть такая фамилия, — радостно воскликнул метрдотель, распахнул руки. — Прошу.

Патрик Иванов обнажил крепкие влажные зубы:

— Мальядец, мальчижка, карашо, ха-ха-ха! — потрепал метрдотеля по плечу.

Метрдотель расплылся в ответной улыбке. Потом все вошли в зал. Зал был очень большой.

Круглый. Красно-белый. Полутемный. С перегородками между столиками. С ярко

высвеченной эстрадой. С просторной танцевальной площадкой перед ней. На эстраде играл

оркестр и пела длинноволосая девица в сверкающем купальнике. На площадке танцевали

пары, и мужчины, не отрываясь, смотрели на девицу в сверкающем купальнике.

Метрдотель чуть отстал, коснулся локтя Вагина, кивнул на Патрика Иванова, спросил:

— Из какой страны, если не секрет?

— Какой уж тут секрет, — с готовностью откликнулся Вагин. — Из королевства на севере Африки. Идиотино-Дурко называется. Не слышали, наверное?

— Слышал, а как же, — обиделся метрдотель. — Идиотино-Дурко, только вчера читал...

Сели. Столик располагался в глубине зала. Как Вагин и просил. На двоих.

Подошел официант. Высокий. Гнутый. С тонкими редкими усиками:

— Водка, — сказал Патрик Иванов. — Зельедка. Икрушка. Черньяшка. И множк мьяска.

— Он просит такую закуску, — сказал Вагин. — Селедку, икру, черного хлеба. И много горячего мяса. И водку, конечно.

— Вы могли бы не переводить, — вежливо сказал официант, — я понял все, что он сказал.

— Вы разговариваете по-африкански? — изумился Вагин.

Девица в купальнике бросила петь и принялась танцевать. Телодвижения ее были недвусмысленно призывны. Мужчины нервничали, топтали ноги своих партнерш.

Вагин и Патрик Иванов разлили водку по стопкам, но пить не стали. Обошлись минеральной. Ели с аппетитом.

Патрик Иванов вытер губы салфеткой. Закурил.

— Теперь ответь, — сказал он, — почему мы пошли вдвоем?

— Увидишь, — ответил Вагин.

— Надо было брать бригаду...

— Не надо, — сказал Вагин.

— Я не понимаю, — злился Патрик Иванов.

— Поймешь, — сказал Вагин. Улыбнулся кому-то. Тоже вытер губы салфеткой и тоже закурил. Опять улыбнулся.

Патрик Иванов как бы невзначай обернулся. Заметил одну симпатичную даму, а затем и вторую за соседними столиками. Одна шатенка, другая брюнетка. Обе с мужчинами. Они улыбались Вагину. Не подозревая одна о другой.

Заиграл оркестр.

— Я сейчас, — сказал Вагин. Встал.

Обе женщины поднялись ему навстречу. Вагин выбрал шатенку. Брюнетка села, смущенная. Патрик Иванов вскочил со стула, подошел к брюнетке, пригласил ее.

— Я не танцую, — ответила она грубо. Мужчины за ее столом рассмеялись. Патрик Иванов прикусил губу. На деревянных ногах вернулся к своему столику.

Вагин крепко прижимал к себе шатенку, что-то говорил ей на ухо. Она смеялась весело, откинув голову назад...

Вагин опустил на стул, махнул рукой, сказал:

— Наливай! Дротика пока нет.

Патрик Иванов не шелохнулся. Тогда Вагин сам разлил минералку.

— Моя мать была проститутка среднего пошиба, — сказал Патрик Иванов. — А отец негр. Занюханный, уродливый. Лентяй. Пьяница. И дебошир. Он бил мою мать, когда она была беременная. Хотел прикончить меня еще там, в утробе. Не удалось. Я все-таки родился. И вырос. И стал таким же уродом, как и папашка. — Он неожиданно подался вперед. Качнулась посуда на столе. — Я ведь не урод, Вагин, правда, ну скажи, правда?!

Вагин сделал глоток минеральной, попросил:

— Сними очки.

Патрик Иванов покорно выполнил просьбу.

Вагин внимательно оглядел его, заключил со всей серьезностью:

— Ты очень симпатичный, — мягко накрыл своей ладонью его туго сжатый кулак.

— Да пошел ты!.. — Патрик Иванов с силой отбросил вагинскую руку. На них обернулись с соседних столиков.

— Тихо, — сказал Вагин, прищурившись и глядя за спину Патрику Иванову. — Они пришли.

Лева Дротик был маленький, пухленький и носатый. Наверное, именно за этот нос, тонкий и длинный, вроде как у деревянного итальянского мальчика, веселые представители уголовно-преступного мира и нарекли пузатого Леву туземной кличкой Дротик. Костюм на Дротике был дорогой, но сидел плохо, галстук фирменный, но висел неважно, туфли из тончайшей кожи, но болтались на ступнях, как лапти на инвалидных костылях. Не умел Лева Дротик достойно носить приличный прикид. Но это, по всей видимости, нисколько не мешало ему самозабвенно любить себя.

И он любил.

Шествовал меж столиков, выпрямившись, с солидной неторопливостью, гордо вскинув нос. Важный.

За ним вразвалку, ступая грузно и со значением, топали два здоровых парня. Плечи толстые, шеи короткие. Один начисто лысый, с простецким деревенским лицом, другой черноволосый, короткостриженный, широкоскулый, узкоглазый, то ли кореец, то ли монгол, то ли бурят, то ли... Телохранители.

Подошли к шестиместному столику возле эстрады. За столиком трое. Загорелые, в светлых костюмах, пальцы в перстнях. Один из троих привстал, поприветствовал Дротика и его ребят. Руки не подал.

— Видать, Дротик рассиживаться не будет, — заметил Вагин. — От водки отказался. От сигарет тоже. Возьмет товар и отвалит.

Женщина за соседним столиком, та, с которой Вагин недавно танцевал, глядела на него во все глаза, улыбалась. Вагин ответил ей каменным взором. Женщина перестала улыбаться,

обиделась, опустила глаза, заморгала часто. Как бы не расплакалась, глупая...

— Нет, — возразил сам себе Вагин. — Уговорили-таки его на водку. Взял стопарь, стервец.

Патрик Иванов не спеша обернулся, подтвердил:

— Уговорили, — перевел взгляд на бутылку, стоящую перед ним, посмотрел на нее с сожалением, заметил резонно: — На водку кого хошь уговорить можно...

— Я сейчас, — вдруг сказал Вагин. Поднялся.

— Э!.. — Патрик Иванов попытался остановить его. Но Вагин уже шагнул к двери.

Вышел в фойе, отыскал глазами автомат. Направился к нему. Снял трубку. Набрал номер.

— Это я, — сказал он. — Нет, — сказал он. — Ничего не случилось, — сказал он. — Просто так, — сказал он. — Я люблю тебя, — сказал он. Повесил трубку. Двинулся обратно в зал. Сел за стол. Налил минералки. Патрику Иванову и себе. Оперативники чокнулись фужерами. Выпили.

— Попробуем обойтись без стрельбы, — начал Вагин. — Отсечешь бугаев. Коси под пьяного. Задерись. То да се. Как увидишь, что я Дротика поволоку, отваливай как можно дальше. Через кухню, через сортир... Понял? Мне нужен только Дротик. Только он один.

— Если только он сам понесет наркоту, — наконец разобрался в ситуации Патрик Иванов.

— Понесет сам, — жестко проговорил Вагин. Потер щеку, морщась. — Должен.

Наконец Дротик поднялся. А за ним и здоровяки. Сосредоточенные, хмурые. Шарят цепкими глазками по крепким харьковским ребятам, тщетно вычислить пытаются, не замыслили ли чего подлого эти чернобровые парубки против маленького Дротика. А харьковские знай себе улыбаются, пьют водочку и хвастливо перстнями сверкают.

Дротик царственно кивнул им, прощаясь, пошел по залу. Здоровяки за ним двинулись.

Вагин даже привстал, разглядывая Дротика и здоровяков.

Опустился на стул с размаху, вскрикнул сдавленно, радуясь:

— Сам несет! — добавил, подумав: — Сука!

Патрик Иванов никак не мог справиться со стеклянной входной дверью. Не поддавалась она ему, ослабленному алкоголем, куревом и несладкой негритянской жизнью.

— Отойди, — брезгливо сказал один из здоровяков.

— Вас ист дас? — по-иностранному поинтересовался Патрик Иванов.

Лысый оттолкнул его. Патрик Иванов обиделся и ударил Лысого по носу. Коротко и сильно. Лысый отшатнулся. Едва удержался на ногах.

— Вас ист дас? — продолжал кричать по-иностранному Патрик Иванов. Отбил один удар Корейца. Но только один — второй достал его. Патрик Иванов отлетел метра на два, упал на холодный кафельный пол. Но тут же вскочил, кричал истерично:

— Я есть гражданин иностранной держафа!

Лысый и Кореец медленно и неотвратно надвигались на него. Патрик Иванов отступал. Лысый и Кореец надвигались. Патрик Иванов отступал...

Лева Дротик замер у двери, бледный, напуганный, покинутый, жалкий.

— Эй, — выдохнул он слабо, махнул рукой в сторону здоровяков. Бесплезно.

Огляделся. Людей в фойе много. И все с любопытством за дракой наблюдают. И никому нет никакого дела до напуганного Дротика. Значит, не харьковские это балуют, значит,

случайность, значит, просто пьяный негр безобразничает. Ох уж эти нахальные цветные!.. Дротик кивнул сам себе, открыл с легкостью, неподвластной Патрику Иванову, стеклянные двери и вышел на площадку перед входом, отыскал глазами свою машину, хотел ступить в ее сторону...

Вагин сунул ему пистолет в глаз, ухватил руку с кейсом, сказал тихо:

— Не рыпайся, Лева! Милиция! Пошли...

Больно ткнул его стволом — Дротик сморщился плаксиво, засеменил покорно рядом с Вагиным.

...Патрик Иванов пяткой попал Корейцу в лоб — Кореец упал удивленный, — развернулся к Лысому. Поздно. Чугунный кулак Лысого опустился Патрику Иванову на самое темечко...

Вагин не успел дотащить Дротика до своей машины. Сзади грохнул выстрел. Вагин повалил Дротика и сам упал рядом с ним. Обернулся. Выстрелил на звук. Быстро-быстро пополз с тротуара за машины. Тянул за собой визжащего Дротика. Выпрямился, используя как прикрытие новенький сверкающий «мерседес».

Кореец несся по лестнице. Вниз. Тоже пытался добраться до машин. В руке пистолет.

На тротуаре и на лестнице люди. Стоят. Недвижные. Заледенели. Онемели.

— Всем лечь! — заорал Вагин. — Всем лечь!

Выстрелил три раза подряд в Корейца. Попал. Корейца отбросило вбок. Он упал тяжело. Затих. Дротик непроизвольно, от испуга, попытался вырваться, Вагин двинул его рукояткой пистолета по уху. Дротик все понял. Успокоился. Вагин снова выглянул. Где же Лысый? Тот не заставил себя ждать. Со стороны двери грохотнул выстрел. Второй. Третий. Вдребезги разлетелись стекла «мерседеса».

Лысый лежал на самом верху широкой лестницы, на площадке перед входной дверью, то есть он был метра на два выше уровня мостовой, на которой стоял Вагин. Пулей Лысого не достать. Но Вагин все же выстрелил для острастки пару раз. Мимо, конечно. Лысый ответил. С тонким металлическим звоном пуля прошила дверцу «мерседеса».

Вагин пригнулся и, прячась за машинами, неуклюже двинулся в сторону своих «Жигулей». Дротик то и дело падал. Вагин, матерясь, тащил его за собой. Вот и машина. Вагин отпер дверцу, впихнул Дротика в кабину. Сел сам. Дротик, обезумевший, попытался открыть другую дверцу. Вагин снова трахнул его рукояткой пистолета по голове. Дротик обмяк.

— Сто третий, — переводя дыхание, проговорил Вагин в микрофон рации. — Сто третий! Как слышите меня?! Патрик, как слышишь меня?!

Эфир умер.

Вагин завел двигатель, вырулил на тротуар, газанул мощно, погнал машину прямо в сторону лестницы. Глухо и тяжело ударились колеса о первую ступеньку. Машина полетела вверх. Дребезжала отчаянно. Лысый вскочил на ноги, выстрелил. Пуля с треском пробила лобовое стекло. Вагин придавил педаль к полу. Машина, как живая, прыгнула вперед, вбила Лысого в стеклянные двери. Стекло расколосось, посыпались осколки на каменный пол. Вагин выскочил из машины. Подбежал к Лысому. Огромный кусок стекла рассек Лысому горло. Кровь льет изо рта, из носа. Обильно. Глаза остановились, мутные. Вперились в Вагина, спрашивают: «Когда же твоя очередь, гад?!»

Вагин вытащил из машины Дротика, ткнул его головой в мертвое лицо Лысого,

просипел осевшим вдруг голосом:

— Видишь, сука, как я умею! Видишь?!

Дротик, зажмурившись, закивал головой.

— Мне нужен Птица! Понял?! Птица! — Вагин вмял ему ствол пистолета в нос.

— Он таится даже от меня. Я не знаю, где он дохнет, — вздрагивая, заговорил Дротик. — Но в воскресенье его ребята... Убери ствол, больно... Его ребята на Инвалидном рынке примут для него морфий... Ростовский... Я подскажу, как выйти на того, кто привезет, на этого ростовского парня. Птица только морфий уважает... Отпусти... Больно... Тошнит...

Вагин старательно расставлял деревянные фигурки на шахматной доске. Весь этому важному делу отдался. Ровнял фигурки чуть ли не до миллиметра, ставя их точно посередине клеточки, оглаживал их, словно живых, кивал одобрительно, что-то бормотал ласковое под нос, когда ладьи, ферзи и лошадки становились точно там, где он и хотел. Но ставил он их не в два ряда с каждой стороны, со стороны белых и со стороны черных — как это вообще-то водится, а в один ряд и белых, и черных — без пешек.

Расставил-таки.

Вздохнул свободно.

Выпрямился.

Выгнулся.

Потянулся.

И без подготовки упруго щелкнул пальцем по ладье. Фигурка, кувыркаясь, полетела вперед и с ходу снесла с доски три черные фигурки. Шахматы рассыпались по разным концам стола.

Вагин радостно захлопал в ладоши.

Дверь распахнулась шумно, и в кабинет быстро вошел высокий мужчина в форме подполковника милиции. Лицо длинное, бледное, волосы черные, короткие, приглажены один к одному, блестят, словно только что водой смоченные.

Сел на угол стола, заговорил напористо:

— Прокуратура разбирает вчерашнюю стрельбу. Недовольны твоим рапортом. Хреновый рапорт. Перепиши. Подробно, до минуты. С самого начала. И главное, почему задерживали вооруженных преступников вдвоем. Понял?

Вагин щелкнул по коню, конь процокал по доске и сшиб еще двоих черных мерзавцев. Вагин опять зааплодировал себе. Веселился.

Подполковник устало вздохнул, потер рукой лицо, будто умылся, произнес тихо:

— Я очень благодарен тебе, Вагин, за сына. За то, что ты вытащил его тогда из дерьма. — Он подался вперед. — Но я уже отдал тебе долг! Отдал! Я не раз тебя выручал, не больше не могу. Не могу! Есть предел! — он соскочил со стола, прошелся по комнате, руки в карманах брюк. — Я понимаю, почему вы пошли с Ивановым, вдвоем. Ты хотел пострелять вволю, понимаю, хотел быстро расколоть Дротика, потому что при наличии группы захвата он бы находился под их защитой, как это ни парадоксально, и ты не смог бы тыкать ему пистолетом в нос и орать на ухо всякие ужасы. Понимаю. Но это не метод! Это черт знает что, но только не метод... Именно за такую работу тебя выгнали из Москвы. Понизили в должности. Именно за такую! А тебе хоть бы хрен! Ты всего лишь два месяца у нас, а уже... — подполковник не договорил, махнул безнадежно рукой.

Вагин ферзем сбил еще двух черных гадов. Вскинул победно кулак вверх.

Подполковник неожиданно склонился над столом и, задыхаясь от негодования, сбросил со стола шахматную доску. С деревянным треском доска грохнулась о стену. Подполковник поднес палец к носу Вагина, выдохнул тяжело:

— Последний раз!

Вышел, с силой захлопнув дверь за собой.

Вагин откинулся на спинку стула, закрыл глаза, улыбнулся безмятежно.

В комнате полумрак. За окном светятся уличные фонари. Свет от них падает на стол. На столе бутылки. В них дорогие напитки. Вкусные. Виски. Джин. Несоветское шампанское. Несколько пачек иностранных сигарет. Почти нетронутая закуска. Икра. Икра. Икра. Икра...

Конфеты.

Тихо мурлычет Хулио Иглесиас. Интимно.

Свет от уличного фонаря освещает и кровать, стоящую рядом со столом. На кровати двое. Целуются самозабвенно, возбужденно стонут, вскрикивают сладко, обнаженные, жаркие, истовые... Это Патрик Иванов и Оля. Та самая Оля, что работает в информационном центре, и которая Вагину злодея с помощью компьютера отыскала.

— Еще! Еще... — в забытьи громко шепчет Оля. — Еще! Не останавливайся! Не останавливайся, Вагин! Не останавливайся, Санечка...

Патрик Иванов замер тотчас. Приподнялся над Олей, спросил четко и ясно:

— Кто? — ударил Олю по щеке.

Женщина вскрикнула испуганно. Патрик Иванов поднялся. Потянул за собой Олю. Опять ударил ее. Сильнее. Оля заплакала. Патрик Иванов нашел ее одежду, швырнул женщине.

Пока она одевалась, курил. Гольй. Потный.

Открыл дверь, вытолкнул Олю из квартиры. В ночь.

Вернулся. Зажег свет. Достал из тумбочки кобуру с пистолетом. Вынул пистолет, взвел курок, подошел к кровати, направил ствол на подушку.

— Вагин? — спросил вкрадчиво и, якобы услышав утвердительный ответ, приказал зло: — Поднимайся, гнида!

Повел стволом, вроде как за поднявшимся Вагиным, скомандовал:

— Лицом к стене!

Приставил ствол к воображаемому затылку Вагина. Задрожал палец на курке. Патрик Иванов закрыл глаза, заморщилось его лицо... Он откинул пистолет в сторону. Заныл тонко и протяжно...

Белое небо. Белые облака. Белое солнце. Белая река. Белый песок. Жарко. ЖАРКО.

Лица и Вагин плывут рядом. Быстро. Умело. Они уже на середине реки. Останавливаются. Лица обнимает Вагина за шею, целует его. Вагин отвечает горячо. Прижимает крепко женщину к себе. Какие-то секунды они не могут удержаться на плаву и уходят под воду, с головой. Выныривают, отфыркиваются, хохочут.

...На каленом сухом песке пляжа Вагин показывает Лице приемы рукопашного боя. Лица держится стойко, будто не в новинку ей все это. А потом и вовсе пытается лихой подсечкой сбить Вагина с ног. Вагин таращится на нее удивленно. Лица смеется. Опять

ныряет в воду. Вагин за ней...

Уже сумерки. Город затих. Успокоился. Отдыхает в вечерней прохладе.

Остывает от зноя.

Остывают воспаленные дома. Остывают обожженные мостовые. Остывают расплавленные тротуары. Остывает вагинская машина. Остывает Лица. Остывает Вагин. Остывают гоп-стопники. Остывают марвихеры. Остывают щипачи. Остывают «отмороженные». Остывают паханы. Остывают проститутки. Остывают честные люди. Остывает земля. Остывает небо.

Вагин остановил автомобиль у тротуара. Бесшумно. Плавно. Вышел, захватив сумки. Свободной рукой обнял Лику. Поцеловал ее в губы, нежно, наслаждаясь. Не стеснялся прохожих, соседей на балконах.

Они вошли в подъезд. Поднялись по лестнице. Вагин отпер дверь своей квартиры. Пропустил женщину вперед.

— Кофе? — спросил, кинув сумки в прихожей. — Чай?

— Лед, — сказала Лица. — Лед. И еще раз лед...

— Хорошо, — согласился Вагин и пошел на кухню.

Лица вошла в комнату. Зажгла настольную лампу, стоящую на широком подоконнике. Огляделась. Подобрала с пола газеты, журналы, опустила их на журнальный столик, потом подняла пепельницу, полную окурков и ее поставила на столик, потом подхватила — тоже с пола — скомканные джинсы, аккуратно положила на широкую двухспальную кровать. Села на кровать, тут же рядом с джинсами, потом осторожно легла на спину — спина горит, болит, потом все-таки опять села, а потом и вовсе встала, подошла к столику, взяла пачку сигарет из сумки, закурила, присела на краешек кресла, чтобы обожженной спиной не касаться сиденья, а потом снова поднялась, подошла к письменному столу, взяла кассету из кассетника, вставила в магнитофон, нажала клавишу. Пел Том Джонс. «Естердей». Лица слушала какое-то время, тихо улыбаясь. Затем прокрутила кассету дальше. Опять «Естердей». Дальше. «Естердей». Лица перевернула кассету. «Естердей». Лица нахмурилась, потеряла висок, будто боль унимая. Взяла из кассетницы еще одну кассету. «Естердей». Прокрутила дальше. «Естердей». Следующая кассета. «Естердей». Другая сторона «Естердей». Четвертая кассета. «Естердей». Вторая сторона. «Естердей»...

Лица сдалась.

Стояла неподвижно, глаза рукой прикрыв. Слушала Тома Джонса. Крошилась сигарета меж пальцев. Но продолжала дымиться.

Она не видела, как в дверях появился Вагин. Он тоже слушал. И глаза его тоже были закрыты, сжаты, сдавлены. Шевелились губы, ломко, дерганно.

Вагин стремительно подошел к магнитофону, вырвал кассету, со всего размаха швырнул ее в окно, оперся руками на подоконник, дышал прерывисто. Лица подошла сзади, обняла его, положила голову ему на спину.

— Мне было тогда двадцать два года, — сказал Вагин. — Я заканчивал филфак в Москве, в университете. После четвертого курса приехал на каникулы домой. Сюда. В наш город. Купался. Загорал. Гулял с барышнями. Как-то возвращался домой. Днем. Ехал в лифте вдвоем с соседом. Вышли мы на нашем этаже. Видим, из моей двери замок выдран и на косяке белеет скол. Большой. Длинный. Сосед говорит, я в милицию позвоню. Я говорю, давай, а сам в квартиру. Сосед держит меня, умоляет не входить. «Убьют», — шепчет

испуганно, а я рвусь, чего мне бояться, говорю: «Я каратист». Молодой дурак, — Вагин слабо усмехнулся. — Вхожу. В гостиной стоит малый и запихивает в сумку хрусталь, магнитофон, еще чего-то. Увидел меня. Не испугался. Сумку не выпустил. «Хозяин?» — спрашивает. — «Хозяин», — отвечаю. — «Нескладно вышло», — говорит, сокрушенно головой качает. — «Да уж куда складней», — соглашаюсь я, — «уж куда складней». И тут мы рассмеялись. Понимаешь? Расхохотались. Ровесники почти ведь. Ну, года на четыре он постарше. Понравился он мне. Понимаешь? Сильный, обаятельный, красивый. Глаза добрые. Ну, понравился и все тут...

Вор был высокий, стройный. На ногах джинсы тертые, на плечах светлая курточка. Студент да и только. Опустил сумку на пол, усмехнулся, сказал:

— Понимаешь, старик, я только-только откинулся. Без бабок, без жилья. На работу не берут. Голодный. Сырый. Вчера кореш из петли вынул. Еще чуть-чуть, и кранты мне...

— Вешался?.. — растерянно спросил молодой Вагин.

Вор кивнул, провел рукой по глазам, словно слезу смахивая.

— Я могу вам чем-то помочь? — спросил Вагин, засуетился вдруг: — Может, вы кушать хотите? Я сейчас.

— Нет, старик, — остановил его вор. — Я пойду, пожалуй.

Не успел. В дверях стояли два милиционера с пистолетами.

— Это мой друг, — сказал Вагин. — Он пришел в гости. Позвонил. Меня нет дома. Толкнул дверь. Она сломалась.

Вор с плохо скрытым удивлением посмотрел на Вагина. Повернулся к милиционерам, кивнул утвердительно, мол, так оно и было.

— Он тебе друг, — сказали милиционеры с пистолетами, — но истина дороже.

И повели Вагина и вора в отделение милиции...

— Разобрались, — продолжал Вагин. — Оперативники качали головами. Твердили, что я дурак. Но парня — его звали Леша — задерживать не стали.

Не было оснований... Я попросил отца устроить Алексея на работу к себе в институт слесарем. Отец был тогда замдиректора НИИ. Он помог. Но через пару дней Лешка перестал ходить на работу.

...Забегаловка на берегу реки. Открытая. Столики под зонтиками. Ветер. Прохладно. За одним из столов расположились несколько человек. Среди них Вагин и Леша. Пьют. Едят. На столе всего полно. Водка. Коньяк. Пиво. Шашлыки. Леша обнимает Вагина, горячо говорит ему в самое ухо:

— Ну не могу, брат, эту работу делать. Скучно. Не мое. А вокруг не люди — бараны. Смурные. Злючие. Я, брат, веселье люблю. И смелых ребят. Вот этих, таких, как эти, например, — он кивнул в сторону своей компании.

А «ребята» все друг на друга похожи, словно из одной шкатулочки выскочили. Глаза шалые, но цепкие. Кривоватые ухмылочки...

— Настоящий вор не должен работать, — сказал один «из шкатулочки», потряс пальцем назидательно. — Закон!

Вагин поднялся, пошел прочь.

— Дурак! — Леша замахнулся на говорившего. Тот отпрянул.

...Вагин лежал на диване. Читал. Из открытого окна слышался свист. Вагин встал.

Подошел к окну. Внизу, во дворе — Лешка. Машет рукой. Мол, давай, спускайся. Веселый. Довольный. Улыбается во весь рот. Вагин неохотно собрался. Вышел. Рядом с Лешкой новенький мотоцикл.

— Вот, — сказал Лешка и звонко хлопнул по сиденью мотоцикла. — Твой.

— Ты с ума сошел, — отмахнулся Вагин.

— Твой, — настаивал Лешка. Хмурился. Злился.

— Не могу, — сказал Вагин. — Откуда такие деньги? Ты их...

Не договорил. Лешка перебил его.

— Обидеть хочешь? — подошел вплотную. — Лучшего друга обидеть хочешь?

...Мотоцикл несется по шоссе. Впереди за рулем Вагин. Сзади Лешка. Поет что-то блатное, разухабистое...

Вагин и Лика сидели в креслах. Друг против друга.

— Я тогда с одной барышней встречался, — продолжал Вагин, — влюблен был. По уши. В первый раз. Лешка знал, естественно, об этом. И позвал нас как-то с Катей в одну компанию. Мы пришли... Квартира. Большая комната. Стол. Диван. Стулья. Магнитофон. Там был Лешка. Два брата Юдахиных и один шкет по кличке Комар. Сначала все нормально было. А потом они захмелели. Круто.

...Юдахины были похожи. Круглолицые. Широкогрудые. Рукастые. Лица вмятые, словно по ним кто-то упорно сковородкой молотил. Тот, что постарше, коротковолосый, тот, что помоложе, с волосами до плеч. На их фоне Комар выглядел жалко и смешно. Тощий, длинный, унылый.

Лешка глянул на Катю мутно, невидяще, голова покачивается, словно с трудом держит ее некогда крепкая шея, цыкнул зубом, сказал:

— Ну что, брат, у друзей принято делиться. Так? — сам себе ответил. — Так. Так что придется поделиться, девкой-то. А то я смотрю, ребята уже спермой исходят. — Спросил, полуобернувшись к братьям Юдахиным и Комару. — Исходите спермой-то?

«Ребята» кивнули неровно.

— Вот видишь, — удовлетворенно констатировал Лешка. — Исходят. Так что скажи девке, чтоб не рыпалась...

Вагин вскочил со стула.

— Да ты что, Леха? — крикнул. — Да ты что, брат?!

— Сидеть! — рявкнул Лешка, грохнул кулаком по столу.

Повалились бутылки и стаканы. Водка разлилась, потек тонкий ручеек со стола на пол, на кроссовки Вагину, на колени Кате.

Девочка сидела, не шевелясь. Глаза открыты, застыли, ледяные, только побелевшие губы вздрагивают.

— Лешка, ты что? Лешка? — повторял Вагин.

Братья Юдахины поднялись, откинули стулья, обошли стол улыбаясь, стали приближаться к девочке.

— Стоять! — рванулся вперед Вагин. Пяткой двинул Юдахину-старшему в грудь. Тот отлетел назад, споткнулся о стул, упал. Юдахин-младший в свою очередь ткнул Вагина кулаком в нос. Вагин не успел отреагировать. Взвыл от боли. Ответил двумя короткими

ударами.

Юдахин-младший вынул нож.

Катя завизжала, закрыв ладошками уши.

— Ладно, — сказал Лешка, допил свой наполовину наполненный стакан. — Справедливость превыше всего. Не хочет девкой делиться, не надо. Но тогда пусть сам ее заменит.

Встал нетвердо. Решительный. Мрачный.

— Что? — не понял Вагин, попятился к стене.

Юдахин-младший стал расстегивать брюки.

Дошло до Вагина наконец.

— Так нельзя, — выдохнул он слабо. — Так нельзя... — вытянул руки умоляюще. — Так нельзя...

Лешка засмеялся. А за ним и братья Юдахины, и Комар.

Пел Том Джонс. Семидесятые годы. «Естердей».

Плечом к плечу пошли «ребята» на Вагина. Вагин заорал зверино, слюной брызгая, рванулся вперед.

Комар ударил его бутылкой по голове. Бутылка разлетелась вдребезги. Комар засмеялся тонко, радуясь. Вагин рухнул ничком на стол, вязкие черные ручейки потекли по его лицу.

Лешка спустил с него джинсы, расстегнул свои брюки, чертыхнулся.

— Не стоит, — проворчал, стал манипулировать руками у себя меж ног.

Юдахин-старший рассмеялся.

— На такую задницу и не стоит. Стареешь, Леха! У меня всегда готов.

Сорвал брюки. Продемонстрировал. Комар хихикал и поглядывал на девочку. Катя раскачивалась из стороны в сторону, выла однотонно.

— Оп! — выкрикнул Леха, навалившись на Вагина, стал тереться о его голые ягодицы, комментировал: — Сейчас, сейчас, сейчас... вот, вот... кончаю! — Стонал.

Отступил назад, удовлетворенный. И тут же вперед кинулся Юдахин-старший. Приговаривая:

— Какой чудный петушок! Какой нежный петушок!

Комар задрал Кате юбку.

— Убери лапы! — гаркнул Лешка. — Справедливость превыше всего.

После Юдахина-старшего настала очередь Юдахина-младшего, а потом и Комар отметился, нехотя, морщась. А Леха выпил еще водки, прямо из горла. И тотчас взвыл отчаянно, перевернул стол, обломал стулья об пол, искромсал ножом диван. Только магнитофон не тронул.

Пел Том Джонс. «Естердей».

Леха лежал на полу, смотрел в потолок. Плевал вверх. Упадет слюна на лицо или мимо пролетит. Упадет — не упадет...

Вагин стучал кулаками по коленям. Истово. Больно. Говорил, с трудом сдерживаясь:

— Я их ненавижу! Ненавижу! Всех! Всю уголовную мразь! Дерьмо! Ублюдки! Нелюди! Это нелюди! Никаких понятий чести! Честности! Любви! Дружбы! Их надо убивать Убивать! Убивать!..

Лица села на пол перед ним, прижала его кулаки к своим щекам, поцеловала один, второй, разжала пальцы, поцеловала его ладони. Поднялась, забралась к нему на колени,

прижала его голову к своей груди. Он перестал дрожать. Успокоился. Затих.

И тогда Лика сказала негромко:

— А представь, если бы я была... — не договорила, умолкла.

— Что? — не понял Вагин.

— Ничего, — сказала Лика, тихонько стучала костяшками пальцев себя по лбу, мол, дура я, дура, дура... — Ничего, — поцеловала его волосы, — ничего.

Вагин погладил ее руку, коснулся гладкой кожи губами.

— Ты знаешь, — серьезно сказал он. — С тех пор, как появилась ты, они мне больше не снятся. Ни Лешка. Ни Юдахины. Ни Комар.

— Я знаю, — кивнула Лика.

— Через несколько дней я уехал, — возвратился Вагин к рассказу. — Лешку убили осенью в пьяной драке. А Катя вышла за меня замуж. Но уже через полгода мы расстались. Она говорила, что никак не может отделаться от ощущения, что спит с женщиной.

Лика целовала его лицо.

Потом целовала грудь. Потом сняла с него рубашку, джинсы. Потянула за собой на кровать, повторяла:

— Ты самый настоящий мужчина! Ты самый лучший мужчина! Ты самый красивый мужчина! Ты мужчина! Мужчина!

Ужинали они в кафе. Стены из прокопченного камня. На стенах свечи. Пианист за роялем. Скрипач бродит меж столиков. Официанты кивают Вагину. Знают его здесь.

— Я очень долго тебя не видел, — сказал Вагин. — Целых два часа.

— А мне повезло, — сказала Лика. — Я разглядывала тебя целых два часа. Ты очень красиво спишь.

— Разве можно спать красиво или некрасиво?

— Можно. Ты спишь красиво.

— Я чувствовал тебя рядом. Но ты мне почему-то не приснилась.

— Тебе снилась река. И ты плыл по ней. По течению. Без усилий. И тебе было легко и покойно.

— Да. Мне снилась река. И я плыл по ней. А откуда ты знаешь?

— А потом река влилась в море. Тихое, чистое, прозрачное. Бесконечное. А по морю шли корабли под парусами. Они бесшумно скользили по воде тебе навстречу. И на кораблях плыли твои близкие и друзья. На одном из кораблей была и я. Но ты меня не видел.

— Не видел. Я знал, что ты там. Но не видел. Господи, откуда ты знаешь мой сон? Откуда?

— А потом... Прости, но я буду говорить все, как было... Все, как видел ты.

— Конечно. Говори все...

— А потом корабли стали тонуть. Ни с того, ни с сего, как это бывает во сне. И люди кричали. Цеплялись за обломки. И ты спасал их. Нырнул. Тащил их за одежду, за волосы. Кидал в шлюпки. Толкал к берегу. А берег далеко. Далек. А потом ты проснулся. И я не могу сказать, спас ты их или нет.

— И я не могу. Потому что я проснулся. Но откуда ты знаешь мой сон? Откуда?

— Я лежала рядом, касалась твоей головы и видела его вместе с тобой. Не спала. Не все-все видела.

Вагин заметил, что метрдотель делает ему какие-то знаки. Встал. Извинился перед

Ликой. Подошел.

— Ты не обессудь, — сказал метрдотель. Розовощекий. Добродушный. — Я могу ошибаться. Но я уже видел эту даму. Тогда, когда нас грабили весной. Она сидела в зале. Одна. Без компании. Без спутника. А Боря-официант видел ее в «Комете» во время налета. Я прав?

Вагин не ответил. Вернулся к столу. Сел.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я люблю тебя, — сказала она.

Я тебя люблю.

Тебя я люблю.

Люблю я тебя.

Тебя люблю я.

Люблю тебя я.

Я. Тебя. Люблю.

Вагин небрит. Уже не день. Не два. Три. На щеках у него густая, черная щетина. Она ему идет. Она его красит. Жестче сделался рот, контрастней обрисовались глаза, уверенней взгляд, неуверенней взгляд, или, вернее, спокойней взгляд, беспокойней взгляд, или, вернее, так — что-то изменилось во взгляде. Что-то. За эти три дня, пока росла щетина? Нет, раньше. Чуть пораньше. Это точно.

Ноги Вагина как всегда, когда он в машине и не за рулем, покоятся на передней панели. Он курит. Отдыхает. Расслабляется. Откинулся на спинку сиденья. Рядом за рулем Патрик Иванов. На заднем сиденье оперативник с боксерским лицом — нос перебит, губы расплющены, уши прижаты — все как положено.

Машина таится в тихом переулке. Тенистом. Полутемном. Темном.

А меж домами синее небо. Чистое. Далекое. Не допрыгнуть.

В обоих концах переулка люди. Там двое. И там двое. Ходят. Стоят. Переговариваются. Это тоже оперативники. Коллеги Вагина и Патрика Иванова.

— Ну, я пошел, — сказал Вагин. Но с места не сдвинулся.

— Иди, — не возражал Патрик Иванов.

— Пора, — сказал Вагин. Затянулся глубоко.

— Пора, — кивнул Патрик Иванов.

— Время, — сказал Вагин. Поерзал на кресле, устраиваясь поудобней.

— Время, — согласился Патрик Иванов. — Без пяти восемь.

— Ты все помнишь? — спросил Вагин.

— Все, — ответил Патрик Иванов.

— Я тебе не верю, — сказал Вагин.

Патрик Иванов вздохнул нарочито тяжело, заговорил с нескрываемым неудовольствием, монотонно, заученно:

— Если ты вернешься цел и невредим — замечательно. Мы пойдем с тобой пить водку. Если ты выйдешь с рынка не один и будешь без шапки — мы всех винтим. Если в шапке, но киваешь — мы всех винтим. Если в шапке, но не киваешь, а подмигиваешь, мы всех опять-таки винтим. Если ничего этого не делаешь, то мы никого не винтим, а тихонечко пропасаем тебя и всех остальных.

— Вот теперь я верю тебе, — со всей серьезностью произнес Вагин.

— Авантюра, — сказал Патрик Иванов. — Полицейская сказка. Американское кино с Мелом Джибсоном. Плюс ко всему тебя могут проколоть, несмотря на то, что ты всего два месяца в городе. Они ребята ушлые. Плотно пропасли бы их, и все.

— Кого? — усмехнулся Вагин. — Кто приведет к Птице? Их может быть много. И каждого пасти? Бессмысленно. А так я хоть чего-то узнаю. Хоть чего-то. Закинул руки назад. Выгнулся. Потянулся, сказал: — Я пошел, — но продолжал сидеть. — Я пошел...

— Иди, — не возражал Патрик Иванов. — Иди. Иди. Иди...

Вагин наконец выбрался из машины.

— Да, кстати, — остановил его Патрик Иванов. Вагин пригнулся, заглянул в кабину. — Мой человек шепнул, что Птица в этой команде не основной. Там верховодит баба. Всегда присутствует при налетах. Наблюдает. Иногда участвует. Кличка «Маркиза ангелов». Помнишь, была чудесная книжка «Анжелика — маркиза ангелов»?

Вагин кивнул молча. Выпрямился. Побрел по переулку. Сутулился. Патрик Иванов, не отрываясь, смотрел ему в спину. Долго. Пока тот не скрылся за пыльным буро-черным каменным углом.

Рынок встретил гомоном и пестроцветьем. Голосили все, кому не лень, на разные лады и с удовольствием, и продавцы и покупатели, и воробьи и дети, и магнитофоны и милиционеры, и кошки и мышки, и букашки, и таракашки... На всех языках почти — аварском, шведском, суахили, командирском, грузинском, французском, зверячем, древнегреческом и, что самое поразительное, даже на русском...

Палатки красочные, продавцы в них яркие, все — в дорогом, по прилавку товары разложены, цветастые, манят. Покупатели тоже в дорогом, но не все — невеликая часть, остальные, а их, понятное дело, большинство, поплоче будут, но гордые, деньги не считают, когда достают, а достают редко, магнитофоны фирменные, милиционеры в мундирах, кошки в сером, рыжем, белом, в грязном; на собачках в основном гладкошерстные одежды, на мышках — бархатные, таракашки и букашки голяком шныряют, бесстыжие...

Вагин отыскал телефон-автомат, вошел в будку, стал крутить диск.

— Это я, — сказал. — Нет, — сказал. — Просто так, — сказал. Спросил: — Ты не одна? — спросил. — Ах, телевизор, — засмеялся. — Ах, ты рисуешь... — засмеялся. — Я люблю тебя, — сказал.

Повесил трубку. Пошел дальше.

Павильон «Картофель». Деревянный. Длинный. Закрыт. Наглухо. Засов. Замок. Теперь овощами-фруктами на этом рынке не торгуют. Торгуют на другом. Вагин встал возле закрытой двери. Огляделся. Из толпы вынырнул высокий крутоплечий парень. Тяжелолицый. Лобастый. Равнодушный. Остановился рядом с Вагиным, спросил тихо, лениво:

— Кого-то ждешь?

— Наверное, тебя, — ответил Вагин, тоже тихо и тоже лениво, смотрел на парня усмешливо, мол, захочу и скушаю тебя, мясистого и калорийного. Но пока не хочу.

— Яша Черномор передает привет из славного города Ростова.

— Пошли, — парень завернул за угол павильона, зашагал вдоль крашеной дощатой стены. Вагин поплелся следом. Парень остановился возле противоположного торца павильона. У маленькой дверцы. Постучался. Хитро. Три коротких, два длинных. Очень хитро. Дверца отворилась бесшумно. В глубине, в темноте — бородастый детина,

пригибается, чтоб гостей разглядеть.

— Это ты, Лоб? — прищурился.

— Ты очень догадливый, Гном, — ответил Лоб. — Это я.

— А это? — Гном указал пальцем на Вагина.

— А это не я, — сообщил Лоб и подтолкнул Вагина вперед.

Вагин переступил порог.

— Не понимаю, — Гном насупил брови. Но посторонился.

— Это и впрямь очень сложно для тебя, — заметил Лоб, открывая вторую дверь.

За дверью, как и следовало ожидать, совсем и не картофель. И в помине нет. И ни намека. За дверью очень просторная комната. Стены обстоятельно мореными досками обшиты. Теми же досками и пол уложен. Ровный. Чистый. В одной стороне стулья и стол длинный, у стены напротив — диван, маленький столик, на столике ваза с цветами, в другой стороне — в углу — работает телевизор, видео, на кресле перед телевизором — мужчина, смотрит видео внимательно. Лоб подтолкнул Вагина к мужчине. Вагин подчинился, подошел ближе. На экране телевизора две голые женщины и один голый мужчина занимаются любовью. Стонут. Кряхтят. Наслаждаются.

— Отвратительное зрелище, — не оборачиваясь, сказал мужчина. — Грязное. Бесстыдное. Для чего они совокупляются? Только для удовольствия. А это уже профанация сути природы. Кощунство. Оскорбление святого действия — продолжения рода. Так что же может получиться, если каждый захочет получать просто удовольствие и не более того?

— Тогда рухнет стена веками возводимых запретов, — ухмыльнулся Вагин. — И человек освободится. А освободившись, станет неуправляемым.

— Вот-вот, — согласился мужчина. — И я о том же. — Взгляда от телевизора не отводил. Там начиналось самое интересное: троица перестала стонать и кряхтеть и принялась кричать срывающимися голосами. Неистовствовала.

— Но этого не произойдет, — веско продолжал Вагин. — Потому что есть мы! — Повысил голос, заговорил отчетливо, звонко, торжественно, как на сцене в сельском клубе. По-пионерски вскинул подбородок вверх. Глаза горели, за горизонт заглядывали. — Мы тоже приносим человеку удовольствие, почти такое же, как и секс, и человеку нравится получать это удовольствие, и со временем будет нравиться все больше и больше. Но наше удовольствие в отличие от секса не освобождает человека, а наоборот закрепощает, то есть делает его управляемым. Вот.

Мужчина неожиданно поднялся с кресла. Немолод. Лет пятидесяти, сухое интеллигентное лицо, седые виски добротный костюм, свежая сорочка, галстук.

— Вы неглупы, — отметил.

— Я знаю, — без тени иронии согласился Вагин.

— Петр Порфирьевич, — мужчина протянул руку.

— Бонд, — представился Вагин, пожимая руку Петру Порфирьевичу. — Джеймс Бонд.

— Не понял, — сощурился Петр Порфирьевич.

— Кличут меня так, — объяснил Вагин. — Корешки мои ненаглядные кликуху мне такую придумали.

— А вы похожи, — засмеялся Петр Порфирьевич.

— Я-то посимпатичней, — обиделся Вагин.

— Конечно, конечно, — кивнул Петр Порфирьевич. — Товар?

— В машине возле выхода с рынка, — объяснил Вагин. — Там два моих корешка. Пусть

кто-то из ваших пойдет. Без оружия. Скажет, что от меня, от Бонда, передаст бабки, возьмет ампулки.

Петр Порфирьевич жестом показал Гному, мол, давай, выполняй.

— Как поживает Яша Черномор? — спросил Петр Порфирьевич, когда Гном вышел.

Опустился опять в кресло. Показал на стул возле себя. Вагин тоже сел.

— Яков Александрович велели кланяться, — сказал Вагин. Встал со стула. Долг кланялся. В пояс. Рукой пола вскользь касаясь. Сел опять. Отдышался. — И просили кое-что передать Птице, — добавил.

— Что? — спросил Петр Порфирьевич.

— Просили передать лично ему.

— Это сложно, — вздохнул Петр Порфирьевич. — Откололся от нас Птица. Пошел на поводу у бабы. И правит теперь эта баба и им, и его ребятами. Единолично и деспотично. А этого допускать нельзя. Это культ. Надо помнить уроки истории.

— И маркизе Яков Александрович тоже велел кое-что передать...

— Уж не знаю, не знаю, как вам и помочь, — раздумчиво покачал головой Петр Порфирьевич. — Связь у нас односторонняя.

Отворилась дверь. Вагин повернулся на звук. Вошел Гном, принес кейс, кивнул, мол, все в порядке, потом склонился к Петру Порфирьевичу, что-то пошептал ему на ухо.

Дверь опять отворилась. На сей раз Вагин не обернулся. А зря.

Резким и сильным ударом из-под него вышибли стул. Вагин свалился на пол. Встать ему не дали. Юдахин-старший ткнул стволом пистолета ему в нос.

— Ну что, Петушок, — проговорил, щерился, веселясь, зубы темные, в трещинах, короткие волосы совсем седые. — Опять ты к нам? Понравилось? Так бывает. Рассказывали петушки. Мужика, говорят, попробуешь и на бабу потом смотреть неохота. Противно. Тошнит.

— А я думал, это и вправду Бонд, — разочарованно протянул Петр Порфирьевич.

— Бонд, ха-ха, — сказал Юдахин-старший. — Менток это, Санька Вагин. Недавно из Москвы прискакал. И правильно. Здесь мужики-то покрепше, — захохотал. А вслед за ним и Гном и Лоб.

— Ай-ай-ай, — сказал Петр Порфирьевич и, не удержавшись, ударил Вагина ногой по животу. А потом еще, еще...

— Ай-ай-ай, — приговаривал. — Ай-ай-ай-ай-ай...

Вагин стоял лицом к двери. За его спиной Юдахин-старший, Петр Порфирьевич, Лоб Гном.

— Нам терять нечего, — сказал Юдахин-старший. — Ежели что, завалим сразу. Обернись. Посмотри.

Вагин обернулся. В руках Юдахина-старшего и Гнома чернели пистолеты.

— Выведешь нас с рынка, — продолжал Юдахин-старший. — Авось и жив останешься...

— Авось... — проворчал Петр Порфирьевич.

Они медленно шли по рынку. Вагин отыскивал глазами Патрика Иванова. Тот приценивался к помидорам. Наконец повернулся, увидел Вагина, встретился с ним взглядом. Вагин кивнул едва заметно. Но Патрик Иванов не шелохнулся. Тогда Вагин подмигнул

несколько раз левым глазом. Патрик Иванов с интересом наблюдал за ним. Тогда Вагин сказал, отдуваясь:

— Жарко, — и снял шапку.

Патрик Иванов после этого только усмехнулся криво, а потом и вовсе отвернулся и стал опять торговаться с продавцом помидоров.

Уже вечер, покраснело небо, но рынок не унимался. Галдел вовсю. И вечер ему нипочем. И ночь. Кому не спится в ночь глухую?.. (Эхо).

Когда Вагин и сопровождающие его лица скрылись в толпе, Патрик Иванов заспешил к оперативной машине, сел, сообщил оперативникам:

— Вагин передал, чтобы никого не трогали. А только пропасли его и злодеев. Но не плотно, — повторил, — не плотно.

Провел по лицу ладонью, скрывая довольную ухмылку.

Ехали молча. За рулем Лоб. Рядом с ним Петр Порфирьевич. Сзади соответственн Вагин, и по бокам Гном и Юдахин-старший.

— Молодец, Петушок, — нарушил молчание Юдахин-старший. — Ты заслужил лишнюю палку.

Вагин локтем ударил его по губам. Стремительно. Сноровисто. Сильно. Юдахин-старший завыл. Петр Порфирьевич засмеялся. Юдахин-старший достал нож.

— Не надо, — сказал Петр Порфирьевич и скинул на колени Юдахину-старшему наручники. На вагинских запястьях щелкнули браслеты.

Лоб взглянул в зеркальце, объявил:

— Пасут, — хмыкнул. — Кишка тонка.

Ловко вильнул во двор, выехал на параллельную улицу, потом ушел под острым углом в незаметный переулок, потом опять нырнул в проходной двор. Пересек центральный проспект и загнал машину снова во двор. Остановился. Все вышли. Пересели в другой автомобиль, который стоял в том же дворе. Покатали дальше.

Город давно уже кончился. Дачные поселки. Деревеньки. Лес. Потом и лес оборвался внезапно. Степь. Машина свернула на проселок. Пологие холмы. Красно-желтые песчаные карьеры. И вот впереди показалось длинное, с полкилометра, четырехэтажное здание. Недостроенное. Бетонный остов. Кое-где есть стены, кое-где нет, возле здания бетонные плиты, трубы, кузов грузовика, деревянные временки, трактор без гусениц. Накренившийся подъемный кран. Вот-вот рухнет. Подъехали ближе. Вагина вытолкали из машины. Он поежился. От здания несло сыростью и холодом. Ветер в нем выл плаксиво, капризничая. Бил в глаза, меняя направление. Глаза выстудились тотчас. Вагин жмурился подслеповато. Лоб загнал машину на цокольный этаж, через пролом в стене. Загородил пролом большим фанерным щитом.

На первый этаж нужно было подниматься по узкому, грубо сколоченному деревянному трапу. Первым на него ступил Петр Порфирьевич. Затем Лоб. Трап скрипел и раскачивался под ними. Поэтому они шли, балансируя руками, как канатоходцы. Петр Порфирьевич ворчал матерно. Гном по трапу передвигался один. Потому что был тяжелый, почти такой же, как Петр Порфирьевич и Лоб, вместе взятые. Предпоследним на трап шагнул Вагин, а за ним Юдахин-старший. Вагин довольно скоро добрался до твердого бетонного пола первого этажа и, прежде чем вступить на него, упруго и сильно подпрыгнул на трапе. Юдахин-

старший не удержался, накренился, и, ухнув, полетел на землю. Упал с тяжелым стуком. Вагин засмеялся. Юдахин-старший вскочил, секунду две-три-четыре-пять-шесть-семь погодя, взвыл жестоко, выхватил из-за пазухи маленький автомат системы «Узи» израильского производства, дал очередь поверх головы Вагина. Все, кроме Вагина, как по команде повалились на холодный бетон. А Вагин покрутил головой и сказал осуждающе:

— Во дурак! — пнул ногой лежащего Гнома, спросил: — Куда идти-то?

Все поднялись, отряхнулись. Юдахин-старший не решился больше передвигаться по трапу ногами, лег на него, пополз, пыхтя.

Выстрелы встревожили ворон, воробьев, голубей, Юдахина-младшего и двух его сотоварищей. Они опасливо свесили головы со второго этажа. Вагин узнал сотоварищей, местные воры-наркоманы, отмороженные — Чуня и Вазелин. Чуня — толстый, поэтому Чуня. Вазелин — потный, рожа всегда блестит, как смазанная вазелином детская попка, поэтому и Вазелин.

На второй этаж поднялись уже по лестнице. Здесь поуютней. Обжитое место. И стены есть, и подобие комнат. И мебель даже есть. Столы, стулья, лавки. Но холодно все же. Вагин поежился в который раз.

— В ШИЗО его, — приказал Петр Порфирьевич.

И Гном отвел Вагина в местный штрафной изолятор. Глухая комната с крохотным окошком под низким потолком. Через пол и потолок проходит черная невеликого диаметра труба. Гном расстегнул Вагину наручник, подвел его к этой самой трубе, толкнул Вагина на нее, Вагин невольно обнял трубу, а Гном тем временем опять застегнул браслет на вагинской руке. Так что теперь никуда Вагину от трубы не деться. Скверно.

Гном сел в углу. Закурил.

— Чего ждем? — спросил Вагин.

Гном молчал.

— Как тебя звать-то? — спросил Вагин.

Гном молчал. Завороженно следил за тающим дымком от сигареты.

— Послушай, Гном, — проговорил Вагин таинственным тоном, — я раскрою тебе один секрет. Ты должен знать это! Должен!

Гном насторожился.

— Я твой отец, — сказал Вагин. — Нас разлучили злые люди, когда ты был вот таким, — Вагин пригнулся, показал, каким был Гном, когда их разлучили. Всхлипнул.

Гном встал, подошел к Вагину, внимательно всмотрелся в него, произнес медленно:

— Мой батька сдох в тюряге. Как последний скот. Мне тогда второй годок шел.

— Не сдох я, не сдох, — возразил Вагин. — Вот он я. Сынок.

— Так ты моложе меня, — сообразил наконец Гном.

— Какое это имеет значение? — искренне возмутился Вагин.

Дверь отворилась. И вошел Птица. Сам. Опрятный. Чистенький. И на лицо ничего себе Смуглый. Глаза светлые. Губы жесткие. Долго смотрел на Вагина. Долго. Долго. Долго. Долго. Вагину это надоело, и он спрятался за трубой.

— Выходит, Менток, что бабы любят тебя больше, чем меня? — буднично спросил Птица.

— Выходит, выходит, — Вагин высунулся из-за трубы, кивнул, соглашаясь.

Птица повернулся, вышел из штрафного изолятора, сказал кому-то за дверью:

— Убейте его!

— Но сначала побалуемся, побалуемся, побалуемся, — захолопал в ладоши Юдахин-старший.

Дверь за Птицей закрылась.

— Эй, сынок, — позвал Вагин Гнома.

В ответ Гном прорычал злобно, потянулся огромной рукой к горлу Вагина.

— Шутки в сторону, — сказал Вагин, — дело серьезное. Я ошибся. Ты не мой сын. Я вспомнил, у меня была дочка. Послушай, послушай, — зашептал вдруг. Громко. Ясно. — У меня много бабок. С собой. Отпустишь — и они твои. Они у меня в полотняном поясе под брюками, на теле. При поверхностном обыске его трудно обнаружить. Там... — Вагин задумался. — Сто тысяч. Отпусти, и они твои. — Глаза у Вагина загорелись. — Ты богатый человек. Очень богатый!

Гном подошел ближе. Рот полуоткрыт. Слушает.

— Проверь, проверь, — попросил Вагин.

Гном нагнулся, принялся расстегивать Вагину брюки. И тут Вагин ловко ушел вбок и цепью наручников стремительно прижал шею Гнома к трубе. Гном захрипел, вскинул руки, затопал ногами по бетонному полу.

— Я не хочу тебя убивать, не хочу, — шептал Вагин на ухо Гному, — не хочу, не хочу, правда. Ты только пистолет свой вынь и на пол положи. И все. И все.

Гном достал из кармана пистолет, бросил его на пол. Пистолет клацнул возле вагинских ног.

— А теперь тихонечко давай-ка вниз, — ласково попросил Вагин Гнома. Ослабил хватку, стал опускаться на колени, потянул за собой Гнома. Затылок злодея заскользил по трубе. Чтобы поднять пистолет с пола, Вагин совсем отпустил шею Гнома. И тогда тот шустро выбросил руку вперед и накрыл ладошкой пистолет. Вагину пришлось снова рвануть Гнома на себя, снова придавить его шею к трубе.

— Я же просил не дергаться, — укоризненно напомнил ему Вагин. — Дай слово, что не будешь рыпаться, и я ничего тебе не сделаю.

— Даю слово, — пробормотал Гном.

— Хорошо, — одобрил Вагин и вновь склонился к пистолету.

Гном схватил его за ногу, дернул на себя. Вагин упал. Каблуком задел пистолет. Тот отлетел, в сторону. Вагин врезал цепь в кадык Гному. Изо всех сил прижал Гнома к трубе. Жмурился морщинисто. Обреченно. Крутил головой. Гном шипел, елозил ногами по полу. А потом затих. Навсегда.

— Я же просил не дергаться, — сказал Вагин.

Потянулся за пистолетом.

Трудно. Далеко.

За дверью послышались голоса. Юдахин-старший похохатывал, предвкушая забаву. Тоненько хихикал мордатый Чуня. Вагин попробовал достать пистолет ногой. Дотянулся. Повернулся ключ в замке. Вагин наконец зацепил пистолет мыском, подтолкнул его к себе. Поднял, взвел курок. Дверь отворилась. Вагин выстрелил. Толстого Чуню отшвырнуло назад. Он повалился на спину, раскинув руки. Юдахин-старший тенью метнулся в сторону, матерясь витиевато и громко. А Вагин, скривившись от напряжения, неестественно вывернул кисть правой руки и большим пальцем нажал спусковой крючок. Пуля перебила цепь наручников. Вагин содрал с плеч кожаную куртку. Бесшумно приблизился к двери, с размаху швырнул в нее куртку. И тотчас нырнул вслед за ней. Автоматная очередь прошла

куртку еще в воздухе, а Вагин, целый и невредимый, кувыркнулся, приземлившись, и отпрыгнул вбок, под защиту бетонной колонны. Успел. Пули дробно простучали по колонне, взметнули облачко белой пыли.

Сумерки. Скоро станет совсем темно. Это к лучшему.

Вагин огляделся. Бетонный пол, бетонный потолок, несущие колонны — двести метров направо, двести метров налево, — наспех сложенные из красных кирпичей стены комнаток, чтоб зимой не мерзнуть, дощатые времянки от ветра, бочки, тряпки, толь, печки-буржуйки, железные бочки, кое-где деревянные, кое-где железные лестницы, наверху, внизу.

Выход один — вниз, завладеть машиной. Машина — это спасение.

Мелькнула тень справа. Впереди кто-то сделал короткую перебежку. Умело. Без шума. Метнулась чья-то фигура слева. Вагин выстрелил с двух рук. В ответ тоже выстрелили. Пули высекли искру возле вагинских ног. Он поднялся, приготовился, спружинившись, и кинулся со всех ног к следующей колонне, поближе к лестнице, два раза выстрелил на ходу. Упал за колонной. Застучал автомат.

Проорал Юдахин, захлебываясь слюной:

— Я все равно тебя в... сволочь петушиная!

Вагин усмехнулся недобро, вытер рукавом рубашки пот с лица, приготовился еще к одному рывку. Вскочил, помчался. Скрылся за кирпичной стеной, миновал дощатую времянку. И вот квадратный люк в полу. Железная лестница. У основания лестницы — Лоб. Целится из двуствольного обреза вверх. Ждет Вагина. Вагин появился неожиданно, как чертик из шкатулки, и поэтому успел выстрелить первым. Одна пуля пробила Лбу грудь. Вторая попала в живот. Лоб рухнул навзничь. Заорал от боли. По щекам текли слезы. Одной рукой он держался за грудь, будто пытался остановить кровь, а другой грозил Вагину. Тряс пальцем. А потом лицо скривилось в пугающей гримасе, застыло. Рука опустилась бессильно на пол.

— Я не хочу вас убивать! — закричал вдруг Вагин что есть мочи. — Не хочу! Дайте мне уйти! Вы же обречены, вашу мать! Мне нужен только Птица!! Только Птица!

Кто-то навалился на него сзади, сшиб на пол, саданул лицом о студеный бетон, прохрипел, задыхаясь:

— А мне нужен ты, розовожопенький!

Юдахин-старший.

Пистолет у Вагина выпал, скользнул в квадратный люк.

Юдахин-старший занес над затылком Вагина автомат. А Вагин как почувствовал, увернулся. Юдахин шваркнул автоматом об пол, а Вагин цепко прихватил его руки, резко дернул. Юдахин-старший упал на бетон. Вагин ударил его лбом в лицо. Потом еще раз. Попытался вырвать из рук Юдахина автомат. Не вышло. Пальцы мертво вцепились в оружие. Неожиданно Юдахин пнул ногой Вагина в колено каблуком башмака, одновременно другой ногой зацепив его пятку. Вагин хлопнулся на ягодицы. Юдахин попытался встать. Не сумел. Вагин, охнув от усилия, вlepил Юдахину в лицо ступнями сложенных вместе ног. Крепкий удар получился. Юдахин запрокинул голову, подался назад и, вскрикнув тонко и коротко, свалился в люк, покотился тяжело по крутой лестнице, постукивая по металлическим ступеням лбом, затылком, висками, челюстью и, конечно же, ботинками. Растянулся внизу, рядом со Лбом, глаза закрыты, тихий, не шелохнется, вроде как уснул. Вагин сунулся было на лестницу, и тотчас пули вжикнули у ног, он вспрыгнул обратно на пол, закричал опять:

— Я не хочу убивать! — стискивал голову руками, кривил лицо. — Я устал! Я не могу

больше так!

Вспышки слева, справа. Выстрелы. Вагин упал, терся щекой о шершавый пол.

Стрельба прекратилась, и Вагин услышал звенящий от злобы голос Юдахина-младшего:

— А нам нужна твоя задница, Петушок!

А затем услышал Петра Порфирьевича:

— А Птичка-то улетела. Тю-тю! И парит теперь себе в высях небесных. Беззаботная. И не достать ее никогда Петушку нашему бескрылому. Не достать!

Вагин простонал длинно и протяжно, как сирена, предупреждающая о предстоящей бомбежке во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., замолотил в бешенстве кулаками по безответному бетону, расцарапал о него щеку почти до крови, хорошо еще, щетину отрастил за последние три дня, а то бы содрал кожу к чертовой матери.

Человек ступал мягко, едва слышно, опасливо голову в плечи припрятав. Горбился. Одну руку вперед вытянул. В руке пистолет. Шел по краю этажа, в двух-трех метрах от конца бетонной плиты. Лицо блестит влажно — Вазелин. Он замедлил шаг. Встал. Огляделся. Двинулся дальше. Крадучись. Острые ушки расправив. Добрался до дощатой времянки. Стена ее белела справа от него, высокая, до потолка почти, неструганая, занозистая, зараза. Еще шаг. Вздригнула вдруг стена, скрипнула негромко, как мякнула. Вазелин остановился, оглядел ее, инстинктивно попятился. Поздно. Стена стала креститься угрожающе, а через мгновение повалилась на бедного Вазелина. Вазелин закричал, убегая. Но стена достала его, саданула по затылку. Вазелин упал на пол, кувырнулся и, растерянно взмахнув кроссовками (пр-во фирмы «Найк»), полетел вниз на землю.

А за упавшей стеной стоял Вагин, руки в карманах. Скучный.

— Бывает... — сказал сочувственно. Сплюнул.

...Петр Порфирьевич таится за колонной. Большой черный пистолет (ТТ? Стечкин?) в левой руке, согнутой у плеча. А правой рукой Петр Порфирьевич крестится.

Где-то за другой колонной — Юдахин. Бесшумно мочится на доски. Покряхтывает... Встряхнулся. Застегнул ширинку. Вынул пистолет из-за пояса. Огляделся...

Вагин стоял перед железной бадьей для транспортировки цемента. Бадья на колесах — широкая и тяжелая, потому что в ней осталось немного отверделого цемента — примерно треть. Вагин качнул ее. Она покатила, легко скрипнув. Вагин перевел взгляд на сгрудившийся неподалеку черный табунчик бочек. Потом посмотрел на длинные толстые доски, лежащие рядом с бочками. Покачал головой. Сделал несколько шагов вперед. Остановился у квадратного проема в полу. Метра три на три. Или больше. Внизу под проемом в цокольном этаже глубокая яма с бетонными гладкими стенами. А в яме мусор, бумаги, коробки, деревянные ящики, разбитые и целые бутылки, пачки из-под сигарет, окурки, спички, пуговицы, пробки, солдатские погоны, разорванные подушки, пух, тухлая рыба. Дерьмо.

...Вагин закричал отчаянно, пронзительно. Петр Порфирьевич встrepенулся, перестал креститься. Замер.

Юдахин-младший собрался, спружинился, повел туда-сюда стволом пистолета.

Вагин опять заорал. А потом послышался звук от падения тяжелого предмета. Тела?

Петр Порфирьевич шагнул вперед.

И Юдахин-младший тронулся с места.

Осторожно, на мысках, вскидывая с непривычки локотки вверх, добрались они до края

квадратного проема. Остановились. Юдахин-младший с опаской заглянул в проем.

— Ни хрена не видно, — прошептал. — Но вроде гикнулся.

— Вроде... — тоже шепотом ответил Петр Порфирьевич.

Вроде...

Вагин вместе с бадьей громоздился на черных бочках. С бочек к полу в сторону проема импровизированным трапом тянулись толстые доски.

Как только Петр Порфирьевич и Юдахин-младший приблизились друг к другу, перешептываясь, Вагин с ревом толкнул тележку-бадью. С пугающим металлическим грохотом пронеслась она по трапу, коснулась пола и, подпрыгивая, помчалась на Юдахина-младшего и Петра Порфирьевича — те едва успели повернуться на шум — и столкнула их в проем, и остановилась у самого края, покачиваясь.

Кегельбан да и только.

И стало тихо. И в яме, и на этаже, и на другом этаже, и на третьем этаже, и на четвертом этаже, и за колонной, и в цементной бадье, и в бочках, и на небе, и на земле, и под землей, и слева, и справа, и у Вагина в голове, и в ушах, и в глазах, и во рту, и в зубах, и... И там тоже стало тихо.

Вагин сжал ладонями голову, сдавил веки, встал медленно на колени — все еще на бочках был, не спускался, ушли силы — сгорбился, согнулся, плечи сжал, качался невесомо вверх-вниз, бормотал что-то себе под нос, слабенько, тоненько, бессвязно. Минуту. Две. Час. Больше. Меньше...

Крик впорхнул под ладони, щекотнул перепонки. Вагин отвел руки от ушей, открыл глаза, поднял голову, огляделся, хмурился, не узнавая ни бочек, ни времянок, ни рук своих, ни ног... Но вот успокоился наконец взгляд. Окреп. Вагин спрыгнул с бочек, побрел к проему. Опять крик. Стонущий. Негромкий. Вагин взглянул в яму. Совсем темно. Видно скверно. Но вроде как Петр Порфирьевич лежит, за ногу держится, а Юдахин-младший по яме мечется, выход ищет. Безрезультатно. Вот поднял голову. Выстрелил тотчас. Раз, другой. Вагин отпрянул. Отступил на шаг. Вынул сигарету, зажигалку, прикурил. Затянулся с удовольствием.

Стоял.

— Ну иди, иди сюда, пидоренок! — фальцетом орал Юдахин-младший. — Иди. Побалуемся. Смотри, какой у меня большой! Смотри!

Вагин поставил ногу на цементную бадью. Толкнул ее. Она упала с глухим тяжелым стуком.

— Не попал, пидоренок! — орал Юдахин-младший. — Не попал!

Вагин кинул сигарету под ноги, развернулся, пошел к бочкам, опрокинул одну, покатил к проему. — На бочке надпись, белая: «Мазут». Отвинтил пробку. Мазут полился в яму.

Юдахин-младший принялся бешено палить. Мимо, конечно. Для острастки больше. Он Вагина не видит. Вагин хоронится за бетонной плитой. Вытек мазут. Вагин спихнул бочку вниз. Она стукнулась звучно об пол. Загудела. Вагин наощупь отыскал на полу кусок тряпки, вынул зажигалку, поджег тряпку.

— Ты чего делаешь? — заволновался Юдахин-младший. — Чего, а?

Тряпка занялась, и Вагин швырнул ее в яму.

И вроде как взрыв случился в яме. Вскинулся вверх желтый огонь, острые ломкие пики его опалили края бетонного проема. А потом вспыхнула вся яма разом. И мусор, и подушки, и дохлая рыба, и дерьмо, и Петр Порфирьевич, и Юдахин-младший. И стало светло, как от

мартена. Юдахин-младший носился факелом по яме, обреченно кричал. Не человек больше.

А Петра Порфирьевича уже не было видно в пламени. Интересно, жив ли еще старый пакостник?

Вагин смотрел стеклянно на огонь. Лицо восковое. Мертвое. Пальцы на руках скрючены конвульсивно. Не шевелятся. Пламя касается его ног. Обжигает. Но Вагин не двигается с места. Не может. Не получается.

— Обернись, Петушок! — перекрывая дрожащий гул пламени, крикнул за спиной Вагина Юдахин-старший. — Посмотри, какой я красивый. Полюби меня. — Юдахин засмеялся безмятежно. Багряный в отсветах пламени. Громадные черные тени безумствуют сзади него, на потолке, на стенах, на полу.

Вагин повернулся-таки. Деревянно. Робот. Не моргает. Глаза вспухли. Воспалены.

Юдахин стоит, широко расставив ноги. Поигрывает крошечным израильским автоматом.

— Ну? — говорит.

Вагин сделал шаг ему навстречу. Другой. Ноги не гнутся. Но идут.

— Не так быстро, — посмеивался Юдахин. — Я не сумею разглядеть, как плещется спермочка в твоих нежных глазках, петушок!

Вагин не останавливался. С каждым шагом движения его делались уверенней. Вот и пальцы расправились. И расслабились ноги. Гнутся. Упругие.

— Эй! — встревожился Юдахин. Выстрелил вверх головы Вагина. Вагин продолжал идти. Юдахин прицелился ему в ноги. Пули раскрошили бетон у самых вагинских кроссовок. Вагин продолжал идти.

— Сука! — выдавил Юдахин и направил ствол в грудь Вагину, нажал курок. Металлический щелчок. Тихий, но звонкий. Юдахин засуетился, судорожно стал искать новый рожок. Нашел, наконец, в кармане брюк. Вставить не успел. Вагин ногой выбил автомат из его рук. И пяткой той же ноги ударил Юдахина в висок. Тот попятился, упал. Попытался встать. Вагин снова ударил его ногой. Сильно. Юдахин опрокинулся на спину. Подвывая боязливо, отполз назад. Встал. Встретил Вагина двумя короткими, прямыми. Второй удар Вагин не поймал. Голова его откинулась назад. Из рта слабо плеснула кровь. Вагин улыбнулся нехорошо. Зубы черные от крови. И рот кажется щербатым. Страшным. Вагин неожиданно метнулся влево. Юдахин среагировал, и тогда Вагин достал его правой ногой. В самый низ живота попал. Юдахин согнулся. Не теряя преимущества, Вагин двинул его коленом снизу по лицу, добавил кулаками. Мощно. Умело. Юдахин рухнул на бетон безвольно, Вагин встал перед ним на колени, склонился, принялся расстегивать ему брюки. Расстегнул. Спустил их. Потом и с себя стянул джинсы. Рычал. Перевернул Юдахина на живот. Лег на него. И тут же скатился на пол. Выругался. Тер руками у себя между ног. Кривился. Убрал руки, обессиленный. Лежал на спине. Дышал прерывисто. Часто. Хрипло. Долго.

Поднялся, застегнул джинсы. Ухватил Юдахина за ноги. Поволок к проему. Кричал, стервенея. У самого края проема отпустил вдруг Юдахина. Сел рядом. Закурил опять. Пламя ослабло. Вдвое уменьшился его гребень. Но жарит. Нестерпимо. Юдахин открыл глаза. Веки свинцовые. Разлепил сухие губы, проговорил едва слышно:

— Полюби меня, Петушок...

Вагин уперся в Юдахина ногами и, не торопясь, без видимых усилий столкнул его в яму. Вслед за Юдахиним в яму полетел и окурок.

Вагин поднялся. Отряхнул джинсы. Ступил в сторону от проема. Поднял с пола автомат и полный патронов новый рожок. Сунул оружие себе за пояс. Поплелся к лестнице.

Вдалеке выли сирены милицейских машин.

Приближались.

В лицо ударил слепящий луч прожектора. Вагин поморщился. Загородился рукой.

— Это ж Вагин, — сказал кто-то. Прожектор потух. Нить накала еще какое-то время светилась рубиново.

Вокруг — машины и люди. Машины с мигалками, люди в бронежилетах, с оружием. Подошел подполковник, тот самый приятель Вагина, тоже в бронежилете, заглянул Вагину в глаза, спросил:

— Что?

Вагин слабо махнул рукой, отстранил подполковника, шагнул мимо, побрел к машинам. Люди смотрели на Вагина. Только на него. Молчали. Не шевелились. Но нет. Кто-то повернулся бесшумно. Пошел в темноту. Вагин поймал взглядом движение. Вскинул голову. Зашагал быстрее, тверже. Догнал Патрика Иванова. Ухватил его за плечо, развернул к себе. Ударил его в живот, потом два раза в лицо. Патрик Иванов упал в грязь. Вагин поднял его за ворот, ударил еще раз. Патрик Иванов не сопротивлялся. Опять свалился на землю. Никто не вмешивался. Все терпеливо ждали. И Патрик Иванов терпеливо ждал. Падал, вставал, падал вставал. Безропотный. И ждал. Дождался. Упал и не смог подняться. Вагин смял ему переносицу. Лежал, распростав руки, волосы, лоб в черной вязкой жиже тонут, подбородок к небу вскинут, дрожит.

Патрик Иванов.

Вздыхает неровно, хрипло, вот-вот забьется в болезненном жестоком кашле... И не остановить.

Патрик Иванов — сын чужеземного студента и местной проститутки.

Один.

Без семьи. Без любви. У него никого нет в этой жизни.

Кроме Вагина.

И они знают об этом.

Оба.

А Вагин уже шел прочь, не оглядываясь. Какое-то время был еще виден в отсветах пламени.

А потом исчез.

Ночь.

Без звезд. Без Луны.

Темно.

Он шел быстро, дороги не разбирая, высоко подняв лицо, как слепой, к небу, которое без звезд и без Луны, спотыкался, проваливался в ямы, ямки, ухабинки, ухабы, падал, не удерживая равновесия, на бок, на спину, на руки, часто; подполковник кричал в мегафон, звук бежал над степью, преградами не стесненный, влево, вправо, прямо, далеко: «Вагин! Вагин! Где ты? Сашка, милый, где ты? Где ты, черт тебя дери, полудурок хренов!».

Вагин выбрался на шоссе, вышел на середину его, вынул из-за пояса автомат, вставил новую обойму, шоссе пустое, влажное, — ночная роса, наконец показали фары вдалеке, машина приближалась с ревом — грузовик, — остановилась перед Вагиным, осветила его бело — призраком, — Вагин вскинул автомат, подошел к кабине, открыл дверцу, влез на

сиденье, сказал буднично:

— Домой.

— Хорошо, — тотчас отозвался водитель, молодой, большеротый. С неподдельным ужасом смотрел на автомат.

Вагин открыл дверь своей квартиры. Там темно. Ночь. Без звезд. Без Луны. Не решался переступить порог, вертел головой по сторонам, оглядывался вдруг резко, словно выстрела ждал, шагнул наконец в темноту, руки вперед выставил, наткнулся на стену, нащупал выключатель, щелкнул им, осветил прихожую, дальше двинулся и в комнате свет зажег — и люстру включил, и настольную лампу, и бра над кроватью, — заспешил на кухню и там огонь зажег и холодильник открыл, чтобы и оттуда свет шел, улыбался во все лицо, больше того — не хохотал едва, кинулся в туалет и там лампу включил, а потом и в ванной то же самое сделал, ходил по квартире скоро, из кухни в комнату, из комнаты в коридор, из коридора в кухню — радовался.

Радовался...

Очутившись в ванной, в зеркало взглянул, покачал головой, посмеиваясь, ну и рожа, мол, ну и рожа, сунул голову под кран, тер лицо мылом, охал, ухал, фыркал, напевал что-то веселенькое, выпрямился, вытерся, заторопился опять в комнату, сел на кровать, вынул из-за пояса автомат, осмотрел его тщательно, щелкнул затвором, взводя курок, открыл рот, поднес автомат к лицу, сунул короткий его ствол себе меж зубов, нащупал деревянным пальцем курок, нажал легонько, глаза зажмурил, крепко, морщился, а палец парализовало словно, а может, и вправду парализовало.

Не двигается. Выстудился. Ледяной.

Телефонный звонок. Вагин вздрогнул. Вынул ствол изо рта. Отплевывался. Прямо на пол. Водил ледяным пальцем по лбу. Смотрел на тренькающий аппарат, но трубку не брал. Телефон перестал звонить. И Вагин засмеялся неожиданно, отшвырнул автомат, протянул руку к телефону, погладил его, словно живого, словно котенка, словно цыпленка, словно зайчонка... Рука потеплела. Он снял трубку, потерся о нее щекой, поднес к уху, улыбался безмятежно, набирая номер, улыбался безмятежно, ожидая ответа, наконец, услышал ее голос, улыбался безмятежно.

— Лика, — сказал он. — Лика, — сказал он. — Лика, — сказал он. — Лика...

Лика сидит на полу, на роскошном ковре, в черном узком тонком платье, — искрятся бриллианты на шее, в ушах, на пальцах. Такой Вагин ее еще не видел. Никогда. Она, верно, только что пришла. Откуда-то. И откуда? С приема? С раута? С фуршета? Рядом, тут же на ковре, бутылка вина, наполовину наполненный фужер, пепельница, сигареты, те самые — «Марльборо». В комнате полумрак. Горит лампа на длинной тонкой ножке, тоже стоящая на полу. Едва видны очертания мебели вдоль стен и картин на стенах над мебелью. Яснее видны кресла и диван, обитые черной мягкой кожей. Комната большая, дальний конец ее и вовсе тонет во тьме. Ночь. Без звезд. Без Луны.

Лика прижала трубку к уху. Сильно. Закрывает глаза. Слушает.

— Лика, — говорил он. — Лика, — говорил он. — Лика...

— Послушай, Вагин, — негромко сказала Лика. — Я хочу, чтоб ты все знал, ты должен...

— Лика, — говорил он. — Лика, Лика...

— Мне было десять лет, когда он взял меня из детдома. Он выбрал меня. Как выбирают

коров, или коней, или щенков, или гусей. Но не людей, но не детей... Выбрал. Из двухсот четырнадцати девочек и мальчиков. Для этого нас утром, до завтрака, построили во дворе, в несколько рядов, и он ходил меж рядами в чищенных, зеркально сияющих сапогах, и выбирал, а директор и завуч ссутулясь, униженно семенили за ним. Всего-то навсего командир гарнизона, полковник, а городскую верхушку цепко за горло держал, вздохнуть не давал, кривоногий. Напрямую звонил Генеральному в Москву, был сыном его фронтового друга... Ткнул пальцем в меня, сказал: «Эта». Привел домой. Дом большой, богатый. А в доме он и сестра его, гладенькая и пугливенькая. Одевал меня, как королеву. Был нежен и добр. Сокрушался, что так и прожил всю жизнь холостяком. Не повезло, мол. А детей любит больше всего на свете. Поэтому и взял меня из детдома. Обещал выполнять все мои капризы и прихоти. И выполнял. С радостью. И я была счастлива...

...Он вошел в мою комнату ночью, когда я спала. Голый. Сбросил одеяло, разорвал ночную рубашку и, урча от восторга, овладел мной. Трахнул, проще говоря. Я и дернуться не успела. Гумберт-Гумберт, мать его! Весь день меня трясло, мерещились огромные тени. Что-то зловещее шептали из осязаемой темноты голоса. А к вечеру я успокоилась и рассказала обо всем его сестре: «Тебе приснилось, деточка, — сказала она. — Приснилось». — Лика сухо засмеялась. — И все это снилось мне еще целых семь лет. А потом я влюбилась. Но его люди выследили нас. Парня раньше срока забрали в армию. А в армии за какой-то проступок его отправили под трибунал. В наш город он уже не вернулся. Я убежала из дому. Он нашел меня и долго бил. Я убежала еще раз. Болталась по стране. Пока меня не подобрал Локотов. Да, тот самый Локотов. Я влюбилась в него без памяти. И он любил меня. Я знаю. Локотова боялись и уважали. В его команде было двадцать четыре человека... Убийства, кражи, нападения на инкассаторов. Он был жестокий. Но честный по-своему. И очень красивый. И несчастный. И счастливый. Потому что он любил меня. Любил. Когда человек любит, он счастлив, несмотря ни на что. Ты не веришь, что он любил меня? Тогда зачем ему было убивать этого гада? Я рассказала Локотову, как он мучил меня семь лет. Локотов приехал в наш город и убил его. Теперь ты видишь, что он любил меня. Ведь так? А через месяц его арестовали, а через полгода расстреляли. А я... А я потом работала с фирмачами. Ты понимаешь, что я имею в виду? Я стала проституткой. А потом я решила заняться настоящим делом. Я же ведь уже не могла жить по-другому. Ты не хочешь спросить, каким делом? Не хочешь?

Вагин молчал.

— А потом появился ты, — сказала Лика. — И я увидела — вот оно, счастье! И я поняла — надо начинать все сначала. Увидела и поняла. Но не смогла. Я уже не могу по-другому, понимаешь?! Я не могу по-другому.

...Лика сидит за столиком в ресторане. Она в легком открытом платье.

Смеется. Рядом привлекательный мужчина. По виду не наш, не советский. Обнимает ее, наливает вина.

— Я не могу по-другому...

...Полутемная комната, большая кровать. Голая Лика. Голый иностранец. Стискивают друг друга в объятиях, катаются по кровати сладострастно, яростно стонут. Тела влажные, блестят...

— Я не могу по-другому...

...Лика перетягивает руку повыше локтя резиновым жгутом, правой рукой вводит иглу в вену, отбрасывает шприц, снимает жгут, озирается, веселея. Вокруг — женщины, мужчины,

сидят, лежат, курят, пьют; несколько человек застыли на полу, не шевелятся, глаза закрыты...

— Я не могу по-другому.

...Деревянный барьерчик, за ним скамья подсудимых, на скамье Локотов, по бокам два равнодушных милиционера.

— Ваше последнее слово, подсудимый Локотов, — говорит судья, румяная женщина с шестимесячной завивкой. Крепдешиновая блузка. Бантики. Рюшечки. Кружавчики...

Локотов встает, молчит, смотрит в зал, на Лику. И Лика смотрит на него, глаза без слез, сухие губы шевелятся беззвучно. Зал неистовствует в восторге:

«Даешь! Даешь!..»

— Я не могу по-другому.

...Сотрудник милиции Ходов срывает у лежащей Лики приклеенные усы, поднимает в недоумении глаза на Птицу, говорит растерянно:

— Да это же...

Пуля пробивает ему лоб, и разрывается ткань над переносьем, крошится кость, взбухает и лопаются между глаз кровавый пузырь. Ходов падает навзничь, вздрагивает, молотит ногой по полу...

— Я хочу по-другому! — кричит Лика в трубку, стучит кулачком по колену. — Я хочу по-другому!

— Я хочу по-другому, — тихо вторил ей Вагин. — Я хочу по-другому...

— Я люблю тебя, — прошептала Лика, тряхнула головой, волосы упали на лоб, закрыли лицо.

— Господи, зачем ты послал мне ее? — сказал Вагин. — Я потерял веру. Я обрел сомнения. Я всегда думал, что все делаю правильно. А теперь не знаю. Теперь я ничего не знаю. Я потерял силу.

— Я люблю тебя, — шептала Лика. — Я люблю тебя...

— Я ничего не понимаю, — говорил Вагин. — И не хочу ничего понимать. И мне хорошо от этого. И радостно от этого. Как никогда. Я потерял силу. Я обрел силу.

— Это так, — шептала Лика. — Это так.

Вагин обессиленно опустился на кровать, трубку от уха не отнимал, закрыл глаза, оглаживал пластмассу пальцами, нежно, бережно, как беззащитного маленького зверька, как котенка, как бельчонка, как цыпленка, как зайчонка... Лицо теплое, мягкое, разгладилось, на губах улыбка, непривычная, печальная, не его, легкое движение, и упорхнет, исчезнет.

Тихо!

Ти-хо!!

Не будите спящего милиционера!

Гудки, гудки. Холодными змейками вползают в ухо. Короткие и бесконечные. Болезненные. Нервные. Вагин открыл глаза, нахмурился, приподнялся, трубка упала с плеча. Гудки ослабли, поистончились. Вагин улыбнулся. Нажал на рычажки и тотчас, не опуская трубку, набрал номер. Ждал. Покачал головой, нажал на рычажки, опять набрал номер — другой.

— Здравствуй, — сказал, — Лика, Лика...

— Добрый день, — сказала Лика. — Я знаю, что ты только что проснулся, и знаю, какой сон ты видел...

— Я видел снег, много-много снега. Арктика или Антарктида. Торосы. Белые медведи. Синее небо...

— А потом ты взошел на ледяной гребень и увидел растущую посреди снега пальму, а на пальме желтели бананы, ты срывал бананы и поедал, умирая от наслаждения...

— Да, так, — подтвердил Вагин. — Откуда ты знаешь?

— Я была рядом. Я всегда рядом.

— Я хочу видеть тебя, — сказал Вагин.

— И я хочу видеть тебя, — сказала Лика.

— Сейчас, — сказал Вагин.

— Вечером, мой милый. Вечером. Я же на работе. Скоро показ новой коллекции моделей. Много эскизов. Модельеры стоят за спиной. Надо срисовать, раскрасить. Я очень люблю раскрашивать. Я же рассказывала тебе. Поэтому я здесь и работаю. Белый, синий, охра, кобальт...

— Сейчас, — сказал Вагин.

— Вечером, — сказала Лика. — Я буду ждать.

Она положила трубку.

— Сейчас, — сказал Вагин.

Сорвался с постели, рванулся в ванную. Душ. Тугой. Колкий. Кофе. Сигарета. И он готов.

— Сейчас, — сказал Вагин.

Кинул в сумку свитер, нечитанные газеты, поднял с пола автомат, повертел его в руках, усмехнулся чему-то и тоже отправил в сумку вслед за свитером.

Стремительно скатился по лестнице. Впрыгнул в машину. Помчался. Начало дня. Мостовые забиты автомобилями. Вагин, не стесняясь, гнал по тротуарам, с ходу прошивал проходные дворы, вылетал на встречную полосу, приветственно помахивая ручкой парализованным от такой наглости «гаишникам».

Возле Дома моды поехал тише. Успокаивался. Приближаясь, выискивал глазами окна мастерской, где работала Лика. Перевел взгляд на мостовую, а потом на тротуар, прикидывая, где бы припарковаться, и неожиданно навалился на тормоза. На противоположной от Дома моды стороне улицы, у закрытого газетного киоска он увидел Лику, а рядом с ней Птицу.

Вагин тихонько подъехал к тротуару, остановился. Откинулся на спинку сиденья, покачал головой, зажмурившись, помассировал виски, вздохнул глубоко...

Птица в ладном костюме, тщательно завязанном галстуке, как и тогда, когда Вагин увидел его в первый раз, ухоженный, сытый, говорит с достоинством, едва шевелит губами, веки полуоткрыты, сонный. Лика не отвечает ему, смотрит мимо бесстрастно. Вот Птица не выдержал, что-то громко проговорил, взял женщину за плечи, притянул к себе, попытался поцеловать. Лика уперлась руками ему в грудь, сломала лицо в неприязненной гримасе. Птица сделал еще одну попытку. Вагин схватился за ручку дверцы, взбешенный. Но вот Птица отпустил Лику, сказал ей что-то жестко, зло, ступил в сторону, подошел к машине, стоящей у тротуара, сел в нее, завел двигатель. Лика перешла мостовую, направилась в Дом моды, в узком летнем платье — пестром. Голова вскинута непримиримо, плечи чуть назад оттянуты, стройная. Как только она оказалась спиной к Вагину и, естественно, не смогла бы его увидеть, не обернувшись, он тронул машину с места и поехал вслед за Птицей.

И все-таки она обернулась...

У ближайшего светофора поравнялся с его машиной, заглянул в кабину, ласково улыбаясь. Птица сразу же почувствовал взгляд, повернулся резко, вперился в Вагина, щурился, держал глаза, не отводил, напряженный, бледный. И вдруг, не дожидаясь зеленого сигнала, сорвал машину с места, задымились задние шасси, вхолостую провернувшись на асфальте. Вагин нагнал Птицу у бульвара. Тот заметил его и неожиданно свернул прямо на газон, машина прыгнула на парапет, врассыпную кинулись дети, заголосили мамы. Вагин повторил его маневр. Они пересекли бульвар и оказались на другой стороне улицы. Птица успел въехать в арку дома напротив, а Вагина перегородил дорогу длинный фургон трейлера. Вагин нажал на тормоза, машина пошла юзом, развернулась и шарахнулась задним крылом о фургон. Вагин заматерился яростно, нажал на акселератор, «жигуленок» зайцем скакнул вперед. Вагин объехал трейлер и, не обращая внимания на возбужденные гудки с визгом тормозивших автомобилей, пересек мостовую и влетел в арку. Носился по двору, отыскивая второй выход со двора. Двор огромный. Заборы. Гаражи. Метался меж гаражей, распугивая автолюбителей. Нашел-таки. Узкий проезд в бетонном заборе. Попал на набережную. И тут же в заторе у светофора увидел автомобиль Птицы. Вскрикнул победно, с ходу въехал на тротуар. Летел, не снижая скорости. Птица заметил его. Дал назад, развернул вправо, вспрыгнул на противоположный тротуар, объехал машины, стоящие позади него, и погнал навстречу движению. Вагин повторил тот же маневр. Развернулся и поехал за Птицей. Машины шарахались от них в разные стороны. Бились друг о друга, сшибали телефонные будки, с хрустом ломали деревья и кустарник, обрамлявшие дорогу.

Птица все-таки выбрался на мост. Отчаянно сигналил, пересек его. А Вагин тем временем выбирался из гудящей, смердящей, потной, со страшной силой матерившейся автомобильной свалки. Выбрался. Миновал мост.

Поздно.

Птица исчез.

Вагин орал, кривясь, в бешенстве молотил кулаками по рулю, метался, обезумевший, по набережной, по примыкающим к ней переулкам, проулкам, проездам...

Он нашел машину Птицы во дворе одного из домов, стоящих на набережной, примерно в километре от моста. Птица знал, что делал, он поступил единственно верно — бросил машину. И Вагин знал, что делал — он поступил единственно верно, — он принялся искать машину. И нашел ее. Отыскав автомобиль, тотчас успокоился, откинулся на спинку сиденья, отдыхая. Закурил. Полез в бардачок, достал карту города, развернул ее, водил пальцем по бумаге. Наконец обнаружил, что хотел, усмехнулся, сложил карту, закинул ее обратно в бардачок, притушил сигарету, стал собираться.

Прежде всего проверил исправность автомата. Вынул рожок, взвел курок, щелкнул затвором, выдавил на ладонь пару патронов из рожка, они сияли золотисто, гладкие, аккуратные, безобидные, прожал пружину рожка — крепка ли? не подведет? — втиснул патроны обратно в рожок, а сам рожок примкнул на место, положил автомат рядом, на сиденье, оглядывал его со всех сторон, любовался. Затем выбрался из машины, обошел ее, открыл багажник, извлек оттуда небольшой брезентовый мешочек, звонко хлопнул крышкой багажника, вернулся в кабину, открыл мешочек, там — ключи, много, отмычки, тонкие, никелированные, похожие на пыточный инструмент стоматолога, отобрал несколько ключей и две наиболее универсальные отмычки, сунул их в карман куртки, мешочек застегнул, бросил в бардачок.

Повернул ключ зажигания. Двигатель мелко задрожал, заводясь. Вагин включил передачу. И машина неспешно двинулась с места.

На улицу не выезжал, ехал по дворам, они соединялись арками, узкими проездами, незаметными сразу «дырками» в каменных заборах. Дворы были немые и пустынные. Все как один. Ни людей. Ни эха от гудящего двигателя. Ни шума самого двигателя. Будто он и не работает вовсе. Будто случайный ветерок гонит машину по двору.

И темно во дворах.

И холодно.

Обвалился скол шпукатурки из-под крыши одного из домов, второй, куски крупные, тяжелые, упали перед капотом, раскололись об асфальт бесшумно, взметнулась тотчас блеклая пыль. Пропала, тая. Таяла, пропадая...

Таяли и стекла на окнах, на глазах трескаясь паутинисто; лопались беззвучно, стекали густо по стенам. А оконные проемы корчились в судорогах, в черные щели суживаясь, в щепы крушили оконные косяки, а за окнами металась тень, — в глубине квартир, комнат, коридоров, лестничных площадок — неясные, бесплотные...

А потом стали разрываться стены, как листы бумаги, снизу доверху, сверху донизу...

А потом Вагин выехал на улицу...

Здесь было светло и жарко и вокруг было полным-полно всяких замечательных звуков, как-то: шуршание воробьиных крыльев, бульканье в животе у проходящего мальчишки, шепот растущих тополиных корней, топот крадущегося по карнизу кота (отменный, кстати, кот, большеголовый, толстый, вальяжный и очень благодушный), оглушающий свист радиоволн и т. д., и т. д., и т. д...

Он остановил машину прямо у подъезда, у того самого, до которого провожал Лику в первый день своего с ней знакомства. Засунул автомат за пояс джинсов, застегнул молнию куртки, вытянул шею, посмотрелся в зеркальце, усмехнулся скупно и только после этого вышел из машины...

Поднялся на третий этаж, быстро, легко, мягко кроссовками ступеней касался. Постоял у двери, прислушиваясь. Минуту, две... Осмотрел замки, вынул отмычки, поковырялся в замках осторожно, почти неслышно, и щелкнули замки, один за другим, открываясь. Вагин приотворил дверь. Но заходить пока не спешил. За дверью прихожая, вешалка, кресла, столик, телевизор. Никого. Вагин переступил порог, сделал шаг, другой, на ходу вынул автомат, изготовился, держал оружие двумя руками, стволом вверх. Еще шаг. На полу палас. Он глушит шаги, и без того тихие, почти невесомые. Вагин остановился у двери в комнату. Комната в этой квартире одна, потому что квартира однокомнатная, бывают квартиры двухкомнатные, трехкомнатные, четырехкомнатные, пятикомнатные, многокомнатные, а эта — однокомнатная, маленькая, на одного человека рассчитанная, а может быть, на двух, а то и на трех, а в некоторых однокомнатных квартирах по шесть человек живут, вон оно как складывается иной раз...

Ухо к двери повернул. Слушает. Губы в неуверенной усмешке кривит.

Саданул по двери ногой, влетел в комнату, автомат перед собой выставил. Замер в шаге от порога. Прямо в лоб ему глядел неприветливый зрак пистолета. Пистолет держал Птица — обеими руками, как и Вагин свой израильский автомат «Узи».

Стояли.

Боялись пошевелиться. Любое движение сейчас — смерть. Пальцы на спусковых крючках томятся, дрожат.

Ствол в ствол. Глаза в глаза. Молчат.

Комната довольно большая. Прибранная. Женская. Пуфики. Салфеточки. На стенах фотографии Лики: в купальнике, без купальника, за рулем иномарки, с тигренком в руках. Черный кожаный диван, украшенный цветастыми подушками. И много цветов повсюду. На полках импортной стенки — парфюмерия, косметика, пачки «Марльборо», бутылки с несоветскими напитками, окна не зашторены, распахнута форточка, сквозняк шевелит цветы в вазах, они сгибаются с сопротивлением и с достоинством выпрямляются вновь, не комната — летний сад — живой, благоуханный.

— Как ты вошел? — нарушил молчание Птица. — У тебя есть ключ?

Вагин отрицательно покрутил головой.

— Отмычка, — ответил коротко.

Птица засмеялся удовлетворенный, констатировал:

— Значит, у тебя нет ключа от ее квартиры.

Вагин опять отрицательно покрутил головой.

— Она не дала тебе ключ, — продолжал смеяться Птица. — Она не дала тебе ключ, она не дала тебе ключ...

Зазвенел телефон в прихожей. Птица вздрогнул, осекся. Лицо напряглось, высохло вмиг, кожа натянулась на висках. Но не шелохнулся он, не отвлекся — ствол его пистолета упрямо смотрел Вагину в лоб.

Опять молчали.

За окном завывла милицейская сирена. Птица чуть качнул головой в сторону окна, слушая, но глаза от Вагина не отвел. И Вагин тоже слушал. С надеждой. Но милицейская машина проехала мимо.

Вагин попытался сдуть капельку пота с носа. Не сумел. Сморщился. Засмеялся почему-то. Умолк.

— Московское время пятнадцать часов, — сказал кто-то у Вагина за спиной. После перерыва включилась трансляция.

Теперь вздрогнули оба — и Вагин, и Птица. Крепче сжали оружие. Ждут.

— Прослушайте объявления и рекламу, — равнодушно сообщил диктор. — Сегодня во дворце культуры металлургов состоится конкурс-выставка кошек, организованная клубом любителей кошек «Союз».

Вагин краем глаза уловил движение сбоку. Мелькнуло что-то темное за окном, отлетела форточка в сторону, до конца распахиваясь, зазвенела стеклами, упала тень на лицо Птице. Он непроизвольно повернул голову к окну. И тогда Вагин выстрелил. Очередью. Птицу отшвырнуло к стене. Уже мертвый, он сполз по ней на пол. Из-под раздробленной головы тотчас потекла кровь, вязкая, скользкая.

Кот спрыгнул с форточки. Сел на паркет, уставился на Вагина с любопытством.

— Спасибо, — сказал Вагин.

— Не стоит благодарности, — ответил кот, почесал толстой лапкой за ухом, отрешенно глядя перед собой. Чихнул. Поднялся. Потопал из комнаты. Упитанный. Неторопливый. Хозяин.

— Как звать-то тебя? — вслед ему спросил Вагин.

— Чома, — не оборачиваясь, ответил кот.

— Хорошо, — сказал Вагин. Снял салфетку с маленького столика, накрыл ею окровавленное лицо Птицы. Отступил назад и устало опустился на пол у стены, напротив

трупа. Вынул сигареты. Закурил.

Пускал изо рта невесомый дымок. Наблюдал рассеянно, как причудливо вьется он в воздухе, как слоями виснет под потолком, как исчезает на глазах, превращаясь в ничто.

За первой сигаретой последовала вторая, затем третья...

Прохрустел ключ в замке, поспешно, суетливо, скрипнула дверь, качнувшись на петлях, распахнулась, не хлопнулась потом как следовало бы, щелкнув металлическими язычками, и встревожил сквозняк цветы, они встрепенулись, зашевелились, волнуясь, все как один, в ожидании к двери обратились, замерли, внимая.

Лица шагнула в комнату. Остановилась тотчас. Увидела лежащего Птицу, зажмурилась на мгновение, тряхнула головой, на Вагина взгляд перевела. Вагин не вставал, все так же сидел на полу, ноги скрестив, курил, шурился от дыма, смотрел на Лику выжидающе. Она снова взглянула на Птицу, подалась вперед, сделала шаг, другой, присела возле трупа, потянула салфетку вверх с его головы, опять зажмурилась, отпустила салфетку, погладила Птицу по груди, по плечам, по рукам, разжала пальцы на правой руке, подняла пистолет, встала, направила оружие на Вагина... Вагин затянулся очередной раз, бросил равнодушный взгляд на пистолет, потом вскинул глаза на Лику, глядел на нее вопросительно, ну что дальше, мол? Упала рука с пистолетом, повисла безвольно вдоль тела, полетел вниз пистолет, грохнулся о паркет, Лица подогнула ноги, неуклюже села на пол напротив Вагина, вжала ладони в лицо, забормотала что-то несвязное, вздрагивала.

Вагин какое-то время смотрел на женщину, бережно трогал взглядом ее струистые волосы, ее белые пальцы, ее прозрачные запястья, ее острые локотки, ее тонкие бедра, ее легкие ноги, согревал глазами ее, выстуженную, — ощутимо. Она почувствовала, перестала вздрагивать, перестала бормотать, ладони стекли с лица, она улыбалась тихо, глаза закрыты, лицо светлое... Вагин встал, взял с пола пистолет, вынул из кармана платок, вытер отпечатки с оружия, вложил его обратно в руку трупа, вернулся к стене, где сидел, подхватил автомат и его протер платком и, усмехнувшись, вложил его в другую руку Птицы, полюбовался проделанной работой, затем вытряхнул окурки из пепельницы и завернул их в клочок бумаги, сунул бумагу в карман куртки и из того же кармана достал красную книжечку — паспорт. Развернул его, прочитал вслух:

— Альянова Елизавета Ивановна, — протянул паспорт Лице.

Лица открыла глаза, машинально взяла паспорт, машинально открыла, увидев свою фотографию, тотчас хлопнула паспорт, подняла лицо к Вагину, взглядела в него внимательно. Вагин подал ей руку, помог встать, поцеловал легонько в губы...

Через несколько минут с двумя тугими пузатыми сумками и упитанным котом Чомой под мышкой она стояла в прихожей.

Вагин напоследок еще раз оглядел квартиру и вышел прочь, с силой хлопнув за собой дверь.

Вагин остановил машину возле своего дома. Вышел. Один. Взбежал по лестнице. Очутившись в квартире, первым делом заспешил к письменному столу, вынул из ящика лист бумаги, почтовый конверт, ручку, написал на листе скоро: «Начальнику управления внутренних дел... Рапорт... Прошу уволить меня...» Расписался, поставил число, сложил бумагу, сунул ее в конверт, а сам конверт заклеил и написал на нем адрес и только потом принялся собирать вещи.

Появился на улице с объемистой спортивной сумкой. Прежде чем подойти к машине,

бросил конверт в почтовый ящик, что висел рядом с подъездом.

— Послушай, — окликнула его Лика. Она стояла у автомобиля, опиралась на открытую дверцу. — А куда мы, собственно, едем?

Вагин приблизился к машине. Пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Хорошо, — сказала Лика, и снова забралась в машину, и захлопнула дверцу.

Кончился город. По обеим сторонам дороги мелькали деревеньки, перелески, поля, коровы, комбайны, церкви, с о л н е ч н ы е л у ч и, бабочки, загорелые мальчишки, велосипеды, старики, цветы, жестяные ведра и, конечно же, коты — куда же без них, — и много всякого другого.

Вагин вставил кассету в магнитофон. Том Джонс. Семидесятые годы. «Естердей». Слушал напряженно минуту, две, а потом улыбнулся, а потом захохотал.

— Если б ты знал, как я счастлива, — сказала она.

— Если б ты знала, как я счастлив, — сказал он.

Машину догоняли, снижаясь, два желто-синих вертолета.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я люблю тебя, — сказала она.

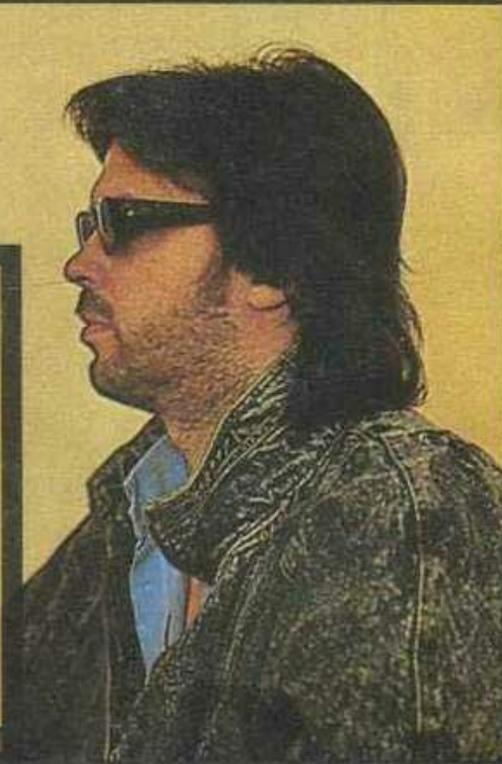
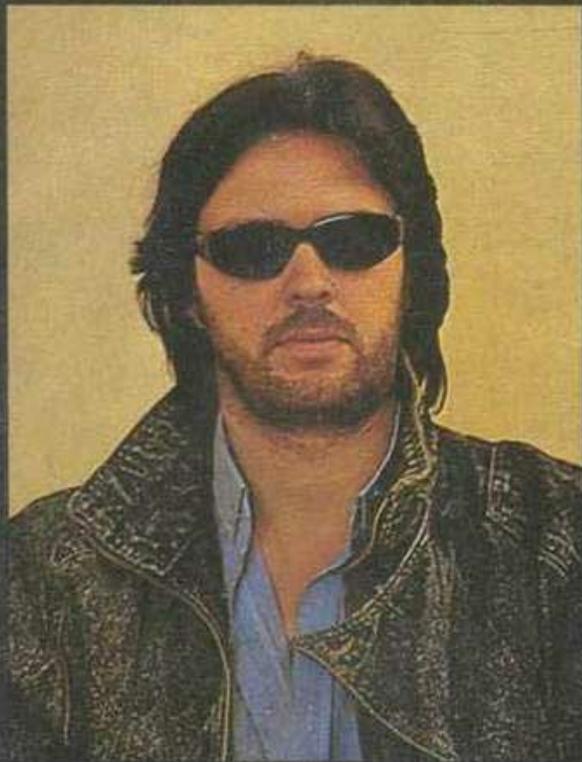
— Они любят друг друга, — подтвердил Господь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Николай ПСУРЦЕВ

Николай ПСУРЦЕВ

Раскололись витражи на стене за сценой. Посыпались вниз разноцветные стекла, гулко забарабанили по дощатой сцене... Вагин поморщился, услышав выстрелы, чуть втянул голову в плечи, но не повалился наземь, как милиционеры в бронежилетах. Рука его метнулась автоматически под куртку, выдернула из-за пазухи пистолет. Вагин крикнул что-то нечленораздельное, только ему понятное, и нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел.

Худого отбросило назад. Он повалился на пол, звучно ударившись о паркет затылком. Из раны на шее слабо плеснула кровь.

— Педераст... твою мать! — прохрипел Вагин и медленно опустил оружие.

КРУТОЙ ПАРЕНЬ

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.